

Н О В Ы Й Ж У Р Н А Л Ъ Д Л Я В С Ъ Х Ъ .

ПЕТРОГРАДЪ.

№ 6.

ИЮНЬ 1915.

СТИХИ: П. Соловьева (Allegro), Георгій Адамовичъ, Г. Вяткинъ, Натанъ Венгровъ, М. Струве, Анна Соловова, Николай Оцупъ, Д. Добровольскій, Иннокентій Аксеновъ, Т. Кладо, В. Аренсъ	5	М. СИМОНОВИЧЪ.— Парижъ въ изображеніи французскихъ рисовальщиковъ	37
А. ТРИШАТОВЪ.— Женихъ	5	АЛЕКСАНДРОВЪ.— Земство и Народные Дома	46
СЕРГІЙ МИХАЙЛОВЪ.— Възсканіе погибавшихъ	12	ЧЕРНЯВЪ.— Къ моменту	52
А. ИСАКОВА.— Среди враговъ	20	П. ЧЕРКАССКІЙ.— На зарубежныя темы	52
АНТОНЪ АМНУЭЛЬ.— Богдо-Ула	30	А. АМНУЭЛЬ.— Памяти Вел. князя Константина Константиновича	54
ЭДУАРДЪ СЛОНСКІЙ.— Въ штыки	35	А. ТИНЯКОВЪ.— Живое дѣло	56
ВСЕВОЛОДЪ КУРДИОМОВЪ.— Циклъ стиховъ	35	БИБЛИОГРАФІЯ	58
		ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Юньскій номеръ иллюстрированъ работами французскихъ художниковъ.

ВЪ „НОВОМЪ ЖУРНАЛѢ ДЛЯ ВСѢХЪ“ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: Анна Ахматова, Г. Адамовичъ, Грааль Арельскій, Л. Андрусонъ, Людмила Ануфриева, С. Ауслендеръ, С. Бахлановъ, Александръ Блокъ, А. Боане, А. Богдановъ, Николай Бруни, проф. В. А. Вагнеръ, Натанъ Венгровъ, Борисъ Верхоустинскій, Г. Вяткинъ, М. Ге, пр.-доц. И. И. Гливенко, Е. Голицынская, Максимъ Горькій, Сергій Городецкій, Н. Гумилевъ, Любовь Гуревичъ, А. Добровольскій, Борисъ Зайцевъ, Георгій Ивановъ, Рюрикъ Ивневъ, С. К. Исаковъ, Г. Кваша, проф. Н. Л. Кладо, Т. Кладо, А. А. Кондратьевъ, Вл. Кохановскій, Всеволодъ Курдюмовъ, К. Кравцовъ, В. Красновъ, М. Кузминъ, А. Липецкій, Артуръ Лурье, О. Мандельштамъ, О. Миртовъ, С. Михайловъ, М. Моравская, И. Накатовъ, К. Одищевъ, Ин. Оксеновъ, О. Л. д'Орь, Н. Оцупъ, А. Петричъ, проф. В. Д. Плетневъ, Н. Н. Пунинъ, С. Рафаловичъ, А. Ремизовъ, Михайлъ Сандомірскій, А. Свирицкій, Юрій Слезкинъ, П. Соловьева (Allegro), М. Струве, М. В. Федуловъ, проф. Н. Фирсовъ, А. А. Фридманъ, П. Черкасскій, А. Ширяевецъ, Е. Эдвардъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ: Натанъ Альтманъ, Левъ Бруни, В. Д. Замирайло, Л. Квятковскій, В. Кунсъ, П. И. Львовъ, В. А. Милашевскій, Д. И. Митрохинъ, П. Мигуричъ, худ.-фот. А. Н. Павловичъ, Н. Пинъгинъ, проф. Н. С. Самокишъ, Н. Тырса, Н. П. Ясиновскій и др.

Тарифъ объявленій

ВЪ „НОВОМЪ ЖУРНАЛѢ ДЛЯ ВСѢХЪ“.

Послѣ текста. 2 и 3-я стр. обложки. 4-ая стр. обложки.

1/1 страница	60 руб.	100 руб.	120 руб.
1/2 "	35 "	55 "	65 "
1/4 "	20 "	30 "	35 "

Строка непарелли: Послѣ текста. 2 и 3-я стр. обложки. 4-ая стр. обложки.
50 коп. 60 коп. 80 коп.

Приложенія въсѣмъ до 1-го лота 10 руб. съ тысячи, за каждый послѣдующій лоть по 2 р. 50 к. за каждый лоть.

Главная контора „Новаго Журнала для Всѣхъ“ напоминаетъ, что во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала (съ Іюля)—полугодовымъ подписчикамъ слѣдуетъ произвести второй взносъ (1 р. 20 к.) немедленно по полученіи Іюньской книжки.

Подписавшимся въ рассрочку и уплатившимъ къ настоящему времени два взноса (1 р. 60 к.) также надлежитъ произвести уплату послѣдняго взноса (60 коп.) немедленно по полученіи Іюньской книжки.

При этомъ номерѣ прилагаются проспектъ и переводный бланкъ о подпискѣ на „НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ для ВСѢХЪ“.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ для всѣхъ

1915г.

ІЮНЬ

№ 6

Стейнленъ.

Кулисы.

С Т И Х И.

БАБУШКА.

Поздній вѣтеръ, пролетая,
Глухо ухнулъ за стѣной.
Вяжетъ бабушка сѣдая
Шарфъ на спицахъ шерстяной.

А часы въ футлярѣ темномъ
Мѣрятъ время въ тишинѣ.
Вяжетъ въ чепчикѣ огромномъ
Тѣнь старухи на стѣнѣ.

Примостилась компаньонка
Рядомъ, карты разложивъ.
Дребежащій голосъ тонко
Повторяетъ: „Живъ онъ, живъ!“

Бубны—вамъ письмо—направо.
Дамы были, но вдали.
Слѣва трефы—это слава,
И тузы кругомъ легли“.

„А зачѣмъ же здѣсь пиковка?“
„Путь далекій—можетъ быть“.
И гадалка хочетъ ловко
Пику бубною прикрыть.

Вдругъ звонокъ прозвучалъ громко.
На лицѣ старушки—страхъ.
Прибѣжала экономка
Съ телеграммою въ рукахъ.

Что тамъ скрыто: радость? лихо?
Чепчикъ бабушки поникъ.
Компаньонка шепчетъ тихо:
„Тузъ бубень.... десятка пикъ.“

П. Соловьева (Allegro).

Вотъ все, что помню: мосты и камни,
Улыбка наглая у фонаря,
А здѣсь—забитыя кѣмъ-то ставни,
Дожди, спокойствіе и заря.

Брожу, не знаю, не вѣрю, шатаюсь,
А мысли,—а мысли всегда одни...
Кукушка, грустно на вѣткѣ качаясь,
Считаетъ гостю рѣдкому дни.

И дни бесцетны. Пятнадцать, сорокъ,
Иль безконечность? Все равно—
Не птицѣ сѣрой понять, какъ скоро
Ветхій корабль идетъ на дно.

Георгій Адамовичъ.

СИРЕНЬ У ОКНА.

Сирень у окна...
А въ небѣ, веселомъ отъ солнца и звона,
Колышетъ, колышетъ Царица-Весна
Свои голубыя знамена.

Ты цѣлыми днями въ саду,
Съ раскрытою книгой сидишь, не читая.
А ночью, въ тревожно-блаженномъ бреду,
Тоскуешь, томясь и мечтая.

Смѣешься чему-то, и плачешь невольно,
А взоры—какъ синія звѣзды во мглѣ...
Весной, на цвѣтущей землѣ,
Душѣ одинокой такъ больно!

А утромъ проснешься—сирень у окна,
Лучи на перилахъ балкона,
Въ сіяющемъ небѣ—Царица-Весна,
Ея голубыя знамена.

Г. Вяткинъ.

Полысѣли по лѣсу бугры...
Отъ коры
робкимъ запахомъ тянутся смолы...
Вотъ опять донесло
чей то вздохъ невеселый
и трудный...
...Хилой зеленью мхи проросло,
скудной...
И нище. И голо.

Натанъ Венеровъ.

Весна 1915 г.

Оттого, что апрѣльскія сумерки у васъ
подъ глазами,
Оттого, что вы ходите большими шагами,
Оттого, что весна никогда не даетъ вамъ
румянца

И вы лѣтомъ блѣднѣй, чѣмъ зимой,
Забываю въ трамваѣ, что надо домой,
Проѣзжая за станціей лишнюю станцію.

И забывшій о всемъ, я могу быть недвижимымъ
часами,
На мостахъ, на бульварахъ, подъ частымъ
осеннимъ дождемъ,

Оттого, что апрѣльскія сумерки въ сердцѣ
моемъ,
Блѣдносинія сумерки, какъ у васъ
подъ глазами.

М. Струве.

МОЛИТВА.

Ангель Хранитель, Царицу Небесную
Ты за меня умоли:
Пѣсню да будутъ мнѣ страсти тѣлесныя,
Пляской священной да будутъ мнѣ крестныя
Скорби земли!

Слезы да будутъ росой умиленія,
Радостью Божьею—смѣхъ.
Да окропится дождемъ очищенія,
Да расцвѣтятся цвѣтами смиренія
Посохъ мой—грѣхъ.

Анна Соколова.

ИЗЪ ЦИКЛА „ЖЕНСКОЕ“.

I.

Говорили о позорѣ,
Я рѣшила, что онъ умретъ.
Застрѣлила его въ корридорѣ,—
Онъ упалъ лицомъ впередъ.

А когда сѣдая дама
Склонилась къ его ногамъ,
Губы вымолвили: „мама,
Я сдѣлалъ это самъ.“

II.

Говори, терзай, не понимая.
Возражать не смѣю, не могу,
Я молчу, покорная, нѣмая,
Я скажу—и я солгу.

Даже укорять тебя не стану,
Ты уже и весель, и хорошъ.
Я глубоко въ сердцѣ спрячу рану
И не выну заржавѣлый ножъ.

Николай Оцупъ.

Закатъ сейчасъ сгоритъ. Въ его послѣднихъ
стрѣлахъ,
Въ его лучахъ задумались вы...
На колокольняхъ розовыхъ и бѣлыхъ
Звонять колокола Москвы.

Молитвы дѣтскія. Когда то пѣлъ ихъ.
Душа была звучна, какъ колокола мѣдь...
Теперь въ ней больше нѣтъ ни чувствъ, ни
звуконъ цѣлыхъ,
А сердце спорить все—о если бъ только
смѣтъ

Не подводить печальнаго итога...
А вы—вы смотрите задумчиво и строго.

А. Добровольскій.

* * *

Навѣрное, былъ жалокъ видъ
Покорныхъ рукъ, безсильно сжатыхъ:
— Такой-то офицеръ убить
Въ бою горячемъ на Карпатахъ.

А я его совсѣмъ не зналъ,
Не видѣлъ никогда; но тоже
Скользящій холодъ пробѣжалъ
Щекоткой мелкою по кожѣ.

И на мгновеніе ясна
Мнѣ стала пламенная клятва,
Кропящая огнемъ весна,
И нескончаемая жатва!

Мнѣ почему-то очень жаль,
Что отзвучала панихида.
Вѣдь одинокая печаль—
Неисцѣлимая обида...

Иннокентій Оксеновъ.

Развѣ можно сидѣть въ вагонѣ,
Если взглядъ былъ вчера такъ долготъ?..
Если свѣтять березки на фонѣ
Убѣгающихъ темныхъ елокъ?

Развѣ можно, чтобъ видѣли люди
Даже бѣглую тѣнь загадки?
Буду думать, думать о чудѣ,
Одна, на вѣтру, на площадкѣ...

Т. Кладо.

ПРОГУЛКА.

Разстилаются низко кустарники,
Липки розовой смолки стебли,
И цвѣты ярко-желтые арники
Распустились у самой земли.

Облака островками разбросаны
На небесномъ воздушномъ пути.
И холмы, зеленѣя откосами,
Такъ и тянутъ въ ложбину уйти.

Вьется тихо тропинка зеленая,
Какъ распутанный шелка клубокъ.
Вотъ сверкнула рѣка обнаженная,
Золотистый лаская песокъ.

Но забытаго города пыльнаго
На мгновеніе встанетъ миражъ,
Чтобы вспомнилось, какъ я, безсильная,
Поднималась на пятый этажъ.

В. Аренсъ.

Стейнленъ.

„14 іюля“.

Ж е н и х ъ.

Разсказъ А. Тришатова.

Посвящается В. А. Добровольской.

Война отразилась на дѣлахъ бібліотеки. Подписчиковъ почти не прибывало, а выписывалось каждый день по восемь-десять чело-вѣкъ.

— Нѣтъ новинокъ. Не до чтенія. Теперь только газеты читаешь...

Разсказывали о призванныхъ братьяхъ, мужьяхъ, знакомыхъ, и Юлія Николаевна, принимая желтенькія книжечки абонементовъ, все доставала и доставала изъ ящичка кассы серебряные и бумажные рубли—возвращала за-логи.

Ее убивало то, что за мѣсяць до войны она только что перемѣнила помѣщеніе. Изъ тѣсной комнаты на Бронной, гдѣ она такъ уста-вала, пугаясь въ нагроможденныхъ полкахъ и толкаясь въ постоянно наполнявшей комнату кучѣ подписчиковъ, она, наконецъ, перебра-лась въ помѣщеніе, достойное ея быстро ра-стущей бібліотеки. И теперь, когда она про-ходила по этой просторной высокой комнатѣ съ массой свѣта отъ четырехъ высокихъ оконъ, когда ея взглядъ скользилъ по блестящимъ полочкамъ новыхъ подъ потолокъ уходящихъ

шкаповъ, по широкимъ доскамъ большого удобнаго прилавка, она чувствовала почти фи-зическую боль.

— Если бы знала, если бы знала, ну ни за что всего этого не затѣяла бы...

Народу бывало такъ мало, что Юлія Нико-лаевна сознавала, что могла бы управиться одна, но отпустить помощницу ей не хотѣлось. При сдѣланныхъ тратахъ, экономія на жало-ваніи помощницы ей казалась грошевой, а по-томъ она любила Лизу, привыкла къ ея ровной, быстрой, безшумной работѣ, да и отношенія у нихъ создались не на почвѣ бібліотеки и Ли-зиной службы. Онѣ были подруги, вмѣстѣ учи-лись дѣвочками въ маленькомъ уѣздномъ го-родѣ, вмѣстѣ мечтали о Москвѣ. Ихъ судьба сложилась по разному.

Юлія Николаевна еще гимназисткой попала въ Москву. Вышла замужъ.

Теперь у нея было свое дѣло, семья, дѣти. Она сохранила свою жизнерадостность, здо-ровье, свой веселый, немножко неровный ха-рактеръ. Замужнею женщиной осталась той же простой и доброй, какой была дѣвочкой, когда

отдавала яблоки и булки и плакала отъ жалости за наказанную подругу.

Она вспомнила Лизу. Отыскала ее въ Москвѣ надорвавшей здоровье и сердце, поплакала съ ней и пристроила ее у себя.

Особенно мало народа бывало по утрамъ, до часу, до двухъ. Рядомъ съ библиотечной была маленькая комната, гдѣ тоже стояли шкапы и гдѣ сваливали книжный хламъ и старые журналы. Юлія Николаевна пристроила здѣсь столикъ и швейную машину. Здѣсь онѣ сидѣли съ Лизой. Юлія Николаевна подружала простыни, шила платица для дѣвочекъ, чинила бѣлье. Лиза тоже работала, но тихо, скупая. Чаще она брала какую-нибудь новую книгу, чтобы читать вслухъ.

Это удавалось ей рѣдко. Юлія Николаевна прерывала чтеніе замѣчаниями, посторонними разговорами, воспоминаніями, подробностями изъ вчерашняго дня. Часто убѣгала въ дѣтскую, въ кухню, шумно перекрикивалась съ прислугой, или начинала долго и пространно говорить по телефону. Это нервировало Лизу.

Она пробовала читать про себя, но уставала, раздражалась, не умѣла сосредоточиться. За два года службы она не привыкла читать урывками.

Она отходила къ окну и пристывала къ нему, пока ее не отрываетъ звонокъ подписчика, шумный возгласъ Юліи Николаевны.

Какъ она любила Арбатъ! Сюда она пріѣхала молодой, рвущейся.

Здѣсь она столько пережила и перестрадала. И всегда изъ окна—Арбатъ.

Пестрый отъ солнца, хмурый въ московскіе сумерки, грязный въ осенніе дожди, бѣлый зимой. Ей казалось, она знаетъ здѣсь каждый домъ, и то, что люди проходятъ вотъ по этому тротуару, чѣмъ-то ихъ роднило съ ней.

Она здоровалась съ улицей и прощалась. Она прислушивалась къ ея жизни.

Она любила вынуть изъ толпы и спрятать въ своей памяти то или другое лицо. Напротивъ былъ рядъ магазиновъ и одинъ цвѣточный.

Ея глаза привыкли каждый день видѣть эту витрину. Ее трогала мысль, что она, какъ цвѣты, выставлена въ окнѣ, каждый день. Только цвѣты мѣняются и будутъ мѣняться. За ними приходятъ, ихъ покупаютъ, уносятъ, а кто придетъ за ней? Отъ этого сна казалась себѣ несчастной, но не совсѣмъ обычно, красивѣе.

Юлія Николаевна встрѣчала подписчиковъ шумно. Если не нужно было спѣшить, она за-

тѣвала безконечные разговоры и чаще всего не о книгахъ.

Это нравилось. Курсистки, пріѣзжающія изъ провинціи, видѣли въ ней близкаго своего человека, дѣлились съ ней восторгами, рассказывали о лекціяхъ, профессорахъ и знакомыхъ студентахъ. У Юліи Николаевны была память на лица, на мелочи. Она никогда не путалась, запоминала каждого и могла черезъ три дня съ хохотомъ продолжать разговоръ, входя во всѣ измѣненія какой-нибудь несложной студенческой исторіи. Она дѣлала поблажки, и давала двѣ книги вмѣсто одной, разрѣшала держать дольше срока и приберегала особенно нужные учебники для тѣхъ, кто просилъ.

И подписчики тянулись къ ней, и если ей случалось оставить библиотеку на Лизу, то Лиза привыкла, что каждому пришедшему нужно будетъ отвѣтить на неизмѣнный вопросъ: „А гдѣ же сама Юлія Николаевна?“

Лиза была „золотая“ помощница. Она работала необыкновенно аккуратно и быстро. Ея пальцы сразу вынимали нужную книгу. Она могла дать всякую справку сейчасъ-же, на память, но ея скучающій, не видящій взглядъ отпугивалъ отъ нея. Казалось, у нея не можетъ быть ни пріятелей, ни любимцевъ, но тѣхъ подписчиковъ, которые ходили особенно часто, она запоминала, перебрасывалась съ ними незначительными фразами, смѣялась на ихъ шутки. У ней было свое опредѣленіе для людей, неврающихся ей. Если подписчица раздражала ее непонятными требованіями, пустяками, она отходила, говоря про себя:—вотъ „кукла“!—Сердиться сильно она не умѣла. Она любила подмѣчать смѣшное. Въ ней была склонность къ ироніи. Она осторожно начинала копировать кого-нибудь, но ее пугалъ хохотъ Юліи Николаевны, и она переставала.

Изъ нихъ двоихъ она была моложе, но казалось, что она старше, и какъ-то завелось, что ей выливалась свое сердце Юлія, неумѣвшая ничего переживать въ себѣ. Двухлѣтняя совместная работа сблизила ихъ. У нихъ появилось свое, имъ однимъ понятное, свой профессиональный языкъ. Онѣ звуками передавали другъ другу просьбу передать ту или другую книгу, и глазами разговаривали о здѣсь же стоящемъ подписчикѣ. При всемъ ихъ различіи, у нихъ было общее. Онѣ были женщины, и, каждая по своему, онѣ вдругъ убѣждались, что замѣчаютъ одно и то же, что одно и то же имъ нравится или кажется смѣшнымъ, страннымъ, привлекаетъ или отталкиваетъ въ входящихъ къ нимъ мужчинахъ.

Онѣ обѣ замѣтили и видѣли одного.

Правда онъ бывалъ ужь очень часто, сталъ своимъ человѣкомъ и онъ къ нему привыкли. Для него онъ не подходили къ прилавку, а въ ихъ комнаткѣ, гдѣ стучала машинка, и Лиза откладывала, нумеровала и вписывала новыя книги, работа шла такъ же, какъ и безъ него. Онъ оставался съ ними, болталъ часами, курилъ, лазилъ по полкамъ, и уходилъ, выбравъ нужную книгу, часто только черезъ два, черезъ три часа. Вечеромъ онъ угощали его чаемъ съ вареньемъ и просили подходить къ телефоннымъ звонкамъ, когда были очень заняты. Юлія Николаевна знала его чуть ни съ перваго года своей библиотекы, и называла „мой первый подписчикъ“, хотя это была неправда.

Она помнила его студентомъ послѣдняго курса, учителемъ недолго, а теперь она привыкла встрѣчать его одной и той же фразой:

— Какъ вамъ не стыдно, Владиміръ Валерьяновичъ, молодой, здоровый, такимъ какъ вы и работать, а вы только книжки читаете. Ну что вы дѣлаете?.. ничего!..—и онъ соглашался, обезоруживая ее своей улыбкой:

— Ничего, Юлія Николаевна..

Тогда она начинала смѣяться.

— Влюбились бы вы, что ли?

— Я уже старикъ, Юлія Николаевна.

— Старикъ!—она возмущалась.—Старикъ! Нѣтъ, вы посмотрите на себя въ зеркало. Знаете, вы совсѣмъ мальчикъ. Вамъ семнадцать лѣтъ можно дать... Лиза, правда у Владиміра Валерьяновича поразительно моложавое лицо?

Она горячилась искренно, а Лиза пряталась въ книги. Выходки Юліи Николаевны ей не всегда казались уместными, не нравилась такая несдержанность и шумность. Она уклонялась отъ отвѣта, перемѣняла разговоръ.

То о чемъ Юлія Николаевна говорила шумно, пространно, она замѣчала по своему и по своему запоминала. Ее удивляла моложавость Владиміра Валерьяновича. Онъ производилъ на нее впечатлѣніе мальчика. Онъ былъ очень хрупокъ, блѣденъ, болѣзненъ, и когда въ разговорѣ нервно гладила корешки книгъ, она заглядывалась на его маленькую руку, съ синими жилками, какъ у больныхъ дѣтей. Ей казалось невозможнымъ, что онъ успѣлъ кончить университетъ. Ей нравилось что-то въ томъ, что онъ живетъ не трудясь, не какъ всѣ. Она считала нетактичнымъ спрашивать подробнѣе, но думала, что онъ изъ богатой семьи, что у него что-нибудь есть. Одѣвался онъ неряшливо, но она объясняла это чудачествомъ.

Однажды она спросила:

— Сколько вамъ лѣтъ?

Ее разсмѣшило, когда онъ сказалъ:

— Двадцать девять.

— Да вы и правда старикъ. Вамъ столько же, сколько и мнѣ.

Она думала, что онъ что-нибудь скажетъ, что говорится въ такихъ случаяхъ, но онъ промолчалъ. Въ первый разъ она почувствовала обиду отъ сознанія, что къ ней относятся безразлично.

Случилось въ прошломъ году, весной, передъ Пасхой. Знакомая курсистка уговорила ее пойти на лекцію въ Политехнической. Она пыталась отказаться, ее пугало названіе: „Позво-вечеръ“. Отъ нея очень далеки были новыя, литературныя теченія, и имя Сѣверянина она знала по обложкѣ книжки, книжки ходовой, которую она такъ часто давала по требованію подписчиковъ. Но читатель Сѣверянина былъ читателемъ Вербицкой. Для нея это была одна литература и лично она не раскрывала такихъ книгъ.

Она сдалась на убѣжденія, что билетъ и деньги пропадутъ даромъ.

Она пошла.

Было очень много народа и трудно было найти гдѣ встать. Переходя черезъ аудиторію, она встрѣтилась съ Владиміромъ Валерьяновичемъ. Она удивилась. Владиміра Валерьяновича она привыкла связывать съ библиотекой, и то, что она увидѣла его здѣсь въ такой обстановкѣ, было ново и взволновало ее.

Она была рада знакомому лицу, потому что аудиторія была ей чужда, и ее смѣшили и смущали странные наряды дѣвушекъ и молодежи. Ей казалось многое неприличнымъ, невозможнымъ. Она удивилась, какъ она чужда всему новому. Но было приятно жаться въ толпѣ на ступенькахъ лѣстницы у стѣны. Это напоминало ей прошлое, лекціи, когда она бѣгала вотъ такъ изъ аудиторіи въ аудиторію, слушала о крестьянскомъ вопросѣ и аплодировала Рожкову. Все, что говорилось во вступительной лекціи, было такъ ей ново, что ей нужна была помощь, разъясненія. Она обратилась къ Владиміру Валерьяновичу. Когда они ходили въ фойе, онъ поразилъ ее, столько онъ зналъ именъ новыхъ поэтовъ. Потомъ онъ изображалъ, какъ будетъ сейчасъ декламировать Игорь Сѣверянинъ. Ей хотѣлось смѣяться, но ее стѣсняла публика. Она рѣшила, что все это шутка. Потомъ въ аудиторіи, она помнила, что, спрятавшись за Владиміра Валерьяновича, почти крича, сжавъ платокъ зубами, она хохотала, какъ безумная. Ей ка-

залось, что она сейчасъ упадетъ, и она глазами молила Владиміра Валерьяновича ее подержать.

Хоть аудиторіи, безконечные аплодисменты, яркій свѣтъ и качающіе, пѣвучіе звуки съ эстрады, заражали, влекли ее.

Пока вмѣстѣ шли до трамвая, она заставляла Владиміра Валерьяновича повторять то одно, то другое стихотвореніе. И опять хохотала, обращая на себя вниманіе прохожихъ.

Ей пришла мысль, что она можетъ продолжить удовольствіе, и она позвала Владиміра Валерьяновича къ себѣ на второй день праздника, и когда она уѣзжала въ трамвай къ Арбатской площади, она еще слышала его голосъ, поющій:

— Въ шумномъ платьѣ муаровомъ,
Въ шумномъ платьѣ муаровомъ...

Она позвала, но не ждала, чтобы онъ пришелъ. Когда онъ пришелъ, она была удивлена и обрадована. Но онъ стѣснялъ ее. Она не знала, какъ себя вести, и была рада, что можно говорить о лекціи. Она просила, чтобы онъ попробовалъ читать ей, опять подражая Сѣверянину. Онъ согласился охотно и читалъ одно стихотвореніе за другимъ, и по прежнему она смѣялась, но боялась признаться себѣ, что ей что-то въ нихъ нравится. Въ первый разъ въ жизни она была такъ несерьезна.

Она почувствовала себя молодой. Она почувствовала себя хозяйкой, которая принимаетъ гостя. Она старалась, чтобы все было вкусно. Ее смущало, что гость отказывается. Ей хотѣлось выразить ему свою благодарность, признательность. Въ ея тѣсной комнатѣ, такъ близко отъ нея, онъ казался ей совсѣмъ мальчикомъ. Въ ней проснулась нѣжность.

Его голосъ, совсѣмъ не мужской, по дѣтски вздрагивающій, волновалъ ее.

Когда онъ ушелъ, она постаралась подражать ему. Чтобы возстановить его голосъ, она подражала и манерѣ. Она говорила на распѣвъ, сильно растягивая окончанія, не замѣчая, что путаетъ незнакомыя, позабываемыя слова.

Жизнь довѣрте вы мальчику въ ма-
кентошѣ бензиновомъ
Въ шумномъ платьѣ муаровомъ,
Въ шумномъ платьѣ муаровомъ...

Ей показалось, что она счастлива.

У нея не было секретовъ отъ Юліи Николаевны и она на другой же день, въ своей

обычной безразличной манерѣ рассказала подругѣ о сдѣланномъ ей визитѣ.

Юлія Николаевна отнеслась къ этому такъ же несдержанно и шумно, какъ она относилась ко всему. Въ первую же встрѣчу съ Владиміромъ Валерьяновичемъ она осыпала его шутками, намеками.

— Что то я про васъ знаю... Ой, смотрите...

Онъ отвѣчалъ ей улыбками, тѣми обычными свойственными ему отвѣтами, которыми онъ точно соглашался со всѣмъ, въ чемъ бы его ни заподозрили и что бы ему ни предложили.

Черезъ недѣлю Юлія Николаевна сообщала ему таинственно въ отсутствіи Лизы:

— Приходите сегодня къ Лизѣ, непременно. Слышите! Это большой, большой секретъ. Лиза сегодня именинница и очень хочетъ, чтобы вы пришли.

Глаза Юліи Николаевны смѣялись, и она дѣлала видъ, что что-то знаетъ и передаетъ ему что-то очень пріятное. Онъ удивился, но сдѣлалъ внимательное лицо.

Его беспокоило, какъ онъ пойдетъ безъ личного приглашенія.

— Ну, ужъ это мое дѣло. Я говорю приходите, ну и приходите.

Онъ не пришелъ.

Лиза захворала и не ходила въ бібліотеку. Онъ спрашивалъ о ея здоровьи, не видя ея привычной тоненькой фигуры.

— А вы бы пошли да и навѣстили. Эхъ вы, не знаете, какъ что дѣлать.

Послѣ болѣзни онъ встрѣтилъ Лизу похуѣвшей и печальной. Она въ первый разъ вышла работать и сразу замучилась. Юлія Николаевна уговорила ее, что она должна идти сейчасъ же отдохнуть, и Владиміръ Валерьяновичъ пошелъ ее проводить. Была весенняя теплая погода, и она пошла не домой, а на Пречистенскій, къ памятнику Гоголя. Земля около лавочекъ подсохла. Играли дѣти. Лиза куталась въ пальто и тянулась къ солнцу. На ея щекахъ выступилъ слабый румянецъ. Веселой гурьбой, размахивая книжками и брызгаясь въ грязи, не разбирая гдѣ сухо, бѣжали маленькіе гимназисты, и, смотря на нихъ, онъ началъ рассказывать ей о своемъ дѣтствѣ, незамѣтно воодушевляясь. Ему показалось, что этотъ разговоръ ихъ немного сблизилъ и, когда онъ прощался съ нею, онъ искренно пожелалъ ей скорѣе поправляться. Недѣли двѣ онъ не былъ въ бібліотекѣ, а когда пришелъ, Юлія Николаевна изъ-за прилавка расхохоталась и и крикнула въ сосѣдную комнату.

— Лиза, иди. Женихъ пришелъ!

.....
Стучала машина. Юлія Николаевна любовалась, какъ красиво выходитъ платьице и сердилась на безучастность Лизы. Лиза смотрѣла въ газету.

— Почитала бы вслухъ,—
попросила Юлія Николаевна.
Но Лиза отбросила
листъ.—Читай сама.—
.....

Стейнленъ. Брюанъ въ кабаре „Chat Noir“.

Она возненавидѣла газеты, и не любила, что Владиміръ Валерьяновичъ такъ много, волнуясь, говорилъ о войнѣ. За лѣто она прочитала много стиховъ. Прочла Сѣверянина. Но скоро вернулась отъ него къ старымъ любимымъ въ дѣтствѣ поэтамъ, къ Надсону. Она стала сентиментальна. Какъ будто изъ чувства противорѣчія съ массовымъ настроеніемъ, она стала ходить въ театры, выбирая веселое. Два раза была въ опереткѣ у Потопчиной.

Юлія Николаевна встрѣчала теперь Владиміра Валерьяновича новой стереотипной фразой:—Ну когда же мы васъ женимъ?—Когда же свадьба?—Она сильнѣе стучала машиной и сообщала лукаво, что это шьетъ Лизино приданое. Она любила говорить о выгодахъ, которыя дастъ имъ обоимъ этотъ бракъ. Строила планы и кончала тѣмъ, что начинала шумно радоваться, какъ она попируетъ на ихъ свадьбѣ.

Владиміръ Валерьяновичъ шутливо вторилъ, или молча отвѣчалъ только своей соглашающей со всѣмъ улыбкой; по старому лазилъ по полкамъ, искалъ и рылся въ книгахъ, и, часто, горячась и волнуясь, говорилъ о войнѣ.

— Что война, вотъ свадьба когда,—перебивала его Юлія Николаевна.

— Ну смотрите, женихъ, чтобы все было какъ слѣдуетъ.

Это повторялось всякій разъ, какъ заходилъ Владиміръ Валерьяновичъ, и Лиза привыкла къ этому, не сердилась на Юлію Николаевну и сама обращалась:

— Ну что же, женихъ, давайте покуримъ—или:—А ну, женихъ, бросьте вонъ-ту книгу.

Шутка утерала свою остроту, перешла въ обычное. Это стало какъ бы нормальнымъ, всѣми признаннымъ. Иногда Лиза ловила себя на фразѣ.—

— Что-то женихъ долго не идетъ.

Ее удивляло, что она говоритъ это безъ шутки.

Одинъ разъ, когда Владиміръ Валерьяновичъ, отшучиваясь отъ настойчивыхъ вопросовъ Юліи Николаевны, когда же вѣнчаться,—отвѣтилъ, что сначала надо обручиться, а ужъ потомъ и вѣнчаться, Лиза со смѣхомъ сняла съ пальца тоненькое кольцо съ бирюзой и надѣла ему на палецъ.

— Обручается рабъ Божій Владиміръ рабѣ Божіей Елизаветѣ.

Она дѣлала это со смѣхомъ, но ей стало непріятно, когда, уходя, онъ, прощаясь, снялъ кольцо.

— Вотъ возьмите ваше кольцо, а то еще позабуду и унесу съ собой.

Она почувствовала будто вотъ теперь онъ посмѣялся надъ чѣмъ-то святымъ. Въ ея жизнь вошло что-то ненормальное, придуманное. Иногда она стыдила себя, старалась отнестись ко всему критически. Она представляла себѣ Владиміра Валерьяновича, стараясь продумать, могла ли бы она полюбить такого, какъ онъ, возмущалась его пассивностью, его женскими руками и вялымъ голосомъ.

— Кукла—рѣшила она. Но вспоминая его, называла—женихъ.

Лиза уѣзжала на два дня къ сестрѣ изъ Москвы. Она попросила замѣнить ее въ библиотекѣ, онъ согласился. Аккуратно отдежурилъ положенные часы. Не очень путалъ. Онъ зналъ книги и справлялся легко, хотя и не быстро.

Лиза чувствовала себя обязанной передъ нимъ. Она долго думала, чѣмъ его отблагодарить. Остановилась на театрѣ. Взяла два билета и предложила ему пойти. Онъ отказался. Но она заставила его понять, что онъ ее обижаетъ, и онъ взялъ билетъ. Смотрѣли „Жизнь есть сонъ“ въ Камерномъ театрѣ. Въ новомъ помѣщеніи пахло извѣстью и по стѣнамъ выступала непросохшая сырость, но декорации и постановка показались имъ интересными, и ихъ захватила игра актера въ роли Схизмундо. Въ антрактахъ они ходили по маленькимъ комнатамъ фойе, напоминающимъ уютныя комнаты барскаго особняка, Лиза твердила, что жизнь—сонъ, была задумчивой, мечтательной, а въ слѣднемъ антрактѣ, путаясь и спѣша, рассказала ему, какъ не удовлетворила ее жизнь, какъ тяготитъ ее служба, все, все, какъ она рвется отсюда, какъ хотѣла бы уѣхать куданибудь далеко, хотя бы въ Америку, она заразила его своимъ порывомъ и вызвала на откровенность. Онъ признался, что мучается внутренней тоской, что онъ лишній въ жизни, что его влечетъ война, и онъ скоро уйдетъ добровольцемъ.

Она не ожидала этого и почему-то рассердилась. Ей показалось, что упоминаніемъ о

Стейнленъ.

Прогулка.

войнѣ онъ обезобразилъ ея мечту. Ей стало жаль себя, а онъ почувствовалъ ея враждебность и подсадовалъ за откровенность передъ чужимъ человѣкомъ.

Все шло, какъ и раньше. Попрежнему Юлія Николаевна встрѣчала его вопросами о свадьбѣ, а Лиза обращалась къ нему, отпустивъ под писищу.

— Ну что, женихъ? Покуримъ что ли съ горя?..

Лиза съ утра ушла по букинистамъ. Курсистки съ „Высшихъ“ приставали послѣдніе дни, спрашивали рекомендованное ихъ профессоромъ пособие для практическихъ работъ.

— Милая Юлія Николаевна. Голубушка, отыщите. Очень нужно.

Лиза пошла „такъ“, не надѣясь на удачу. Ону переходила отъ одного знакомаго букиниста къ другому. Устала. Со Срѣтенки позволила Юліи Николаевнѣ, что не придетъ въ библиотеку, пойдетъ домой.

Отъ книжной пыли и скучныхъ одинаковыхъ разспросовъ у ней кружилась голова, и, когда Юлія Николаевна, какъ всегда, расхохоталась въ телефонъ и стала сыпать словами, путая библиотечныя новости, домашніе пустяки и ни къ мѣсту приплела „жениха“, будто бы уѣхавшаго на войну и приходившаго проститься, Лиза досадливо повѣсила трубку.

Прошелъ мѣсяць, другой... Лиза отшучивалась отъ Юліи Николаевны, когда та смѣялась, что жениха что-то больно долго нѣтъ, но становилась задумчивѣе и нервнѣе.

Уже усталая приходила она теперь въ библиотеку, и скучающая, безразличная, слѣдила, какъ медленно часовая стрѣлка ползетъ къ шести.

Она сама не умѣла объяснить себѣ свою тоску, свою тревогу. Она стала думать, что она больна какой то скрытой и опасной болѣзнью. Она начала кашлять. Что то странное чувствовала она въ горлѣ. Можетъ быть, у нея ракъ? Она рѣшила, что надо бросить курить, но все откладывала. Закуривая, каждый разъ она вспоминала Владиміра Валеріановича. Словамъ Юліи Николаевнѣ объ его отъѣздѣ на войну она какъ-то тогда же не придавала значенія—Явится!.. Кукла!.. Ей казалось, что она объ немъ не думаетъ совсѣмъ.

Одинъ разъ, скучая, водя глазами по газетному листу, въ списокъ раненыхъ она наткнулась на фамилію, похожую на его. Она такъ поблѣднѣла, что Юлія Николаевна подбѣжала къ ней. Тогда она поняла, что она за него боится. Въ абонементныхъ книжкахъ она отыскала его адресъ и вечеромъ написала ему. Она упрекала его, что онъ долго не идетъ, но съ шутливаго тона перешла на тревожный. Подписалась она—ваша Лиза. Отвѣта она не получила.

Второй разъ она не ошиблась. Она прочла въ „Русскомъ Словѣ“, въ смертныхъ объявленіяхъ: „Доброволецъ Владиміръ Валерьяновичъ Пановъ палъ въ бою“. Она закричала и потеряла сознание.

Въ библиотекѣ теперь работала одна Юлія Николаевна. Несмотря на лѣтній разъѣздъ, народу было больше, чѣмъ въ первую половину зимы, но вдвоемъ съ мальчикомъ она справлялась. Когда старые подписчики, не видя ея помощницы, спрашивали о ней, Юлія Николаевна становилась серьезной и печальной.

— Ахъ, Лиза теперь совсѣмъ больная. У нея такое несчастье, это такое страшное горе. У нея на войнѣ убили жениха.

А. Тришатовъ.

Взысканіе погибающихъ.

Разсказъ Сергія Михайлова.

I.

По Брюсу июнь 19... года долженъ былъ быть холоднымъ и непогодливымъ. На самомъ же дѣлѣ въ июнѣ 19... года въ столицѣ стоялъ зной, раскалившій облитые известкой каменные фасады домовъ, жесткія плиты панели и рѣшетки мутныхъ каналовъ. А надъ всѣмъ этимъ чуть дымилось бѣлое, безоблачное небо, спокойное и безстрастное, лишь къ вечеру чуть синѣющее, чуть желтѣющее, а послѣ заката все же принимающее бѣлодымчатый оттѣнокъ; тогда и дома, и каналы, и небо—все казалось окрашеннымъ въ одинъ ровный, незримо откуда теплящійся свѣтъ.

Геннадія Николаевича разбудила прислуга, принеся письма. Было уже семь вечера, но лучи солнца, пробивающіеся черезъ спущенныя пыльные шторы, какъ и днемъ, еще наполняли комнату жаркимъ духомъ съ примѣсью асфальта, извести и тревожной гари.

Геннадій Николаевичъ попросилъ Нарзану, и тутъ же, не вставая съ кушетки, прочелъ письма.

Все это: духота, спущенныя шторы, гарь и письма изъ деревни напомнили ему о томъ, что такъ крѣпко держало его въ столицѣ, окончательно убѣжденнаго, что все это блажь покойной тетки его, генеральши Сверчковой, недавно скончавшейся въ Парижѣ и завѣщавшей ему, Геннадію Николаевичу, земли во Владимірской губерніи.

Держалъ Геннадія Николаевича, въ сущности, только одинъ послѣдній пунктъ завѣщанія, въ силу котораго завѣщаніе считалось законнымъ, если Геннадій Николаевичъ выкупитъ у адмирала Коренева (перваго мужа генеральши Сверчковой, лѣтъ восемь находившагося въ разводѣ съ ней) семейную икону, причемъ въ завѣщаніи икона не только была подробно описана, но даже и нарисована рукой самой генеральши Сверчковой.

„Буде же“, гласило далѣе завѣщаніе, „онъ, Геннадій Николаевичъ Сверчковъ, откажется исполнить мою волю, наказываю имущество мое помянутое въ семъ завѣщаніи передать на дѣла благотворенія и проч., и проч.“.

Геннадій Николаевичъ тотчасъ же по полученіи копии завѣщанія выѣхалъ изъ своей подмосковной усадьбы въ Петербургъ и здѣсь узналъ, что адмиралъ Кореневъ уже годъ тому назадъ скончался и похороненъ въ Невской лаврѣ, имущество же его продано съ аукціона наследниками.

Геннадій Николаевичъ тогда бросился къ старьевщикамъ, прекрасно помнящимъ аукціонъ въ домѣ адмирала Коренева. И вотъ на дняхъ антикваръ съ Крюкова канала, вѣрно описавъ Геннадію Николаевичу исчезнувшую икону, указалъ, что икона эта была выставлена среди прочихъ вещей на аукціонѣ, и была куплена, по соображеніямъ антиквара Зиновія Кирилловича, фрейлиной Шторъ.

Геннадій Николаевичъ немедленно отыскалъ на набережной домъ фрейлины Шторъ и узналъ, что фрейлина сейчасъ въ Гурзуфѣ, но вскорѣ должна быть въ столицѣ,—въ домѣ же находится только прислуга, да домашняя портниха Марья Карповна Лыткова.

.. Ахъ, Марья Карповна, Марья Карповна..

— Поѣдьте на островъ, къ баптистамъ, къ господину Фетлеру.

— Хорошо..

— Поѣдьте на Митрофаніевское кладбище къ папенькѣ на могилу..

Геннадій Николаевичъ ссглашался ѣхать и къ папенькѣ на могилу.

Онъ подошелъ къ столу, открылъ ящикъ и бросилъ туда полученныя письма. Теперь все перемѣшалось: письма матери, письма Ирины, выцвѣтшая отъ солнца дешевенькая фотографія Марьи Карповны и бѣлый каленкоровый платочекъ.

— Вчерашнее..—усмѣхнулся онъ, вспомнивъ вчерашній странный день и поѣздку на Митрофаніевское кладбище.

Тамъ и случилось то, чего раньше не могъ и предположить Геннадій Николаевичъ.

Онъ вспомнилъ купленный въ ларькѣ вѣночекъ изъ сухихъ, окрашенныхъ въ ярко-зеленую краску, травъ, сухія гнилушки надмогильного мѣщанскаго полисадника и свистки паровозовъ за заборомъ..

..Ахъ, Марья Карповна..

Геннадію Николаевичу двадцать семь, Марья Карповнѣ сорокъ два. Но, несмотря на свои сорокъ два года, Марья Карповна была еще довольно моложава и недурна, и даже можно было предположить, что когда то она была красива, а теперь, маленькая, съ сухимъ, обтянутымъ желтой кожей лицомъ и волосами, причесанными гладко на проборъ, она напомнила Геннадію Николаевичу чахлую ржавую сирень, которую онъ видѣлъ на окнахъ столичныхъ подваловъ.

Онъ уже собирались уходить, какъ Геннадій

Николаевичъ наклонился, и, какъ-то неудобно, больно придавивъ руку, поцѣловалъ сухую желтую щеку и всѣмъ сердцемъ теперь понялъ, что Марья Карповна ему не чужая, а родная, можетъ быть, роднѣе матери, роднѣе Ирины...

И тамъ же на Митрофаніевскомъ кладбищѣ онъ зашелъ въ часовню надъ могилой очень почитаемаго среди жителей петербургскихъ окраинъ странника Александра Крайнева и, помолвившись твердо, рѣшилъ написать обо всемъ Ирину, съ нетерпѣніемъ ожидающей нареченнаго жениха своего, и матери, прося у обѣихъ прощенія и благословенія.

И сейчасъ все это вспомнивъ, Геннадій Николаевичъ понялъ, что если и не написалъ онъ тотчасъ же вчера, а можетъ быть не напишетъ и сегодня, то причина этому бѣлый платокъ, простой коленкоровый платокъ, платокъ, неизъяснимо теперь дорогой, полученный при умильныхъ обстоятельствахъ.

— Господи, подумалъ онъ, какъ, однако, ничтожны и независящи отъ насъ причины и разрушающія наше счастье, и созидающія его.

Онъ подумалъ такъ потому, что бѣлый платокъ первый напомнилъ ему о бѣлыхъ страстяхъ, овладѣвшихъ имъ, а это напоминаніе было очень важно, такъ какъ сознаніе своей гибели и является первымъ шагомъ ко спасенію.

Былъ же полученъ платокъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Геннадій Николаевичъ, попросившись съ Марьей Карповной на Никольской, свернулъ на Садовую и пошелъ по направленію къ Сѣнной.

Было уже поздно, что и замѣтилъ Геннадій Николаевичъ, проходя мимо закрытаго Александровскаго рынка, и вспомнивъ, что завтра ему нужно быть въ рынокъ по дѣлу его интересующему.

И хотя еще играли цвѣтными огнями трамваи, Геннадію Николаевичу показалось, что улица съ закрытіемъ рынка затихла, и тишину эту странно усиливало шелестѣнье газетнаго листа, брошеннаго на мостовую, и голосъ, внезапный вкрадчивый голосъ надъ ухомъ.

— Газетку изволили оборонить...

Геннадій Николаевичъ обернулся, и несмотря на то, что газеты онъ не бросалъ, все же принялъ ее изъ чьихъ-то рукъ, такъ что его рука и рука подающаго на мгновенье коснулись, и отъ этого Геннадію Николаевичу стало вдругъ жарко и нехорошо.

Уже продолжая свой путь, онъ вспомнилъ, что даже не посмотрѣлъ на того, кто ему далъ газету, и чувствъ у него было такое, что если повернуть шею и посмотрѣть на того, то и шеѣ, и глазамъ будетъ больно.

Вотъ только запомнилась помятая фуражка,

Тулузь-Лотрекъ.

Модистка..

похожая на тѣ, что носятъ яхтъ-клубисты, и бѣлая перламутровая пуговка на воротѣ рубахи. Газетку Геннадій Николаевичъ продолжалъ держать въ рукахъ, почему-то не бросая, и дойдя до Спаса на Сѣнной собирался уже сѣсть на извозчика, какъ замѣтилъ въ сумеркахъ на паперти церкви группу городскихъ ребятишекъ разныхъ возрастовъ, среди которыхъ были и совсѣмъ малолѣтнія, лѣтъ трехъ-четырехъ, окружившихъ высокую женщину въ черной шали, похожую на юнитокъ, бродящихъ по городу съ брошюрами и крестиками.

Женщина и ребятишки были такъ чѣмъ-то заняты, что не замѣтили подошедшаго къ нимъ вплотную Геннадія Николаевича.

Геннадій Николаевичъ теперь увидѣлъ, что въ рукахъ ея бѣлѣло какое-то полотнище, и она, отрывая отъ него неподрубленные платки, раздавала ребятишкамъ, и нечаянно сунула платокъ и въ руки Геннадію Николаевичу.

Геннадій Николаевичъ, рѣшивъ отказаться отъ платка, тотчасъ-же поднялъ глаза и, встрѣтивъ направленные въ упоръ глаза женщины, понялъ, что тутъ не ошибка, а что платокъ предназначался именно ему, Геннадію Николаевичу.

Онъ сейчасъ же хотѣлъ спросить, зачѣмъ ему подаренъ платокъ, но этому помѣшала умиленность Геннадія Николаевича, хотя сентиментальнымъ онъ и не былъ. А умиленность Геннадія Николаевича заключалась въ томъ, что онъ былъ приравненъ къ хилымъ мѣщанскимъ ребятишкамъ и съ ними вмѣстѣ облаканъ.

И вотъ это то уничтоженіе возраста или вѣрнѣе безразличное отношеніе къ возрасту и было причиной умиленности и задумчивости Геннадія Николаевича, очнушагося уже когда ни женщины, ни ребятишекъ не было.

Онъ поѣхалъ домой счастливый и дремлющій отъ усталости.

Поднявшись наверхъ, зажегъ у себя свѣчу и бросилъ все: палку съ вензелями, перчатки, газету и платокъ на столъ.

— Все ерунда—рѣшилъ онъ, раздѣваясь—завтра телеграфирую, что возвращаюсь домой.

— А бѣлый платокъ... подумалъ онъ, засылая—конечно это случайность, но какъ странно, что эта мелочь можетъ все такъ повернуть...

И благодарный и сонный, онъ потянулся къ столу. Что-то шуршащее попало подъ руку... Бѣлое, съ черными движущимися, какъ въ микроскопѣ, червяками... А потомъ черныя ровныя строчки... возвратились въ Петербургъ: Губернаторъ Говоровъ, фрейлина Шторъ...

А потомъ сны: яхтъ-клубская помятая фуражка, бѣлая пуговка на воротѣ и голосъ: „здравствуй кума“—„На рынокъ была“—„Купила пѣтуха“ ха-ха-ха...

II.

Все это: вчерашній вечеръ, платокъ и сны Геннадій Николаевичъ вспомнилъ, расхаживая по комнатѣ съ послѣднимъ нераспечатаннымъ конвертомъ въ рукахъ. По почерку, неряшливому и смѣшному, онъ рѣшилъ, что письмо отъ Марьи Карповны, хотя никогда еще почерка ея не видѣлъ.

Онъ подошелъ къ окну, распечаталъ, разсѣянно смотря на тяжелые шарообразные клубы дыма, конвертъ и, поджигая жаркія губы, пробѣжалъ письмо, дѣйствительно Марьи Карповны, приглашающее его сегодня пріѣхать на Васильевскій островъ, на собраніе баптистовъ.

Онъ вдругъ заинтересовался, кто принесъ это письмо, одѣлъ чесунчовый пиджакъ, и, пройдя рядъ комнатъ съ завѣшанными картинами и люстрами (Геннадій Николаевичъ, прибывъ въ столицу, остановился въ квартирѣ своего родственника, лѣтомъ живущаго въ Петергофѣ), вышелъ на кухню.

Но на кухнѣ никого не было и стояла ти-

шина, нарушаемая стукомъ дешевенькихъ часовъ, да встревоженными голосами, доносившимися съ черной лѣстницы.

Геннадій Николаевичъ вышелъ на лѣстницу, обыкновенную черную лѣстницу съ чугунными шаткими перильцами и отсырѣвшей, несмотря на знойные дни, штукатуркой стѣнъ, отчего на лѣстницѣ было послѣ комнатъ прохладно и даже, какъ будто, сыро.

Здѣсь Геннадій Николаевичъ увидѣлъ у дверей чужой квартиры и прислугу, и дворниковъ, и еще какихъ-то людей, повидимому испуганныхъ, но однако такихъ, испугъ которыхъ началъ проходить,—объяснившихъ ему, что въ квартирѣ только что застрѣлился въ кабинетѣ отсутствующаго барина лакей Васенька.

Геннадій Николаевичъ принялъ это сообщеніе очень спокойно,—прошелъ въ сопровожденіи дворника въ кабинетъ, и Васеньку увидѣлъ полулежащимъ въ одномъ нижнемъ бѣлѣ на кожаномъ диванѣ, при чемъ обоими растопыренными руками лакей держался за диванъ, ноги же его были протянуты и касались пола, и вообще онъ имѣлъ положеніе чловѣка, которому стягиваютъ сапоги.

— Отчего онъ застрѣлился?—спросилъ Геннадій Николаевичъ, разсматривая нижнюю окровавленную часть живота.

Дворникъ наклонился къ уху Геннадія Николаевича и что-то шепнулъ, словно не желая, чтобы слышалъ покойникъ, потому что въ кабинетѣ, кромѣ Геннадія Николаевича, дворника и покойника, никого не было.

— Что?—не слышалъ Геннадій Николаевичъ.

Опять дуетъ теплый, но тяжелый духъ на щеку и на шею.

Гдѣ то, должно быть въ столовой, гулко пробили часы. И, словно проснувшись въ кухнѣ, суетливо зашумѣли бѣгунки...

День... день...

Геннадій Николаевичъ быстро вышелъ и прошелъ въ свою квартиру.

И въ кухнѣ, и въ квартирѣ попрежнему стояла поразительная тишина, и когда вдругъ зашелестѣлъ и медленно колыхаясь слетѣлъ съ зеркала сѣрый листъ бумаги, Геннадію Николаевичу стало страшно, страшно за себя потому, что думалъ онъ—все это не къ добру, и внезапно обнажившееся, отразившее встревоженное лицо Геннадія Николаевича, зеркало, и фрейлина, и платокъ, и лакей Васенька.

И страхъ этотъ еще усилился; острая болѣзненная мысль, что все это—т. е. зеркало, фрейлина, Марья Карповна, лакей и пр.—все это имѣетъ какую то только ему одному невѣдомую связь, и фрейлина, и зеркало, и яхтъ-

Тулузь-Лотрекъ.

Развѣянный Эросъ.

клубская фуражка кружились вокругъ Геннадія Николаевича, а Геннадій Николаевичъ жалко улыбался, такъ какъ еще никогда не улыбался, а потомъ, вырвавшись и разбивъ зеркало, вбѣжалъ въ свою комнату, назвалъ имя Ирины и, схвативъ телеграфный бланкъ, быстро написалъ.

— Ёду, цѣлую.

И тутъ, вдругъ, вспомнивъ Марью Карповну, написалъ и адресъ,—адресъ Марьи Карповны...

III.

...Оттого что свѣтъ проникалъ черезъ стеклянную крышу, пассажъ былъ наполненъ зеленовато-сѣрымъ свѣтомъ, и казалось, что рынокъ былъ подъ водой, а свѣтъ проходилъ черезъ воду.

Геннадію Николаевичу рѣшительно не зачѣмъ было приходиться въ рынокъ, и онъ зналъ это, и зная, все же и вчера, и сегодня утромъ собирался пріѣхать сюда, хотя уже два раза

былъ здѣсь, и тогда же поиски его были безуспѣшны...

Все вотъ Марья Карповна.

— Вы бы въ рынокъ, что ли, поискали или на толкучкѣ.

И Геннадій Николаевичъ согласился, хотя если бы онъ подумалъ, то понялъ бы, что не зачѣмъ ему сюда приходиться, разъ, по словамъ той же Марьи Карповны, все зависитъ отъ фрейлины Шторъ, которая на дняхъ вернется...

Впрочемъ сейчасъ, стоя около витрины лавки, Геннадій Николаевичъ все это сообразилъ, но не придавъ этому значенія и внимательно разсматривалъ витрину, заваленную разной мелочью, старыми слоновыми трубками, фарфоровыми чашками, серебрянными флакончиками для нюхательной соли, табакерками съ ландшафтами, складнями и проч. милой пылью александровскихъ и николаевскихъ временъ.

И вотъ здѣсь Геннадій Николаевичъ почувствовалъ нѣчто такое, что ему крайне трудно было опредѣлить что это: слово, взглядъ, запахъ или же прикосновеніе, однако, нѣчто сильно его встревожившее и заставившее насторожиться.

Онъ невольно повернулъ голову и увидѣлъ, что стоитъ онъ въ двухъ шагахъ отъ полутемнаго корридорчика, ведущаго на толкучій дворъ, а изъ корридорчика осторожно выглядываетъ кто то и машетъ ему рукой, такъ что Геннадій Николаевичъ словно даже почувствовалъ дуновение воздуха.

Геннадій Николаевичъ сначала было сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ знаковъ, и даже, какъ то неуклюже повернувшись, сдѣлалъ два шага, чтобы идти дальше по пассажу, но внезапное незначительное на первый взглядъ приключеніе все-таки заставило Геннадія Николаевича возвратиться.

Причиной возвращенія его была кошка, обыкновенная черная кошка, вышедшая изъ лавки и сгорбившаяся дугой на самой дорогѣ.

Геннадій Николаевичъ никогда не былъ человѣкомъ съ предразсудками и примѣтами, да надо сказать, что въ данную минуту онъ и не подумалъ о примѣтѣ, но самый простой фактъ,—фактъ, что кошка стоитъ сгорбившись на дорогѣ, былъ ему даже не страшенъ, а просто непонятно омерзительнъ...

Вотъ эта незначительная причина и заставила Геннадія Николаевича отступить, войти въ полутемный корридорчикъ, ведущій на толкучій дворъ, и встрѣтить маленькіе глаза старичка въ яхть-клубской фуражкѣ, на которую, недоумѣвая, взглянулъ Геннадій Николаевичъ, стараясь вспомнить, гдѣ и когда онъ ее видѣлъ.

— Вотъ мы сюда дворикомъ... дворикомъ...

и выйдемъ—засуетился старичекъ, таща Геннадія Николаевича за рукавъ.

Геннадій Николаевичъ покорно и безразлично шелъ за нимъ по пустыющему и закрывающемуся рынку.

Уже шли бѣлыя мистеріи на слѣпыхъ пыльныхъ улицахъ, мелькали трамвайные огни, необычайно тревожные въ бѣлые вечера, а въ ближайшемъ Юсуповомъ скверѣ, несмотря на поздній часъ, было еще много дѣтей, но много и взрослыхъ, мастеровыхъ, приказчиковъ, портнихъ и солдатъ. Всѣхъ ихъ тянуло изъ сирадныхъ мастерскихъ и конуръ бѣлый прятный воздухъ, насыщенный пылью, желѣзомъ и тополями, и кромѣ воздуха еще что-то, потому что всѣ говорили удивительно медленно, словно съ трудомъ, и разговоръ, прерываемый жуткимъ смѣхомъ, казался острымъ и тревожнымъ, а лица, иногда, озаряемая папиросами, мертвыми и загадочными, даже самыя обыкновенныя лица, впрочемъ за исключениемъ лицъ дѣтскихъ, очень блѣдныхъ и порочныхъ.

Геннадій Николаевичъ и дворянинъ Плаховъ (такъ старичекъ откомендовался дорогою) присѣли въ скверѣ на скамейку и сидѣли сначала молча, причѣмъ дворянинъ Плаховъ сосредоточенно курилъ и упорно не начиналъ разговоръ, что нисколько не тревожило Геннадія Николаевича, относящагося ко всему происходящему, какъ сказано выше, совершенно безразлично.

— А фрейлина то пріѣхала,—вдругъ отрываясь отъ папиросы, произнесъ дворянинъ Плаховъ.—Будьте у нея завтра въ восемь вечера...

Геннадій Николаевичъ быстро отозвался.

— Пріѣхала?—удивленно переспросилъ онъ.

— Да... что же въ этомъ удивительнаго?.. вѣдь вы же навѣрное сами объ этомъ вчера въ газетѣ прочли...

Геннадій Николаевичъ вспомнилъ вчерашній вечеръ.

— Что же это,—сонъ... Возвратились въ Петербургъ: губернаторъ Говоровъ... фрейлина Шторъ... Ахъ, вотъ кто газету далъ... яхтъ-клубская фуражка... ахъ ты яхтъ-клубская фуражка, ха, ха, ха.

— Скажите,—продолжая смѣяться, спросилъ онъ,—фрейлина молода?

— Вы ее видѣли,—подумавъ, отвѣтилъ дворянинъ Плаховъ—у церкви Спаса на Сѣнной.

— Бѣлый платокъ?

— Да, да...—торопливо подтвердилъ Плаховъ.

...Черная шаль, ну, а еще что... Вспомнилъ вялый пучекъ болотныхъ, подстоличныхъ травъ и цвѣтовъ въ рукахъ фрейлины, прятный запахъ не то пачулей, не то коленкора, и спокойные понимающіе глаза дѣтей.

— Зачѣмъ ей травы?—подумалъ Геннадій Николаевичъ—вѣдь не сушить же она ихъ тамъ на набережной, какъ колдунья подстоличныхъ болотистыхъ равнинъ и торфяниковъ, покрытыхъ дымомъ да гарью, поросшихъ куриной слѣпотой, верескомъ, лопухомъ и ослизлыми болотными травами.

— Къ чему же все это?—началъ вдругъ съ величайшимъ смиреніемъ Геннадій Николаевичъ,—и для чего я нуженъ фрейлинѣ Шторъ?

— Фрейлина Шторъ,—глухо произнесъ дворянинъ Плаховъ,—исполняетъ волю покойной генеральши Сверчковой, волю, начертанную на иконѣ.

— Генеральша Сверчкова была съ вами?

Геннадій Николаевичъ подчеркнул слово— «съ вами», подразумевая фрейлину Шторъ, Марію Карповну и дворянина Плахова.

— Да, когда то она была съ нами. Какъ всегда четверо... Вотъ лакей Васенька ушелъ, такъ вы пришли... Насъ опять четверо, идущихъ за Свѣтлымъ Путешественникомъ и обрѣтающихъ погибающихъ.

— Жутко и хорошо мнѣ,—вдругъ словно въ полуснѣ прошепталъ Геннадій Николаевичъ.

— Ничего-съ, ничего—зашелестѣлъ дворянинъ Плаховъ, вдругъ поднимаясь и раскланиваясь,—только въ восемь будьте обязательно, а то...

— А то что?

Геннадій Николаевичъ видѣлъ только удаляющуюся яхтъ-клубскую фуражку.

— Да позвольте,—воскликнулъ онъ, вставая и догоняя дворянина Плахова. Геннадію Николаевичу крайне нужно было знать, что значить то, потому что отъ того и зависѣли дальнѣйшіе поступки Геннадія Николаевича, и знать это нужно было сегодня же, а завтра, завтра, «блеснетъ завтра лучъ денницы» и все пойдетъ, какъ предназначено, а не какъ хочетъ онъ.

— Да позвольте,—опять закричалъ онъ, почти настигая у воротъ сада поспѣшно уходящаго дворянина Плахова, но тутъ дорогу Геннадію Николаевичу загородила толпа, внесшая въ скверъ на смерть раздавленную трамваемъ дѣвушку, повидимому ученицу модной мастерской, потому что надъ черными котелками, фуражками и шляпами торжественно плыла въ сумракъ огромная бѣлая картонка, принадлежавшая раздавленной...

IV.

...Съ утра было жарко, даже не съ утра, а съ прошедшей ночи, даже со вчерашняго вечера...

Вечеромъ летали около скверовъ, какъ въ

жаркій полдень на скотномъ дворѣ, рой мошекъ, а на набережной видно было, какъ въ лучахъ крейсерскаго прожектора кинематографической лентой струилась городская пыль.

А еще вспомнились: раскрытая рама, разбитые мраморные солнечные часы на окнѣ и ширмы, оклеенныя вырѣзанными изъ старыхъ журналовъ фигурками въ кринолинахъ, въ мундирахъ и просто въ ватныхъ халатикахъ.

А потомъ Геннадій Николаевичъ вдругъ вспомнилъ дѣтскую таинственную забаву.

Ловили на дворѣ пѣтуха, приносили его въ комнату и ставили въ очерченный на полу кругъ. И пѣтухъ вдругъ смирълѣ, пугливо искалъ выхода и чувствуя, должно быть какую то незримую силу черты, не рѣшался ее переступить.

— Папочка, почему онъ не бѣжить?

Отецъ растерянно разводилъ руками и говорилъ:

— Такъ ужъ Генюшка, онъ думаетъ, что во кругъ него стѣнка.

Тогда встрѣчались ихъ глаза — некрасивые милые глаза отца, теперь болѣе привлекательные отъ своей безпомощности, и глаза сына, — и въ обоихъ взглядахъ, кромѣ безпомощности и растерянности, пробѣгало еще что-то больное.

— Прогони ты его... такъ лучше...

Такъ все это растрогало Геннадія Николаевича, что глаза стали влажными, что пришлось достать платочекъ, — такъ ужъ вышло, тотъ платочекъ, коленкоровый, подаренный при умиленныхъ обстоятельствахъ, платочекъ, который не сушитъ глаза, а студитъ...

А тутъ еще вошла прислуга, принесла вечернюю газету и письмо, и сообщила что застрѣлившагося лакея господина Плахова только что увезли въ покойническую.

Геннадій Николаевичъ о самоубійствѣ въ сосѣдней квартирѣ не только зналъ, но даже и самаго самоубійцу видѣлъ, однако, видѣ у него былъ такой, будто слышитъ онъ о лакеѣ впервые. Впрочемъ, такъ, конечно, показалось прислугѣ, Геннадій же Николаевичъ удивлялся вовсе не самому факту, а только тому открывшемуся обстоятельству, что лакей Васенька былъ ни чьимъ нибудь лакеемъ, а лакеемъ дворянина Плахова, того самаго и проч.

Письмо же было отъ Ирины (Геннадій Николаевичъ получалъ письма отъ Ирины ежедневно) въ которомъ она жаловалась на скуку, сообщала, что свадьба назначена сейчасъ-же послѣ Петровокъ и просила скорѣй приѣхать и между прочимъ, привезти „Notre coeur“ Мопассана.

Геннадій Николаевичъ письмо прочелъ съ удивительной разсѣянностью, почти нехотя.

Грѣсь.

Рисунокъ.

— Вотъ и все—вздохнувъ сказалъ онъ, и съ этой минуты понялъ, что все, что ранѣе казалось ему сложнымъ и страшнымъ, очень просто и по-ребячьи ясно.

Напротивъ—страшно и непонятно прошлое, домъ, мать, Ирина... жизнь грядущая свѣтлая... Вотъ отъ чего бѣжать... Онъ и бѣжалъ...

Онъ открылъ окно, посмотрѣлъ на скользящія по сѣрому дыму блѣдные лучи, и острая догадка о причинахъ былого страха пронизываетъ мозгъ.

... Поздно, когда за лѣсомъ солнце сядетъ, начнутъ кричать въ овсѣ дергачи, кусты по дорогѣ въ усадьбу кажутся живыми, — тогда страшно отъ бѣгущихъ по дорогѣ тѣней, страшно отъ шелеста кожаныхъ сандалій о песокъ, и кажется, кто-то догоняетъ сзади запыхавшійся и холодный, непременно холодный и... Хорошо, что рука въ сильной горячей рукѣ отца.

— Ахъ ты, трусишка... Ты не оглядывайся, тогда страшно не будетъ.

— Не оглядывайся...

... Черезъ пять минутъ онъ сидѣлъ на корточкахъ у камина и, медленно вороша палкой

съ вѣнзелями обгорѣвшіе листы, сжигалъ письма матери и Ирины.

— Вотъ и все—спокойно повторилъ онъ, когда сгорѣлъ и заблестѣлъ стальнымъ отливомъ послѣдній обрывокъ, и вдругъ почувствовалъ странную лѣнь и усталость, усталость со слѣдами недавней жалости.

Онъ и самъ не зналъ, радуется ли онъ или болѣетъ своимъ приходомъ, но во всякомъ случаѣ понималъ, что идти и спѣшить ему больше некуда.

Вотъ развѣ къ фрейлинѣ Шторъ?

Потому то и пошелъ онъ въ семь къ фрейлинѣ Шторъ, что хотѣлъ утверждения своего прихода (*notre coeur! notre coeur!*) а кто же думалъ онъ,—можетъ утвердить мой приходъ, какъ не взысканіе всѣхъ насъ погибающихъ—фрейлина Шторъ...

V.

— Мы не вольны въ своихъ поступкахъ—вотъ что, словно оправдываясь, говорилъ онъ, уже идя по Забалканскому проспекту, мимо скучной желтой бойни, украшенной двумя чугунными быками.

Вотъ что слышалъ онъ и въ ржаньи тяжелыхъ коней, везущихъ наполненные кровью и мясомъ телѣги, и въ говорѣ артелей маляровъ, каменщиковъ и штукатуровъ, идущихъ по пыльному проспекту мимо огромныхъ дымящихся котловъ съ асфальтомъ, мимо грудями наваленныхъ около красныхъ рогатокъ торцовъ, еще пахнувшихъ солнцемъ и полями.

А дальше за золотыми куполами Новодевичьего монастыря, за темными колонами Триумфальныхъ воротъ, за трехстворчатымъ желѣзнодорожнымъ виадукомъ, побѣжала дорога, обсаженная пыльными чахлами липами, мимо аэродрома и безконечныхъ огородовъ, покрытыхъ паромъ и темносѣрымъ дымомъ, смѣшаннымъ съ донесшейся сюда городской пылью.

— Мы не вольны въ своихъ поступкахъ, а невольны, значить такъ надо... Значить такъ надо... А надо такъ—и смерть Васеньки нужна... А надо такъ, Геннадій Николаевичъ и въ лакеи дворянина Плахова поступить... Вотъ какъ Марья Карповна скажетъ, какъ утвердить фрейлина Шторъ...

...Здѣсь Геннадій Николаевичъ, вдругъ, осмотрѣвшись кругомъ, открылъ приведшее его въ крайнее изумленіе, новое обстоятельство,—обстоятельство, которое заключалось въ томъ, что Геннадій Николаевичъ сидѣлъ не на набережной у фрейлины Шторъ, а на смятой засоренной щербнемъ травѣ, около гранитнаго верстового столба большой дороги.

Геннадій Николаевичъ тотчасъ же вспомнилъ,

что нѣсколько времени тому назадъ, пройдя виадукъ и вступая на большую дорогу, онъ встрѣтилъ босую и поразительно изможденную женщину, которую издали принялъ почему-то за Ирину, и узналъ у ней, что дорога эта ведетъ въ Москву.

Теперь, сидя у гранитнаго столба и вспоминая эту встрѣчу, онъ вдругъ страшно обрадовался какому-то тайному радостному предчувствію (*notre coeur!*), но это было только одно бессознательное предчувствіе, опредѣлить которое точнѣе Геннадій Николаевичъ не смѣлъ, по той простой причинѣ, что онъ былъ не одинъ.

Что онъ идетъ не одинъ, это Геннадій Николаевичъ почувствовалъ сейчасъ же, какъ только вступилъ на дорогу, и теперь сталъ волноваться и даже бояться, что тотъ, идущій позади, можетъ догадаться о его радостномъ предчувствіи.

Онъ пошелъ быстрѣе, минуя поселки огородниковъ, телеграфные столбы, пыльные липы, и думалъ, вотъ только бы пройти верстъ десять отъ гари, отъ дыма, отъ бѣлаго платка, а тамъ въ поляхъ зеленѣющихъ отыскать тайну радости своей и оградиться ею какъ стѣной нерушимой отъ бѣлыхъ тяжелыхъ сновъ.

Такъ думалъ онъ, подходя къ распутью дороги, развѣтляющейся на двѣ, одну попрежнему въ Москву, другую въ Царское.

И вотъ здѣсь, на распутьѣ, и случилось то, что разсѣяло всѣ сомнѣнія Геннадія Николаевича, пыльнаго и усталого Геннадія Николаевича, шагающаго версту за верстой, и заставило его сознать свою ошибку.

Геннадій Николаевичъ вдругъ увидѣлъ стоящаго на Московской дорогѣ и повидимому его поджидающаго, дворянина Плахова.

Правда, дорога въ Царское была свободна, и Геннадій Николаевичъ зналъ, что если онъ пойдетъ по ней, то едва ли дворянинъ Плаховъ, шедшій за нимъ и пришедшій все же первымъ на Московскую дорогу, помѣшаетъ ему,—но идти въ Царское Геннадію Николаевичу было не зачѣмъ.

Пройти же мимо дворянина Плахова и продолжать свой путь, Геннадій Николаевичъ не имѣлъ ни силы, ни смѣлости.

Къ тому же видъ дворянина Плахова, стоящаго на дорогѣ, въ черномъ, наглухо застегнутомъ пальто, въ черныхъ перчаткахъ и въ черномъ, тускло отражающимъ солнце цилиндрѣ, былъ очень суровъ и холоденъ, что и привело бѣднаго Геннадія Николаевича въ крайнее смятеніе и безпомощность.

Дворянинъ Плаховъ, очень сухо отвѣтившій на привѣтствіе смущеннаго Геннадія Николае-

зича, даже не спросилъ его о цѣли такого далекаго пути.

Геннадій Николаевичъ самъ тотчасъ же сталъ порицать свою задумчивость, которая была причиной далекой прогулки, и выразилъ сожалѣніе, что прогулка эта лишила его крайне нужной для него возможности увидѣть фрейлину Шторъ

— О, возразилъ дворянинъ Плаховъ, — эта возможность для васъ не миновала, тѣмъ болѣе, что вы какъ разъ находитесь на дорогѣ къ фрейлинѣ Шторъ...

— Какъ, развѣ фрейлина въ Москвѣ? — воскликнулъ удивленный Геннадій Николаевичъ.

— Что за глупости, — забурчалъ дворянинъ Плаховъ... — и потомъ возможно ли допустить, что ваша прогулка въ этотъ чудесный вечеръ, вовсе не прогулка, а опредѣленный хотя и очень неудобный путь...

Геннадій Николаевичъ теперь опредѣленно понималъ, что дворянинъ Плаховъ догадывается о его предчувствіяхъ.

— А знаете, — съ жаромъ чистосердечно сказалъ онъ, — я думаю, что фрейлина будетъ очень недовольна, что я не явился вовремя къ ней и гулялъ въ назначенное время по дорогѣ въ Москву.

— Возможно, — протянулъ дворянинъ Плаховъ, вынимая изъ кармана никеллированный маленькій предметъ, оказавшійся свисткомъ сиреной — вотъ мы сейчасъ... сейчасъ...

... Шу-ру-шу... шу... шу... ру-у — вдругъ покапало по шоссе, — ру... ру... ру... побѣжало по жирнымъ огородамъ, — у... у... у... завывало на телеграфныхъ столбахъ.

Черезъ минуту же понеслось по дорогѣ огромное пыльное облако, на которомъ металось, словно стараясь выкарабкаться, что-то черное и визгливое, вскорѣ остановившееся около Геннадія Николаевича и оказавшееся обыкновеннымъ чернымъ автомобилемъ.

... Уже возвращаясь на автомобиль въ городъ и проѣжая то мѣсто у вѣдука, гдѣ давеча онъ принялъ какую-то изможденную женщину за Ирину, Геннадій Николаевичъ, совершенно непонимающій, что съ нимъ, просто по-дѣтски заплакалъ.

Заплакавъ онъ отъ того усталого безсилія, которое мѣшало ему ухватиться хоть за одно воспоминаніе, хоть за одинъ образъ, за одну черточку памяти — бѣдо и пусто было все — плыли какіе-то промасленные листы бумаги, поднимались, держались секунду въ пространствѣ и опять опускались, колебаясь на бѣлую обманчивую дорогу, такую бѣлую, какъ коленкоровый платокъ, которымъ утиралъ глаза Геннадій Николаевичъ, и который былъ полученъ при умиленныхъ обстоятельствахъ.

— Господи, какъ хорошо жить — подумалъ онъ, немного успокоившись и чувствуя прикосновеніе руки дворянина Плахова. Здѣсь въ автомобиль они побратались, помѣнялись крестами.

Сергѣй Михайловъ.

Стейнленъ.

На улицѣ.

Среди враговъ.

А. Исаковой.

III. Въ тискахъ. ¹⁾

Обыкновенно, ѣзды отъ курорта до Берлина часовъ семь.

Мы сидимъ въ вагонѣ третьяго класса, изъ тѣхъ стараго типа вагоновъ, въ которыхъ рядъ дверей открывается съ боковъ на обѣ стороны.

Дѣло къ ночи. О какихъ-либо удобствахъ для сна и думать нечего: всѣ мѣста заняты, и съ выходомъ на станціи однихъ пассажировъ, подсаживаются другіе. Да намъ и не до сна: не беспокоили бы только насъ, не замѣтили бы насъ вовсе. Сидимъ себѣ смирно, молчимъ, а что шляпы на насъ другія, и глаза наши смотрятъ не такъ, и иныя движенія у насъ—мы вѣдь не виноваты...

Не виноваты, конечно, но тѣмъ не менѣе русскій нашъ видъ не прощается намъ: обратившись къ намъ съ какимъ-нибудь вопросомъ, или просто оглядѣвъ насъ внимательно, сосѣди брезгливо, подозрительно сторонятся и смолкаютъ.

Ѣдутъ солдаты, женщины, приказчики,—незамысловатая публика третьяго класса.

Конечно, только и рѣчи, что о войнѣ: безсовѣстность русскихъ, начавшихъ войну и втянувшихъ въ нее Германію, презрѣнность французовъ, возмутительная наглость Англии. Ну, и голодъ въ Россіи, понятно, и революція, и безчисленныя побѣды Германіи—все, что мы уже читали въ газетахъ.

Когда ночь окончательно наступаетъ и новыхъ пассажировъ почти не прибываетъ, два кондуктора присоединяются къ публикѣ нашего отдѣленія, и между ними и солдатами заводится „оживленная бесѣда, которая сначала кажется намъ только естественной, но постепенно становится все тяжелѣе для насъ, все ядовитѣе врѣзается въ сознаніе, все очевиднѣе выдавая свою преднамѣренность по нашему адресу. Все, что только можетъ быть болѣе обиднаго для насъ, русскихъ, рассказывается собесѣдниками: офицеры, переодѣтые женщинами, съ накладными боками и грудью, съ бритыми лицами подъ вуалью, изловлены въ магазинѣ и оказались шпионами; пожилыя дамы, будто бы лѣчившіяся на курортѣ, пытались подкупить непоколебимыя нѣмецкія власти, въ надеждѣ добыть документы съ военными тайнами; наконецъ—вы слышали?!—вчера въ Берлинѣ русскія дамы щедро надѣляли уличныхъ дѣтей

шоколадомъ, который оказался отравленнымъ. Что можетъ быть гаже, гнуснѣе, ужаснѣе?! И эти бѣдныя невинныя дѣтки (diese arme unschuldige Kinder) довѣрчиво кушали, не подозревая, что ихъ ждетъ смерть отъ коварной ласки безчеловѣчнаго врага и т. д., и т. д...

Нудно, тошно, невыносимо томительно слушать.

Мы закрывали глаза, дѣлали видъ, что дремлемъ; прислонившись другъ къ другу, мы тихо-тихо переводили дыханіе. Но въ груди собирался тяжелый комъ и давилъ, члены замирали отъ напряженія въ неподвижности, вѣки дрожали на закрытыхъ глазахъ. Хотѣлось вскочить, топнуть ногами, крикнуть, вложить въ этотъ крикъ все свое возмущеніе... Потомъ, когда нервное напряженіе перешло всѣ границы, захотѣлось рыдать.

Но все это надо было подавить и молчать, молчать неподвижно...

Къ утру собесѣдники угомонились, устали; кондуктора ушли, солдаты заснули.

Съ разсвѣтомъ начался опять болѣе оживленный обмѣнъ пассажировъ. За то съ каждымъ входящимъ мы снова и снова подвергались инквизиторскому и злобному осмотру новоприбывшаго, и все тяжелѣе и тяжелѣе становилось выносить это незаслуженное презрѣніе.

Все время, параллельно нашему поѣзду, пробѣгали, обгоняя его, военные поѣзда. Крытые, крашенные свѣтло-сѣрымъ вагоны, наполненные солдатами, такія же сѣрыя платформы, нагруженные чѣмъ-то, крытымъ брезентомъ, и тоже съ солдатами. Все это было разукрашено цвѣтами, пѣло многоголосымъ прославленіемъ Deutschland, которая „über alles“, сотрясалось криками „hoch“ на станціяхъ, гдѣ толпа встрѣчала и провожала.

На какомъ-то разѣздѣ я стояла у окна, глядя на двигавшійся мимо меня такой поѣздъ.

На одной изъ открытыхъ платформъ, съ кокардой въ видѣ розы на фуражкѣ, сидя на чемъ-то безформенномъ, крытомъ брезентомъ, юный тевтонъ съ розовыми щеками и металлическимъ взоромъ сѣрыхъ глазъ, благосклоннымъ жестомъ руки послалъ мнѣ привѣтствіе. Онъ глядѣлъ мнѣ въ глаза гордо, вызывающе и довѣрчиво, очевидно принимая меня за нѣмку.

Что было мнѣ дѣлать?—Послать привѣтъ

¹⁾ См. № 1, 2 и 4 „Нов. Журн. для всѣхъ“, 1915 г.

Форанъ.

Передъ выходомъ.

солдату, который завтра будетъ убивать моихъ, русскихъ? Молча смотрѣть и быть можетъ подвергнуться оскорбленіямъ?

Вся кровь у меня прилила къ головѣ. Я безпомощно опустила глаза и въ смущеніи поспѣшила опять забраться въ свой уголокъ.

На какой-то станціи подсѣли къ намъ двое новыхъ военныхъ.

Одинъ изъ нихъ—высокій, худой, съ огромными, черными, не то недоумѣвающими, не то страдальческими глазами—былъ скорѣе французскаго, чѣмъ нѣмецкаго типа. Другой—живой, плотный блондинъ, съ быстрымъ взглядомъ стальныхъ глазъ, отъ которыхъ, кажется не ускользаетъ ничто, былъ въ желтыхъ расшлепанныхъ туфляхъ и несъ пару сапогъ въ рукахъ.

Онъ тотчасъ же осмотрѣлся, сунулъ сапоги подъ лавку, остановилъ внимательный взглядъ на хорошенькомъ личикѣ Тиночки, и какое-то хитрое, двусмысленное выраженіе не покидало лица его во все время, пока мы его видѣли; проѣхалъ же онъ съ нами до самаго Берлина, куда поѣздъ пришелъ лишь въ два часа второй ночи нашего пути.

Онъ поминутно переобувался: мѣнялъ туфли

на сапоги и сапоги на туфли, выбѣгалъ на всѣхъ остановкахъ, перескакивалъ на стоявшіе параллельно нашему военному поѣзду, сновалъ по вагонамъ и платформамъ, о чемъ-то разспрашивалъ солдатъ, высматривалъ быстрыми глазами, перемигивался.

Разъ, когда противъ самаго нашего окна остановилась платформа, нагруженная чѣмъ-то огромнымъ, прикрытымъ брезентомъ, безпкойный спутникъ нашъ съ таинственной улыбкой обратился къ своему товарищу съ вопросомъ: знаетъ ли онъ, что именно заключается подъ брезентомъ?

— Патроны?—спросилъ товарищъ.

Тотъ, смѣясь, отрицательно потрясъ головой.

Потомъ онъ нагнулся къ самому уху товарища и что-то шепнулъ ему, послѣ чего весело разсмѣялся, подмигивая.

Только много времени спустя поняли мы, что рѣчь шла, очевидно, о знаменитомъ нѣмецкомъ „сюрпризѣ“, которому въ то время еще только предстояло расколотить Реймскій соборъ, Лувенъ и другія сокровища и святыни.

Среди дня намъ сильно захотѣлось пить. Вода изъ курортныхъ источниковъ, которой мы запасались на дорогу, вся вышла, купить было нечего и не у кого, копченая провизія, взятая съ собою, вызывала жажду.

На какой-то остановкѣ нашъ загадочный воинъ исчезъ на нѣсколько секундъ и принесъ въ вагонъ бутылку какао.

Онъ острымъ взглядомъ окинулъ наше отдѣленіе вагона, убѣдился, что кромѣ него и его товарища, похожаго на француза, съ нами нѣтъ никого, и только тогда протянулъ эту бутылку Тиночкѣ, съ какими-то любезными, помнится, даже французскими словами: „S'il vous plait, mademoiselle!“

Мы были смущены, и не знали, что дѣлать. Заплатить?

Оказалось, что вся провизія на станціяхъ выдается только даромъ и отъ Краснаго Креста.

Мы съ жадностью выпили невкусный, почти неспадкій какао на водѣ и искренно благодарили своего покровителя.

Осторожнымъ, тайнымъ покровителемъ нашимъ остался онъ до конца: онъ незамѣтно снабжалъ насъ провизіей, помогалъ намъ устроиться поудобнѣе, чтобы подремать, даже отклонялъ и разсѣивалъ по мѣрѣ силъ непріятные для насъ разговоры сосѣдей. Когда мы оставались съ нимъ и молчаливымъ товарищемъ его однѣ, онъ видимо торжествовалъ.

Гдѣ-то, именно при такихъ обстоятельствахъ, подсѣла къ намъ, вся нагруженная

корзиночками и кулечками, старуха традиціоннаго нѣмецкаго типа: въ черной шляпѣ съ завязанными подъ подбородкомъ лентами, съ высоко подтянутымъ корсетомъ, бѣдной грудью и огромнымъ животомъ, торчащимъ впередъ конусомъ, на подобіе одного изъ концовъ цепелина. (Мы потомъ, вспоминая о ней, такъ и звали ее всегда: „цепелинъ“).

Влѣзая въ вагонъ, старуха кричала что-то пронзительно, словно командуя къ-то, оставшимся позади, и едва занявъ мѣсто, принялась вопить въ окно:

— Туде! Туде!

Тутъ же она пояснила намъ, что сестра ея, Гертруда, попала, какъ видно, въ другой вагонъ и, пожалуй, чего добраго, помретъ съ голода, ибо вся провизія вотъ здѣсь, при ней, у нея въ корзиночкѣ.

— Donner Wetter!—съ негодованіемъ воскликнулъ при этомъ бурномъ вторженіи нашъ покровитель.

— Можно обойтись и безъ „Donner Wetter'a“,—рѣшительно заявила ему на это старуха.

— Но можно и съ успѣхомъ прибѣгнуть къ нему!—немедленно выпалилъ онъ въ отвѣтъ, а когда новая сосѣдка опять высунулась въ окно все съ тѣмъ же воплемъ къ Туде, онъ быстро вскочилъ, скорчилъ свирѣпую гримасу и гнѣвно потрясъ надъ головой старухи своими расшлепанными туфлями. (Онъ опять только что переобулся).

Новоприбывшая тотчасъ же вступила въ общеніе съ нами и оказалась весьма простодушной. То, что мы—русскія, внушало ей только глубокую жалость къ намъ. (Русскія, а не нѣмки? Ахъ, бѣдныя!).

Она была красна, озабочена, видимо взволнована событіями и сентиментальна, какъ можетъ быть сентиментальна только старая нѣмка.

Разукрашенные цвѣтами военные поѣзда и солдаты приводили ее въ умиленіе до слезъ. Она бросалась отъ окна къ окну, махала платочкомъ, улыбалась и кланялась.

Когда поѣздъ не было, она шлепалась на мѣсто, утирала потъ и слезы платкомъ и находила умѣстнымъ дѣлиться восторгами своими именно съ нами:

— Dass ist eine grosse Sache! Eine heilige Sache! Это великое дѣло! Это святое дѣло! (Рѣчь, очевидно, шла о войнѣ),—повторяла она.—О, какъ я жалѣю, что мой мужъ не можетъ принять въ этомъ участія! Болѣе всего жалѣю о томъ, что онъ умеръ, недождавшись этихъ великихъ дней! и т. д..

Мы спросили нашего спутника-покровителя,

по какой спеціальности онъ находится на военной службѣ. Оказалось, что онъ—летчикъ.

— А, летчикъ! Ну, смотрите,—сказала я шутливо,—если будете кидать бомбы надъ Петербургомъ, пощадите Академію Художествъ: я живу въ ней съ семьею.

Онъ важно и неопредѣленно кивнулъ мнѣ въ отвѣтъ: захочу, молъ, пощажу, не захочу, не пощажу.

— Впрочемъ,—добавила я,—почему же вы будете знать, гдѣ находится Академія Художествъ?

Онъ гордо и снисходительно улыбнулся:

— Wir haben Plänen (у насъ имѣются планы),—возразилъ онъ.

Старуха вмѣшалась съ живостью:

— Ну вотъ, вотъ,—затораторила она.—Вы теперь знаете, гдѣ живетъ дама, она живетъ въ Академіи Художествъ, вы должны пощадить Академію Художествъ!.. Ахъ, это великое дѣло! Это святое дѣло!.. Ахъ, ахъ...

Остановка. Опять она высовывается въ окно и вопить;

— Туде! Туде!

И добилась-таки своего: сестра ея перебралась къ намъ.

Насколько сосѣдка наша была глупа и простодушна, настолько же—при наличности, впрочемъ совершенно такой же глупости—зла была ея сестра. Исчерна-сѣдая, горбоносая, съ пристальнымъ взглядомъ круглыхъ черныхъ глазъ, она удивительно напоминала ворону, и сразу заняла по отношенію къ намъ позицію ненавистничества: узнавъ, что мы русскія, она оглядѣла насъ уничтожающимъ взглядомъ, брезгливо одергивала на себѣ платье съ той стороны, съ которой приходилось соприкасаться съ нами, раздувала ноздри и весьма строго порицала сестру за ея доброе отношеніе къ намъ.

— Да, конечно, барышня!—говорила она между прочимъ, пронизывая Тиночку взглядомъ.—Но вѣдь того офицера тоже принимали за барышню. И коса, и прическа, и грудь, все было какъ у дѣвушки, и однако...

Такъ томительно дотянулись мы до Берлина.

Было два часа ночи. Предстояла задача: добыть себѣ помѣщеніе, гдѣ бы насъ не отвергли. Въ курортѣ все время доходили до насъ слухи о томъ, какъ русскіе цѣлыми днями и ночами бродили отъ отеля къ отелю, не находя доступнаго имъ пристанища.

Передъ самымъ Берлиномъ летчикъ нашъ, опять-таки воспользовавшись случаемъ, когда никто не могъ этого видѣть, сунулъ въ руку Тиночки свою карточку съ адресомъ и написаннымъ на ней адресомъ отеля, гдѣ онъ со-

вѣтоваль намъ остановиться, —отель Excelsior, какъ разъ напротивъ вокзала. На карточкѣ значилось: I. Raditsky. Покровитель нашъ оказался полякомъ по фамилии.

Такъ и осталось намъ неизвѣстнымъ: что именно побуждало его покровительствовать намъ, —симпатія? жалость? расчетъ? Не знаю, потому что въ отель Excelsior насъ не приняли, и слѣдъ нашъ въ Берлинѣ затерялся для него навсегда.

Да, въ Excelsior насъ не приняли. Казалось, худшія ожиданія наши сбываются: суровый портъе холодно заявилъ намъ, когда освѣдомился о нашемъ происхожденіи, что принять насъ не смѣетъ, — „ich darf nicht, meine Damen“.

Въ большомъ, полутемномъ вестибюлѣ наступило молчаніе. Чемоданы наши, возлѣ которыхъ выжидательно топтался носильщикъ, безпомощно лежали посреди блестящаго пола. Наконецъ, упавшимъ голосомъ, мы спросили, что же намъ предпринять? Портъе посоветовалъ намъ идти до слѣдующаго отеля по той же улицѣ.

— Но вѣдъ и тамъ насъ навѣрно не примутъ?

— Нѣтъ, васъ должны принять тамъ.

— Говорятъ, не принимаютъ нигдѣ?

— Да, это было, дѣйствительно, теперь же есть отели, которые принимаютъ.

Намъ только и оставалось послушаться. Отчасти въ видѣ испытанія, мы попросили разрѣшенія оставить вещи свои въ Excelsior'ѣ, чтобы прислать за ними, когда устроимся. Послѣдовало согласіе, нѣсколько успокоившее насъ.

Отпустивъ носильщика, мы, волнуемая и надеждой и страхомъ, побрели по длинной, видной, пустынной въ тотъ часъ улицѣ Königgrätzer, которая волею судебъ навсегда осталась намъ памятна.

Портъе оказался правъ: насъ безъ всякихъ затрудненій приняли въ небольшой отель на углу одной изъ слѣдующихъ поперечныхъ улицъ, назначивъ, правда, значительную, но не чудовищную цѣну за комнаты, съ утреннимъ кофе. Не дальше, какъ черезъ часъ, мы уже расположились на ночлегъ, рядомъ, въ скромныхъ, но удобныхъ номерахъ, добывъ свои вещи, тщательно умывшись подъ кранами съ холодной и горячей водой въ умывальникахъ, и чувствуя себя счастливейшими изъ смертныхъ, сравнительно съ тѣмъ, чего мы ожидали.

Только тогда, когда утомленные члены наши вытянулись на мягкихъ постеляхъ, въ чистомъ бѣльѣ, свободные отъ платья и обуви, въ тишинѣ, которая не могла быть нарушена втор-

Шере.

Плакатъ.

женіемъ виѣшней жизни, поняли мы, до какой степени мы устали!

При томъ же ласкала мысль, что остается намъ еще только одно послѣднее усиліе, послѣдній этапъ страданія, — и мы уже будемъ на пути туда, домой, — въ Россію!

Намъ предстоялъ отвѣтственный шагъ — поѣздка къ испанскому посланнику, который, со словъ Пайункъ, долженъ былъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, устроить нашъ выѣздъ на родину по добытымъ ею для насъ отъ мѣстныхъ военныхъ властей документамъ.

Однако въ первый день по пріѣздѣ мы рѣшили дать себѣ отдыхъ и осмотрѣться немножко.

Былъ жаркій и яркій лѣтній день.

Отель нашъ, на первый взглядъ, жилъ нормальной, и даже, казалось, веселой жизнью. Дамы наряжались, щеголяя легкими лѣтними шляпами и туалетами. Утромъ, за кофе, маленькія группы и семьи сидѣли у разныхъ столиковъ, украшенныхъ свѣжими цвѣтами, о чемъ-то важно или оживленно шептались, вскользь оглядывали другъ друга, словомъ,

какъ сказали бы тамъ, у меня дома, держали себя „знатными иностранцами“.

Словно бы и въ самомъ дѣлѣ живутъ они здѣсь по доброй волѣ и живутъ припѣваючи.

И, какъ всегда кажется новопривышимъ, намъ казалось, что все это — люди между собою близкіе, а до насъ имъ нѣтъ дѣла, и потому чувствовали мы себя съ ними неловко.

Стали прислушиваться къ говору.

За двумя-тремя столиками слышится польская рѣчь. Изъ этихъ говорящихъ по-польски, у нѣкоторыхъ—опредѣленно еврейскій типъ.

Въ углу, за большимъ сравнительно столикомъ, помѣщается бѣлокурая семья, очевидно, остзейскихъ бароновъ: они говорятъ иногда, обращаясь къ русскимъ, особенно старательной, ломанной русской рѣчью, а между собою ведутъ разговоръ по-нѣмецки. Видъ у нихъ замкнутый, неприступный и гсрдый. Дамы сидятъ словно аршинъ проглотили.

Настоящими русскими только и были мужъ и жена К., больная супружеская пара, принадлежавшая, какъ видно, къ высшему классу русскаго общества.

Послѣ кофе всѣ переходятъ въ сосѣднюю комнату, читальню, и здѣсь съ жадностью расхватываютъ газеты, иллюстрированные листки и журналы. Все та же жадная потребность знать и то же горькое чувство—узнать одно только тяжелое.

Днемъ рискуемъ выйти на улицу. Да и необходимо: надо найти себѣ сходное пропитаніе. Въ нашемъ отелѣ берутъ за прокормленіе дорого, мы же бережемъ каждый пфенигъ: одному Богу извѣстно, что ожидаетъ насъ впереди.

На улицѣ чувствуемъ себя жутко: съ берлинцами въ военное время мы еще незнакомы, а ну какъ что-нибудь имъ не понравится?..

Когда кто-нибудь изъ насъ, по живости, скажетъ слово-два по-русски, Марья Николаевна строго окрикнуетъ:

— Шпрехензи дейчъ, Иванъ Андреичъ!

Остается только смѣяться по-русски.

Нашли маленькій ресторанъ. Выбрали порціи. Пообѣдали тихо и скромно.

А когда дѣло дошло до расплаты, кельнеръ попытался надуть насъ, приписавъ будто бы нечаянно лишнюю марку.

Мы имѣли мужество это замѣтить. Онъ злобно — да, съ очевидной и наглою злобой—извинился и отдалъ марку обратно.

И такіе случаи бывали съ нами неоднократно.

За всѣ времена пребыванія моего въ Германіи, еще до войны, сдѣлала я о пресловутой нѣмецкой честности такое заключеніе: у нѣмцевъ безспорно есть честность, и честность эта, какъ и у всѣхъ людей, простирается изъ

совѣсти. Но совѣсть у нѣмцевъ особенная: она исключительно только гражданская. Личной совѣсти у нихъ нѣтъ.

Какъ разъ противоположно намъ, русскимъ. Нѣтъ гибкаго счета съ человѣкомъ, съ личностью, съ индивидуальностью кажлаго, нѣтъ того тонкаго счета, который устанавливаетъ иной разъ въ отношеніяхъ свою, доступную только чувству, логику.

Нѣмецъ даже самого себя не сознаетъ личностью. Онъ—винтикъ въ великомъ государственномъ механизмѣ, и только. А если не признавать личность себя самого, то что же сказать о другомъ?..

Вотъ почему, какъ только гражданскія отношенія порваны, нѣмецкая честность рвется одновременно. Враги—значить, съ ними можно позволить себѣ все, что запрещено было раньше. Человѣка же нѣтъ. Членъ враждебнаго его странѣ государства уже не человѣкъ для нѣмца.

Впечатленіе отъ ресторана было настолько намъ неприятно, что ужинать мы порѣшили не иначе, какъ дома: у насъ есть спиртовка, двѣ кострюльки, чайникъ,—цѣлая походная кухня. Приготовимъ яйца, заваримъ чайку, чего лучше.

Въ тотъ же вечеръ стали понемногу знакомиться съ обитателями отеля.

Степанъ Николаевичъ К. оказался знаткомъ военнаго дѣла. Прекрасно разбираясь въ нѣмецкихъ сообщеніяхъ, умѣя всюду отличить ложь отъ истины, онъ очевидно служилъ источникомъ бодрости для всего этого маленькаго царства.

— Врутъ они все, и не вѣрь ты имъ, Леночка! обращался онъ къ женѣ, пессимисткѣ въ вопросѣ войны.—Врутъ они всѣ! Разъ Ивановъ поставленъ во главѣ нашей арміи въ Австріи, дѣло пойдетъ хорошо. Я Иванова знаю! Наши идутъ на Львовъ и возьмутъ Львовъ! Не видать имъ своего Лемберга. Краковъ возьмутъ, а тамъ, глядишь, и до Берлина доберутся. Только бы намъ убраться отсюда вовремя.

И когда онъ—высокій, грузный—говорилъ все это сочнымъ баскомъ холенаго русскаго барина, въ головѣ невольно возникала трусливая мысль: а и въ самомъ дѣлѣ? Что если и осада Берлина?..

Да нѣтъ же! Вотъ тутъ, въ сумочкахъ, лежатъ наши спасительныя бумажки,—документы отъ военныхъ властей. Чернымъ по бѣлому намъ предписанъ тамъ пропускъ на родину, —„въ ихъ Vaterland Russland“. Вотъ только къ испанскому посланнику съѣздить...

Слѣдующее утро было хлопотливое: надо было привести себя въ достойный видъ для бесѣды съ испанскимъ посланникомъ, чтобы внушить ему къ намъ какъ можно больше уваженія и довѣрія.

Роль представительницы выпала на долю мнѣ, какъ дамѣ столичной и болѣе опытной.

Марья Николаевна подшучивала, подавая мнѣ совѣты при выборѣ всѣхъ подробностей туалета:

«...Въ малиновомъ беретѣ съ посломъ испанскимъ говорить»...

Адресъ Испанскаго Посольства былъ намъ извѣстенъ. Мы позволили себѣ взять фурмана и покатили.

Но какое ждало насъ разочарованіе!

Вотъ тщательно записанная нами улица. Вотъ ворота Испанскаго Посольства. Въ углубленіи, между двумя зелеными палисадниками и впереди до самой середины улицы, — толпа гудитъ, движется и мелькаетъ, какъ густая, недѣлимая масса. Нѣсколько красныхъ, какъ банщики, шущмановъ напираютъ на эту толпу отъ воротъ, неистово крича: „Zurück! (назадъ), zurück!“ — и потрясаютъ сжатыми кулаками.

Какая то курносенькая курсисточка, гнѣвно вытаращивъ глазки, гордо выпятила грудь передъ самымъ носомъ ужаснаго шущмана. Тотъ, внѣ себя поднялъ надъ ней кулаки. Такъ и ждешь, что вотъ-вотъ эти кулаки всею тяжестью обрушатся на безстрашную...

Что же дѣлаетъ здѣсь эта толпа?.. Неужели...

Да, неужели и мы имѣемъ столько же отношенія къ Испанскому Посольству, сколько она?!

Мы выходимъ изъ экипажа и невольно присоединяемся къ этой толпѣ.

И безнадежно съ нею сливаемся.

Когда мы попытались было пробраться къ портѣ, чтобы освѣдомиться, — такъ же становились передъ самымъ носомъ нашимъ два красныхъ, волосатыхъ кулака, такъ же смо-

Тулузъ-Лотрекъ.

Кафе.

трѣли прямо намъ въ глаза два злобно выпученныхъ глаза, такъ же страшно вылетало къ намъ изъ подъ рыжихъ усовъ громоносное „Zurück!“ — все такъ же!

Этому „Zurück“ суждено было стать лейтмотивомъ всего нашего берлинскаго пребыванія. Гдѣ бы ни появлялись мы, въ надеждѣ и съ цѣлью добыть себѣ наконецъ свободный пропускъ въ Россію, всюду ждала насъ та же среда — огромная толпа (преимущественно евреевъ, среди которыхъ русскіе были только изрѣдка вкраплены), и то же громоносное „Zurück“ свирѣлаго шущмана.

Доступъ въ Испанское Посольство мы, хотя съ трудомъ, но все-таки получили.

Испанскаго посла мы, впрочемъ, и не ви-

дали: принять насъ, въ числѣ многихъ, его секретарь, говорившій по-русски. Онъ кратко заявилъ намъ, что сдѣлать для насъ ничего не можетъ, что предъявленные нами документы „отъ военныхъ властей“ не дадутъ ему никакой возможности помочь намъ, что мы скорѣе сможемъ добиться результатовъ, если побываемъ съ ними въ берлинской „командантурѣ“.

Тотчасъ же ѣдемъ въ командантуру.

Здѣсь бѣлокожій холеный нѣмецъ съ черными глазами, изъ которыхъ словно масло сочится, съ вкрадливой любезностью объясняетъ намъ, что „документы“ наши не имѣютъ ни малѣйшей цѣны (haben kein Wert) для берлинскихъ властей, и что въ данное время пропускъ для проѣзда на родину подданнымъ враждующихъ странъ Германія не разрѣшаетъ (въ данное время—Vorläufig nicht).

Это „Vorläufig nicht“ стало другимъ лейт-мотивомъ нашего берлинскаго пребыванія: въ командантурѣ, въ „Polizeipresidium“ (главное полицейское управленіе), въ полицейскомъ участкѣ, куда мы обязаны были являться каждые три дня, въ Hilfsverein'ѣ (союзъ, организованномъ въ послѣдствіи евреями и санкционированномъ берлинскими властями для завѣдыванія выѣздомъ застрявшихъ въ Берлинѣ русскихъ)—всюду, на вопросъ, когда же и какъ намъ возможно будетъ наконецъ выбраться, мы получали все то же: „Vorläufig nicht“, оставявшее надежду на будущее, но обрѣзавшее всякую стремительность въ настоящемъ.

Vorläufig nicht,—съ тѣмъ мы и вернулись въ отель, ясно чувствуя, что отнынѣ мы составимъ лишь маленькую клѣточку въ большомъ, несчастномъ собирательномъ, которое называется „не военные русскіе плѣнники въ Берлинѣ“.

Опять потянулись дни.

Полная неизвѣстность, неопредѣленность, томленіе. Жизни не было. Было только ожиданіе будущаго, которое не наступало.

Опытъ домашняго приготовленія себѣ пропитанія настолько удовлетворилъ насъ, и такъ неприятно было ходить по ресторанамъ, что мы порѣшили и обѣдъ стряпать дома.

Это рѣшеніе было прямо благодѣтельно для меня: ожиданіе въ полномъ бездѣйствіи было бы лично для меня положительно нестерпимой пыткой.

Теперь день распредѣлялся самъ собою, давая какую-то иллюзію лихорадочной дѣятельности.

Утромъ, прежде, чѣмъ сожители мои бывали готовы, обыкновенно я, послѣ кофе, отправлялась прежде всего въ „клубъ“. Такъ

прозвали мы то углубленіе у воротъ Испанскаго Посольства, между двумя палисадниками, гдѣ цѣлыми днями гудѣла толпа русскихъ плѣнныхъ.

Въ этомъ „клубѣ“ всегда можно было узнать что-нибудь интересное: то пронесется слухъ, будто такой-то и такой-то (назывались два-три лица изъ извѣстныхъ русскихъ общественныхъ дѣятелей) взялись добыть для насъ всѣхъ разрѣшенія выѣхать, и будто хлопоты ихъ уже почти увѣнчались успѣхомъ; то кто-нибудь объявлялъ съ увѣренностью, что отнынѣ установлено почтовое и телеграфное сообщеніе съ Россіей черезъ Буда-Пештъ: стоитъ только сходить туда-то (назывался подробный адресъ), и можно послать какую-угодно вѣсть о себѣ и оттуда-же ждать отвѣта; то намекали на какую-то организацію, которая возьметъ на себя дѣла всего нашего бѣднаго, безпризорнаго стада, и вотъ эта-то организація ужъ навѣрняка добьется разрѣшенія выѣзда.

Слухи эти въ дѣйствительности не оправдывались, и я мало имъ придавала значенія, но меня занималъ самый процессъ моего хожденія въ „клубъ“. Наблюдать движеніе этой пестрой толпы, подъ вѣчный лейт-мотивъ „zurück“ шуцмановъ, видѣть все тѣ же лица, которыя сначала только примелькались, потомъ съ каждымъ днемъ становились роднѣе, слушать взволнованныя рѣчи, воспламененныя какой-нибудь новой эфемерной надеждой, даже сами надежды, которыя, несмотря на всю свою эфемерность, все же вносили какое-то разнообразіе въ однотонную вибрацію безнадежности,—все это стало для меня ежедневной потребностью, какой-то обязанностью, почти дѣломъ.

По возвращеніи, я обыкновенно заставала моихъ сожителей въ читальнѣ, и тутъ же сообщала имъ и всей нашей маленькой колоніи свои „новости“, приправляя рассказъ свой юморомъ, иногда изображая цѣлыя сценки въ лицахъ. Въ обмѣнъ мнѣ сообщались новости, вычитанныя въ газетахъ.

Затѣмъ мы шли въ полицейскій участокъ, если день былъ „полицейскимъ днемъ“, или же прямо отправлялись закупать провизію для приготовленія обѣда.

Надо признаться, что въ Берлинѣ такое приготовленіе обставлено какъ нельзя болѣе удобно: въ магазинахъ всегда можно найти любое готовое жаркое, маленькія порціи заливного, не говоря о всевозможныхъ закускахъ,—даже готовый винергетъ или салатъ. Магги даетъ возможность всегда имѣть чашку бульона, а если ко всему этому прибавить вареную зелень или кашу, фрукты и молоко, то получается

сытный и вкусный обѣдъ. Горячая вода изъ-подъ крана въ умывальникѣ даетъ возможность почти безъ труда держать посуду въ опрятности.

Убравъ все послѣ стряпни, мы шли на прогулку. Печальныя это были прогулки: подъ перекрестными, непріязненными взглядами встрѣчныхъ, подъ страхомъ сказать русское слово, въ тягостномъ сознаніи зависимости отъ всѣхъ и каждаго. Но вѣдь нельзя же было и не гулять!—Номера наши выходили на глубокой каменный дворъ, вродѣ колодца. Голыя каменные стѣны кругомъ. На этомъ дворѣ каждая обретенная служащимъ мальчикомъ ложка производила такой звукъ, словно разбился цѣлый подносъ посуды. Дни стояли жаркіе, дышать въ комнатѣ нечѣмъ.

На улицѣ, правда, мало чѣмъ лучше: каменные громады кругомъ; струи свѣжести слабо достигаютъ иногда только сверху; воздухъ весь пропитанъ тончайшей размолотой пылью; эта пыль пронизана стойкими лучами лѣтняго солнца и какъ бы виситъ передъ глазами въ видѣ тончайшей газовой пелены. Глаза устаютъ всматриваться въ эту пелену и незамѣтно засоряются.

Послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ Берлинѣ у меня и сдѣлалось отъ этого воспаленіе вѣкъ. И несмотря на то, что лично намъ не пришлось испытать никакихъ „звѣрствъ“ во время нашего плѣна, настроеніе было таково, что я не рѣшилась обратиться къ врачу: было страшно за свое зрѣніе. Многіе случаи, извѣстные по рассказамъ моихъ сотоварищей, а въ послѣдствіи и по газетамъ, вполне оправдываютъ мой страхъ.

Кромѣ пыли, величайшимъ бѣдствіемъ Берлина лѣтомъ являются автомобили: ихъ бездна, и они носятся всюду, и всюду оставляютъ за собою струю удушливаго газа, которымъ они отопляются. Иногда и въ самомъ отелѣ, если окна и входная дверь бывали открыты, этотъ газъ наполнялъ собою корридоры, и всѣ мы, обитатели, страдали непрерывной тошнотой отъ этого невыносимаго запаха.

Гуляя по разнымъ кварталамъ Берлина, мы поражались одной характерной чертой берлинской торговли: буквально въ рѣдкомъ домѣ не было популярнѣйшаго берлинскаго учрежденія, преимущественно подъ двумя фирмами—Шультхайсъ и Патценхоферъ. Это были пивныя. Иногда Шультхайсъ процвѣтала въ нѣсколькихъ домахъ подрядъ или черезъ домъ, иногда Патценхоферъ, иногда оба они безобидно перепережились. Очевидно потребителей всегда на обоихъ хватало.

Вѣрнѣе, впрочемъ, было бы сказать, что ихъ

обоихъ оказывалось недостаточно; на помощь имъ являлось еще нѣсколько учрежденій, носившихъ различныя названія, но по существу совершенно имъ тождественныхъ: „Destilation“, „Ptobierstube“, „Weinstube“ и т. п.

Мнѣ кажется, число трактировъ всего Петрограда не могло бы конкурировать съ числомъ подобныхъ учрежденій на одной большой и людной улицѣ „трезваго“ Берлина.

До войны, когда мнѣ случалось бывать въ Германіи, я дѣйствительно никогда не видала на улицѣ пьяныхъ; ихъ, какъ видно, удивительно искусно куда-то прятали. Но за время плѣннаго томленія нашего намъ много разъ случалось видѣть пьяныхъ, шеренгами, человекъ по три, по четыре, выписывающихъ мыслети по тротуарамъ столицы.

Мы какъ-то попробовали, въ противоположность Шультхайсу и Патценхоферу, сосчитать число книжныхъ магазиновъ на той же улицѣ. Увы! намъ пришлось обойти цѣлый кварталъ, чтобы найти одну лавку.

Вернувшись съ прогулки, мы устраивали русскій чаекъ, потомъ садились за карты.

Играли въ преферансъ. Правда, очень плохо, наивно, неискусно (одна Тиночка слыла у насъ за профессора), за то горячо, и время все-таки наполнялось, а главное—была у насъ и еще одна цѣль: кто бы изъ насъ ни проигралъ, проигранные пѣниги откладывались въ завѣтную коробочку и, такимъ образомъ, накопившаяся сумма шла на покупку лакомствъ къ чаю или къ обѣду. Совѣсть была чиста и спокойна: никто въ отдѣльности не тратилъ денегъ „на глупости“, а между тѣмъ все есть въ жизни хоть нѣчто занятное,—Тиночка идетъ выбирать леденцы, сладкіе пирожки, шоколадъ.

Послѣ картъ ужинъ. Потомъ мы съ Марьей Николаевной большей частью остаемся однѣ, бесѣдуемъ, Тиночка же отправляется въ читальню черпать новости изъ вечернихъ газетъ и передъ сномъ сообщаетъ намъ ихъ толково и съ комментаріями.

Такъ просто, по дѣтски, одностонно тянулась эта жизнь, если такое можетъ жизнью назваться.

На сердцѣ всегда—и на яву и во снѣ—лежалъ гнетъ ожиданія. Что-то сосало внутри, иногда тоска доходила до остроты нестерпимой. Сидишь, бывало, въ своемъ душномъ каменномъ гробу,—ничего не хочется! Заснуть бы навѣки, не видѣть, не чувствовать...

И вдругъ тишина прерывается тонкимъ, разрозненнымъ звономъ: это звонятъ жиденькіе ихъ колокола,—празднуется новый „Sieg“... (побѣда).

Марья Николаевна какъ-то вспомнила рассказъ Мопассана, въ которомъ герои, попавшіе на необитаемый островъ и долго прожившіе тамъ одни, возненавидѣли другъ друга отъ одной необходимости быть всегда вмѣстѣ.

— Неужели и мы можемъ такъ же возненавидѣть другъ друга?

О нѣтъ, мы не возненавидѣли, мы все больше любили другъ друга, но подъ тяжелымъ давленіемъ безсильнаго ожиданія, бывали и у насъ срывы, обиды и огорченія.

Иногда намъ самимъ казалось, что мы брошенные, безпризорныя дѣти...

Изрѣдка на этомъ ровномъ фонѣ происходили „событія“.

Помню, въ самомъ началѣ нашего пребыванія, пока мы еще не знали акустическихъ тайнъ нашего двора, испытали мы нѣсколько минутъ неописуемаго ужаса и готовности къ смерти.

Это было какъ разъ время усиленной мобилизаціи; по улицамъ проходили войска, гремѣли германскіе гимны.

Вдругъ нѣчто ужасное произошло на нашемъ дворѣ: послышался страшный грохотъ, звонъ битаго стекла, гулъ голосовъ и пронзительные, отчаянные крики.

Мы смотрѣли другъ на друга, и каждой изъ насъ видно было, какъ лица двухъ прочихъ постепенно блѣднѣютъ.

„Отель нашъ пріютилъ русскихъ, это всѣмъ извѣстно, патриотически настроенная толпа пришла громить насъ“... Вотъ какія мысли пронеслись у насъ въ головѣ. И мы уже переживали въ воображеніи предстоящія мученія и смерть...

Звонъ, грохотъ и вопли все продолжались. Намъ казалось, что все это длится безконечно. Быть можетъ, прошло всего нѣсколько минутъ.

Потомъ все утихло.

Мы мало по малу успокоились, стали даже надъ собою смѣяться.

И только нѣсколько дней спустя, мы рѣшились разспросить у прислуживавшей намъ дѣвушки объ этомъ „событіи“.

Оказалось, что мальчикъ, помощникъ главнаго кельнера, уронилъ и разбилъ какія то рюмки, и его за это выдрали за уши.

Въ другой разъ насъ напугало иное:

Какъ то разъ вечеромъ пришли мы въ читальню всѣ трое и оказались тамъ совершенно однѣ.

Вдругъ дверь открылась и вошла маленькая женщина съ рѣзкой походкой и движеніями.

Она стала порывисто перебирать газеты,

все время по нѣмецки бормоча что то, не то про себя, не то обращаясь къ намъ.

Постепенно голосъ ея становился все рѣзче, бормотанье яснѣе. Наконецъ она схватила какую то газету, упала въ кресло и уже прямо обратилась къ намъ съ нѣмецкой рѣчью:

— Разбойники! Преступники! Варвары! Они не щадятъ никого! Они рѣжутъ старухъ и дѣтей!.. И это— Россія, которая всей культурой своей обязана намъ! Разбивать эту драгоценную, безпримѣрную культуру, которая является образцомъ для всего міра! Разбойники!.. Они рубятъ женщинамъ пальцы съ кольцами и набиваютъ себѣ ими карманы! Да, Да! Ихъ карманы набиты отрубленными пальцами на кольцахъ. Въ восточной Пруссіи, да! Варвары!..

Ея тонъ все повышался. Она какъ то странно, то гнѣвно нападала на насъ, то заискивающе улыбалась и кланялась.

Мы не знали, что дѣлать.

Наконецъ, выбравъ болѣе или менѣе удобную минуту, когда она снова стала рыться въ газетахъ, мы вышли.

Оказалось, что это — тоже жилища отеля, единственная оставшаяся въ немъ нѣмка,—какая то сумасшедшая графиня, у которой уже убили на войнѣ брата и зятя.

Яркими воспоминаніями остались еще два противоположныхъ событія: празднованіе Берлиномъ Седана и взятіе нами Львова.

О взятіи Львова узнали мы лишь спустя нѣсколько недѣль послѣ совершившагося факта.

Впрочемъ, Степанъ Николаевичъ—по намекамъ въ газетахъ, по старанію печати подготовить общественное мнѣніе—былъ увѣренъ въ томъ, что фактъ совершился и насъ всѣхъ пріучилъ къ этой мысли. Тѣмъ не менѣе, официальное заявленіе объ этомъ нѣмецкаго генеральнаго штаба дало нѣсколько минутъ молчаливаго торжества нашему бѣдному стаду: не такъ ужъ, значить, плохи у насъ дѣла, чего то и „мы“ достигаемъ, есть и у насъ свои „Sieg' и“.

Зато день празднованія Седана произвелъ дѣйствіе подавляющее.

Жиденкій звонъ продолжался съ утра до вечера. Берлинскіе дома были, должно быть, въ этотъ день совершенно пусты: всѣ улицы сплошь были запружены нарядной толпой съ пестрыми флагами. Патриотическія пѣсни, крики и гимны не умолкали.

На улицу выходить было страшно. Мы весь день просидѣли дома.

Въ слѣдующихъ за событіемъ иллюстрированныхъ журналахъ появились безчисленные снимки празднества. Тутъ же увидѣли мы въ

первый разъ трофеи, которыя удалось захватить у насъ нѣмцамъ.

Надъ однимъ изъ этихъ трофеевъ много смѣялся Степанъ Николаевичъ: это было древко отъ знамени какого то полка. Оно съ гордо-стью воспроизведено было всюду, во всѣхъ иллюстрированныхъ листкахъ и журналахъ. Два солдата торжественно держали голую палку, при чемъ само знамя, какъ было тутъ же указано, „vollständig fehlt“ (совершенно отсутствуетъ).

— Нѣтъ знамени, такъ и нѣтъ его, вся суть въ знамени, древко не имѣетъ значенія!—горячился и смѣялся Степанъ Николаевичъ.— Заботливый знаменосецъ захпнуть его себѣ за пазуху да и спасся, а они, не угодно ли, нашли чѣмъ хвастать!..

На другой картинкѣ сердитыя русскія сѣрыя лошади тащили на площадь завоеванныя у насъ пушки. Ихъ было немного. И—какъ это ни странно—у этихъ лошадокъ былъ такой недовольный, удрученный видъ, такъ злобно хмурились ихъ полузакрытыя вѣки, такъ стѣсненно выступали ноги и опущены были головы, словно онѣ понимали свою плачевную роль и чувствовали себя поруганными.

Помню, тамъ же появилось изображеніе бельгійской собаки, тащившей маленькій захваченный нѣмцами пулеметь. Она была прежде запряжена въ дышлѣ съ другой собакой, но подругу ея убило осколкомъ гранаты, она осталась при дышлѣ одна. И какой же у нея былъ убитый, сконфуженный видъ! Казалось, она несчастна уже и тѣмъ, что осталась на этомъ свѣтѣ. Она мучительно отворачивалась и, что называется, готова была провалиться сквозь землю.

А вотъ наступило и главное событіе, — то страстно жданное, желанное событіе, которое словно рычагомъ перевернуло и взбудоражило всю нашу скованную жизнь и разбудило всѣ наши дремавшія силы.

Уже за нѣсколько дней стали циркулировать упорные слухи о томъ, что насъ скоро освободятъ и отправятъ.

Волновались, слушали, не смѣли повѣрить. Слухи становились все тверже.

Наконецъ стали называть даже срокъ.

Всѣ мужчины нашего отеля лихорадочно гдѣ то метались, собирая свѣдѣнія. Въ отмѣченный по слухамъ день всѣ были на развѣдкахъ. Даже неподвижный Степанъ Николаевичъ выѣхалъ на моторѣ вмѣстѣ съ сосѣдомъ паномъ М. въ командантуру.

Жена его, Елена Павловна, общалась тотчасъ же дать намъ знать о результатахъ, какъ только они вернутся.

Лихорадка ожиданія не давала намъ возможности сидѣть неподвижно. Мы пошли прогулять въ надеждѣ, что время пройдетъ быстрѣе.

Нарочно промедлили, какъ только могли. Возвращаемся со страхомъ, не смѣя надѣяться. Съ порога входной двери уже засматриваемъ въ вестибюль...

Елена Павловна, очевидно ожидавшая насъ, сидя на плетеномъ креслѣ въ вестибюлѣ, киваетъ намъ радостно и посылаетъ намъ милый жестъ рукой: „Радуйтесь, моля, свершилось!“

Мы бросились къ ней.

— Разрѣшаютъ?

— Да, да, разрѣшили!

Во всемъ отелѣ слышно движеніе, смѣлый говоръ, смѣхъ, восклицанія...

Мнѣ до самой смерти не забыть этой минуты. Все напряженіе, вся чѣмъ то невидимымъ поддерживаемая энергія сразу упали во мнѣ. Я хотѣла ближе подойти къ милой вѣстницѣ, но ноги мои подкосились, я сѣла на ближній стулъ. Хотѣла что то сказать,—звукъ не пошелъ изъ гортани.

Я закрыла лицо руками, задрожала и заплакала.

А. Исакова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Тулузъ-Лотрекъ.

Рисунокъ.

Богдо-Ула.

(Степной разговоръ).

Антонъ Амнуэль.

Посв. М. Р. Амнуэль.

Весь тотъ долгій знойный день провели мы въ открытой степи, болтаясь на тряскихъ и ходкихъ калмыцкихъ лошадяхъ. Весь день неутомимо палило въ голову жгучее солнце съ благаго отъ зноя неба; кровавый свѣтъ застилалъ порой глаза, и думалось, что еще минута — и упадешь бездыханнымъ. И вѣрилось, что дѣйствительно сидитъ въ небѣ какой-то злой духъ съ пылающимъ факеломъ въ рукѣ, и съ жестокой радостью палить все живое для смертоносной потѣхи своей.

Спутникомъ моимъ былъ Сохоръ Манджиевъ — истый калмыцкій монахъ (гелюнгъ), строгій въ вѣрѣ, хранитель древнихъ преданій, погруженный въ свои размышленія, недоступныя простымъ смертнымъ. Въ молодости побывалъ онъ въ Лхассѣ, — видѣлъ Джокангъ и Далай-Ламу. Былъ это старый человѣкъ, сухой, желтовато-коричневый и спокойный, какъ мертвецъ, уже переступившій за порогъ печалей, волненій и радостей людскихъ и постигшій то, что не суждено знать живущимъ. Кожа на его лицѣ казалась туго натянутой, а рѣдкія морщины жесткими. Равнодушно, тускло-темнымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ въ марево степной дали. Но я зналъ: въ глубинѣ души старый гелюнгъ чувствовалъ себя смущеннымъ. Начинались чужіе киргизскіе предѣлы.

Уже попадались намъ кругловерхія карсацкія кибитки, далеко пахнувшія кизякомъ и бараньимъ саломъ, и почти сравнявшіяся со степью закопченныя землянки, изъ которыхъ выглядывали скуластыя, лисьи лица карсаковъ и провожали насъ долгимъ взглядомъ острыхъ зркихъ глазъ, съ постояннымъ выраженіемъ насмѣшливаго недоверія. Ярко-красный, долгополый лапшикъ (ряса) моего спутника, чуждый этихъ мѣстъ, видимо, наводилъ ихъ на какія-то размышленія.

Вечеромъ остановились мы среди степи неподалеку отъ желѣзнодорожной линіи. Какой-то огонекъ на ней, такой холодновато-самоувѣренный среди легкихъ, разсѣянныхъ сумерокъ синѣющей степи, былъ видѣнъ издали. Пока старый монахъ запаливалъ костеръ, кое-какъ разбилъ я свой пологъ, спасающій отъ комаровъ, безъ котораго нельзя и думать ѣздить по степи лѣтомъ, залѣзъ подъ него и задремалъ легкой дремой.

Сквозь нее было слышно мнѣ, какъ хоры сверчковъ верещать въ травѣ съ мягкой на-

I.

смѣшливостью, какъ гдѣ-то далеко посвистываютъ тонкоголосые кулички, какъ ирн опофыркиваютъ усталые кони и хлещутъ хвостами себя по бедрамъ, отгоняя несмѣтные полчища назойливыхъ комаровъ... Но я не слышалъ, какъ подѣхалъ третій человѣкъ.

II.

Заставилъ меня очнуться громкій и рѣзкій голосъ, увѣренно сказавшій съ характерной карсацкой жесткостью:

— Не бойсь, старикъ. Карсакъ пся степь базьметъ.

Я выглянулъ изъ подъ полога. Въ степи уже была совсѣмъ черная ночь. Горѣлъ костеръ. Освѣщенный имъ, красный лапшикъ гелюнга Сохора выступалъ изъ темноты яркимъ пятномъ, но лицо его не было видно за дымомъ. Сидѣлъ онъ совсѣмъ неподвижно, какъ древнее изваяніе.

А прямо противъ меня краснѣло хитро-насмѣшливое лицо не стараго карсака. Ярко поблескивали его черные, какъ угли, острые раскосые глаза. Рѣдкая узкая борода, усы, освѣщенные огнемъ костра, порой краснѣли, походя на тонкія, тлѣющія нити. Черный бешмедъ его сливался съ темнотой и, казалось, будто только одно лицо чудеснымъ образомъ держится въ воздухѣ.

Видимо, вели они свой разговоръ уже давно. Калмыкъ былъ спокоенъ, а карсакъ волновался, двигался, былъ весь — порывъ.

— И базьметъ — повторилъ онъ.

Калмыкъ тихо вздохнулъ, перебирая эрикень (четки).

— Омъ, мани мадме кумъ... — И продолжалъ ровнымъ тихо-пѣвучимъ голосомъ, будто и не обращая вниманія на киргиза: — Табуны ходили по этой степи калмыцкіе, ставились хотоны наши, наши горѣли костры по кошамъ. Тутъ все было калмыцкое...

— И Богдо-Ула? — рѣзко и недоверчиво спросилъ киргизъ, перебывая.

— Святая гора — ничья. Великій духъ живетъ на ней и нѣтъ дороги человѣку къ ней.

Я понялъ, что разговоръ идетъ о невысокой горѣ, возвышающейся среди степи, неподалеку отъ мѣста нашей ночевки. Именемъ ея — Богдо — старымъ монгольскимъ словомъ — Святой, Великій, — названа теперь небольшая станція на „Астраханкѣ“.

— Духъ. Какой такой духъ?—такъ же спокойно и рѣзковато спросилъ карсакъ.

— Великій духъ. Нельзя понять. Старецъ постигъ больше, чѣмъ юноша. Гелюнгъ больше, чѣмъ старецъ. Гелюнгъ знаетъ древнія и святыя хобуша-номъ: Дхампада, Муни Сутта, Дхамика-Сутты и постигъ шесть родовъ мудрости—Абхинья и десять силъ—Иддхи. Такъ. Но всѣмъ темна жизнь Духа и желанья его. Онъ дѣлаетъ такъ, какъ хочетъ, но почему такъ,—знаетъ только онъ. Законъ—его. И вотъ живетъ Великій Духъ на вершинѣ Богдо-Ула и никто не можетъ вступить на нее. Если пойдетъ на нее смѣлый, го Духъ толкаетъ его, какъ дойдетъ онъ до порога дома его—и смерть приметъ смѣлый.

Я уже и раньше слыхалъ это повѣріе. Слушалъ гелюнга внимательно и карсакъ, но смотрѣлъ на него сверху внизъ, казалось, съ пренебрежительнымъ сожалѣніемъ. На слова гелюнга бросилъ онъ короткій гортанный звукъ, звенѣвшій насмѣшкой:

— Хэ.

Дымъ относилъ въ сторону, и открывалось лицо гелюнга. Мертвенно спокойно было оно. И, перебирая четки, онъ рассказывалъ.

III.

— Правиль тогда калмыками ханъ Аюка. Хитрый ханъ, сильный и смѣлый. Далай-Лама благословилъ его и прислалъ ему печать. Со многими воевалъ ханъ: съ кумыками, съ кабардинцами и съ вами, карсаками, тоже, и покоришь братьевъ вашихъ—туркменъ мангишлякскихъ. Самъ Бѣлый Царь — Петръ — искалъ дружбы его и дарилъ ему порохъ и свинецъ. Но Аюка разрушилъ слободы Астраханскія, бралъ русскихъ въ плѣнъ. Изъ Китая приходили послы къ нему и дружбы его искали, и онъ протянулъ Китаю руку свою, а отъ русскихъ отнялъ ее.

— Давно было—иронически вставилъ карсакъ и зѣвнулъ съ притворной скукой: Алла...

— Весь народъ такой былъ—смѣлый. Удача за народомъ шла тогда, покорно и тихо, какъ вѣрная жена. А когда идетъ за человѣкомъ удача на землѣ, забываетъ человѣкъ о небѣ. Былъ въ роду Аюки молодой найонъ Нимгиръ—самый смѣлый, самый удачливый, самый дерзкій найонъ. Былъ у него съ Аюкой такой разговоръ...

— Тогда приѣзжалъ въ Калмыцкую степь славный Бѣлый Царь Великій Петръ. И когда уѣхалъ онъ—на степь слухъ давалъ, что не лежитъ сердце его къ Аюкѣ, ждетъ онъ смерти его и хочетъ видѣть ханомъ Доргжи Назаръ.

Угощаль Аюка смѣлаго Нимгира кумысомъ и хмѣльной аркой и сказалъ:

— Ханомъ будетъ племянникъ мой. Хочешь-ли его?

— Не хочу. Народъ не любитъ его и я не не люблю. Слабый онъ человѣкъ.

— Кто-жъ по твоему, ханомъ будетъ?

— Я ханомъ буду—Нимгиръ сказалъ.

Нимгиръ хмѣленъ былъ, и засмѣялся Аюка. И всѣ гости его засмѣялись.

— Бѣлый Царь воевать съ тобой будетъ.

— И я съ нимъ буду.

— Онъ тебя въ плѣнъ возьметъ.

— Нѣтъ, я его въ плѣнъ возьму.

— До его хотона дойти трудно. У Бѣлаго Царя сила большая. Не дойдешь.

Надъ силой Нимгира посмѣяться посмѣли. Огнемъ вспыхнули глаза его.

Опять засмѣялся Аюка.

— Легко хвалиться. Юноша прежде, чѣмъ на битву идти, головы баранамъ на пробу рубить. Попробуй-ка и ты хоть до дома Духа Богдо Ула дойти, до вершины горы.

И ужъ всѣхъ гостей засмѣяться заставили слова хитраго хана Аюки... Еще ярче запылали глаза молодого Нимгира. И сказалъ онъ слово дерзости неслыханной:

— Дойду.

Отвѣтилъ Аюка старой пословицей;

— Слова—водяные пузыри: дѣла-же капли золота.

Гордъ былъ Нимгиръ. И пришлось ему идти на Богдо Ула. Много народа собралось къ горѣ смотрѣть, какъ будетъ идти онъ. Растянули кибитки по степи и костеръ зажгли; верблюды ревели, лошади ржали, а люди — одни пѣли пѣсни герою, а другіе плакали, ожидая гибели его. И вотъ пошелъ Нимгиръ. Одинъ, безъ оружія, только съ палкой дорожной шелъ онъ. Отходилъ отъ стана, поднимаясь, и все меньше становился. Вотъ сталъ онъ ростомъ какъ лиса, вотъ—какъ сусликъ, вотъ—какъ муха...

Замерли всѣ, ожидая. Ужъ близка была вершина неприступная святой горы.

Одинъ, какъ орелъ въ небѣ, шелъ Нимгиръ по склону горы, опираясь на палку, и пѣлъ старинную пѣсню:

„Я не думаю о смерти ни однимъ уголкомъ своего ума.

„Но на кончикахъ пальцевъ несу я красную жизнь.

„Я принялъ обѣтъ героя“...

Такъ пѣлъ онъ громко, когда шелъ, и уже близка была вершина—конецъ пути.

Голосъ его былъ слышенъ далеко — тишина стояла въ степи, и весь станъ хана и гостей его молчалъ, ожидая.

Но жизнь людская отмѣчена чертой и нельзя

переступить ее. Тутъ пришла минута воли небесной: тяжелый громъ загрохоталъ надъ степью и увидали люди темное облако на вершинѣ горы, смутный и страшный ликъ Великаго духа Богдо Ула мелькнулъ въ немъ, и ясно видно было, какъ большая рука крѣпко схватила Нимгира, подняла надъ горой и бросила далеко въ степь.

Гелюнгъ Сохоръ замолчалъ благоговѣнно.

— Ну, — нетерпѣливо спросилъ киргизъ, точно ждалъ какого-то важнаго для себя момента и хотѣлъ ускорить его.

— Долго искали Нимгира и нашли всего разбитаго. Но сѣдой, серебряной, какъ у древняго старца, была голова его, ибо прошли надъ ней минуты послѣдней скорби и страха. Нельзя преступать завѣты Неба и законъ его. Омъ, мани пад ме кум...

IV.

Опять наступила минута тишины такой глубокой, что мнѣ было ясно слышно, какъ шуршать о мой пологъ крылышки трубящихъ комаровъ, и вдругъ раздался рѣзкій жесткій крикъ карсака. Надъ потухающимъ костромъ покачивалось умное, скуластое лицо, искривленное гримасой смѣха. Киргизъ сощурилъ глаза, оскалилъ большіе и крѣпкіе, какъ у лошади зубы и смѣялся громко, насмѣшливо, пренебрежительно.

— Хе-хе, старикъ. Что говоришь, старикъ, — онъ сплюнулъ въ костеръ, рѣзко цикнувъ языкомъ, и спросилъ:

— Давно ты тутъ не былъ?

— Давно, давно, — спокойно отвѣтилъ гелюнгъ.

— Ну, вотъ и не знаешь. Хе. Урусъ чело-вѣкъ давно твоя Богдо Ула лопатой кивиряетъ, большой камень таскалъ, на машину кладетъ — безетъ. Хе.

— И ничего, ничего?

— Нисява, — какъ то особенно задорно и весело отвѣтилъ киргизъ, тотчасъ понявъ, о чемъ спрашиваетъ тотъ. — Бульна пся хороша. Иде-жъ твоя шайтанъ съ гора.

Глаза его блестяли красными искрами. Я

видѣлъ, какъ испуганно дрогнуло тихое и спокойное лицо гелюнга и стало сѣрымъ. Онъ подавилъ вздохъ и замеръ, оставивъ даже свои четки.

Вотъ она — тайна ломки степной жизни, освященной вѣками — думалось мнѣ.

Пожалуй, правъ былъ киргизъ, когда кричалъ, что карсакъ всю степь возьметъ. Легкими шагами хищника, озираясь, какъ рысь, идетъ онъ въ глубину степи, отъсняя калмыка. И не калмыку бороться съ нимъ. Калмыкъ мягокъ, податливъ, мечтателенъ, лѣнивъ. Онъ говорить мягко-пѣвучимъ голосомъ, тоскливо поетъ длительныя пѣсни, даже пляшетъ неторопливо.

А мимо поселковъ карсаковъ, надъ могилами ихъ отцовъ проходятъ теперь грохочущіе поѣзда — несутъ новое, нарушая вѣковую тишину степи. Но киргизъ — еврей Юго-Востока; онъ понималъ выгоду новаго, легко забылъ и старину, и преданія ея и, равнодушный къ религіи, вороватый, расчетливый, запрягъ древняго верблюда, отъ котораго вѣтъ библей, въ неуклюжій ящикъ и поѣхалъ на станцію за товаромъ: за ситцемъ, за водкой, за самоваромъ, за яркими побрякушками — первыми ласточками цивилизациі, и повезъ шкуры своихъ барановъ на продажу; самъ сѣлъ на поѣздъ и съ легкимъ сердцемъ покатилъ въ растущій городъ. Охотно идетъ онъ за русскими, безцеремонно толкается въ гущѣ жизни и прокладываетъ дорогу.

Побѣдой будетъ отмѣчено шествіе этого новаго цѣпкаго чело-вѣка. Онъ вѣрить только въ видимое и смѣется надъ тайной, надъ легендой, надъ суровой красотой степи, взростившей его.

И отступаетъ легенда передъ нимъ, гдетъ сказка, безмолвствуетъ предъ святотатствомъ Духъ Богдо Ула. Теперь царить въ степи новый духъ, и такъ же, какъ древній, исполняя законъ свой, убираетъ съ пути своего все мѣшающее ему и несогласное съ нимъ.

И подъ пятой его тихо умираетъ, чуждый ему, погруженный въ прошлое, народъ калмыцкій.

Антонъ Амнуэль.

ВЪ ШТЫКИ!

Эдуардъ Слонскій *).

Онъ стоитъ во рву, который только что самъ выкопалъ.

Ровъ глубокий; во рву—сырая земля.

Мокрымъ холодомъ наполнились его солдатскіе сапоги.

Сырой, осенній вечеръ.

Панъ Михальъ стоитъ во рву и смотритъ на свои грязныя руки.

У него никогда не было такихъ грязныхъ рукъ. Хорошо, что никто не видитъ. Всю ночь онъ провелъ въ товарномъ вагонѣ съ тридцатью товарищами; ѣхалъ сюда изъ Варшавы. Потомъ сталъ окапываться въ сырой землѣ, близъ дороги, осаженой вербами. Неудивительно, что у него такія грязныя руки. Всюду, куда ни глянешь—сѣрыя шапки солдатъ и дула ружей. Длинный ровъ идетъ вдоль дороги и скрывается за поворотомъ. Его рыли болѣе тысячи человѣкъ подъ постояннымъ огнемъ; каждый хотѣлъ скорѣе скрыться въ землѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пана Михала лежитъ какой то бѣдняга съ прострѣленной головой.

— Какъ звали убитаго?

Но никто не знаетъ или не помнитъ, какъ его звали. Титовъ или Ивановъ? Кто то зналъ, что онъ былъ изъ Самарской губерніи, что онъ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей.

Непріятель, должно быть, гдѣ нибудь близко. Изъ за черной кущи деревьевъ, которая возвышается въ концѣ поля, летятъ пули. Надъ самой головой пана Михала летятъ пули. Панъ Михальъ слышитъ ихъ смертоносное жужжанье тутъ, надъ собой, онъ знаетъ, что это—смерть. Онъ стоитъ въ мокрой землѣ и стрѣляетъ въ темную кущу деревьевъ на горизонтѣ—и хочетъ, чтобы каждая его пуля несла бы смерть врагу.

Онъ самъ не знаетъ, откуда взялась у него эта жестокость. Пусть каждая пуля встрѣтитъ чью нибудь голову или сердце.

Панъ Михальъ не ѣлъ съ самаго утра, но несмотря на это голода не чувствуетъ. Только начинаетъ болѣть отъ стрѣльбы палецъ. На указательномъ пальцѣ правой руки у него пузыри, на мизинцѣ ранка, на которой присохла грязь.

Скоро они должны перестать стрѣлять—все больше и больше темнѣетъ, черная куща деревьевъ на концѣ поля уменьшается и исчезаетъ во мракѣ; длинный воинскій поѣздъ еле

вырисовывается черной лентой на фонѣ темнѣющаго неба.

Ночь идетъ.

Скоро замолкнетъ канонада, и пальцы отдохнутъ. Нельзя стрѣлять, когда темно и не видно.

— Што, панъ, руки болятъ?—спрашиваетъ пана Михала сосѣдъ.

Но Михальъ не хочетъ признаться и протестуетъ. Руки у него не болятъ; можетъ такъ стрѣлять хоть всю ночь.

Съ недовѣрьемъ смотритъ на него сосѣдъ—плотный мужикъ изъ Саратовской губерніи, Иванъ Колесовъ. Онъ не вѣритъ пану Михалу. И не такія руки натруживаются и болятъ. Это тяжелая работа.

— Знаемъ мы вашего брата!

Панъ Михальъ любитъ Ивана. Иванъ—пожилой мужикъ, запасной, былъ на японской войнѣ, видалъ не мало страшнаго. Пожалуй, онъ и правъ: этотъ указательный палецъ болитъ, но это пустяки.

Все сильнѣе темнѣетъ.

Пули уже не летаютъ надъ головами, смерть не кружится надъ паномъ Михаломъ.

Во рву изъ устъ въ уста проходитъ шопотъ команды; ружья смолкаютъ.

Въ окопахъ водворяется тишина. Сладкій заслуженный отдыхъ.

Панъ Михальъ осторожно вылѣзаетъ изъ рва, ложится на землю и дремлетъ.

Дремлетъ панъ Михальъ гдѣ то въ какой то темной пустынѣ, въ какомъ то полѣ, огромномъ и пустомъ. Онъ одинъ, совершенно одинъ...

За весь мѣсяцъ не было ему ни разу такъ хорошо, какъ сейчасъ. Въ ушахъ еще трещать ружейные выстрѣлы, но уже гдѣ то далеко, точно гдѣ то на картинѣ, изображающей битву. Эти выстрѣлы не принесутъ ему смерти. И панъ Михальъ улыбается во снѣ.

Только бы не дошло до штыковъ! Такъ страшно отнимать другъ у друга жизнь, отбиваться и самому наносить смертельные удары штыкомъ... А Иванъ твердитъ, что это разлюбезное дѣло, только надо сильнѣе вонзаться...

И вдругъ, неожиданно, онъ слышитъ голосъ Ивана:

— Не спи, панъ!

Онъ срывается, хотя не знаетъ, почему нельзя спать. Глубокая ночь и полная тишина, а кругомъ—темная пустыня. Услужливый Иванъ старается ему объяснить. Нѣмцы готовятся къ атакѣ. Выползли изъ окоповъ и строятся въ шеренги... Вотъ-вотъ придутъ сюда. Панъ Ми-

*) Эдуардъ Слонскій—известный польскій литераторъ. Помѣщаемый разсказъ переведенъ съ разрѣшенія автора.

халь вглядывается во мракъ и ничего не видитъ. Теперь даже онъ начинаетъ бояться врага. Тихонько вползаетъ въ ровъ и заряжаетъ ружье...

А Иванъ Колесовъ объясняетъ ровнымъ, спокойнымъ шепотомъ. Пока еще не видно ихъ, но черезъ минуту они выплывутъ изъ темноты... Уже идутъ... Неожиданно вдругъ выростутъ черной стѣной тамъ, на серединѣ поля... Въ это время надо будетъ стрѣлять, засыпать ихъ пулями... Идутъ... Панъ Михалъ слушаетъ и вглядывается въ темноту. Онъ еще не видитъ, тогда какъ другіе, привыкшіе къ темнотѣ, показываютъ другъ другу руками и шепчутъ... Да, правда, уже идутъ... На серединѣ поля движется что-то черное...

Идутъ сплошной массой.

Это они... они...

И вдругъ всѣ сразу, и товарищи его и онъ—начинаютъ стрѣлять.

Какіе то розовые огоньки и сухой трескъ—будутъ темную осеннюю ночь. Черныя стѣны гдѣ-то на серединѣ поля колышатся и падаютъ. Развѣ всѣ они убиты? Нѣтъ, нѣтъ... они ползутъ... Легли на животы и ползутъ...

Панъ Михалъ стрѣляетъ ниже и чувствуетъ, что теперь не попадаетъ—пули попадаютъ въ землю.

А они такъ близко!

По окопамъ движеніе.

— Ура! ура!—кричатъ солдаты и выскакиваютъ наверхъ.

Панъ Михалъ кричитъ—уррра! и бѣжитъ съ ними. Добрый Иванъ Колесовъ около него.

— Надо упреждать удары и самому сильнѣе колоть,—говоритъ Иванъ.

И неожиданно передъ ними вырастаютъ тѣсные ряды нѣмцевъ.

— Уррра! кричатъ солдаты и валятся на на нихъ лавой. Штыкъ пана Михала вонзается въ чью то грудь...

Кто то стонетъ...

Холодная дрожь бѣжитъ по тѣлу пана Михала. Кто-то хватается руками за его штыкъ и кричитъ.

Панъ Михалъ не можетъ ступить шагу—у него смерть на концѣ его штыка.

Не видитъ и не слышитъ. Проваливается куда-то внизъ вмѣстѣ съ противникомъ...

Теперь панъ Михалъ лежитъ въ госпиталѣ. Раны и грудь, и руки великолѣпно заживаютъ, только панъ Михалъ никакъ не можетъ понять—кто онъ и зачѣмъ лежитъ въ госпиталѣ. Порой онъ разговариваетъ съ Иваномъ Колесовымъ, который погибъ въ ту ночь во время штыкового боя.

Перев. съ польскаго Ен. Герцогъ.

Вилеть.

Рисунокъ.

ВСЕВОЛОДЪ КУРДЮМОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МУЗЪ.

Неприглядна и боса
Этотъ разъ приходишь въ рубищѣ—
У души, какъ прежде, любящей,
Взять больные голоса.

И устать—давно пора,
И въ дорогѣ—исколочася.
И не знаешь, хватить голоса
— До утра.

Чтобы ты могла уйти.
Твои ноги въ росахъ вымою.
Унеси мое таимое,
Размечи его въ пути!

НЕ ЛЮБОВЬ.

Ты ли любишь меня, милый другъ,
Или только играешь игру?
Развѣ мѣсяцъ свѣтлѣй твоихъ рукъ
Поутру?

Развѣ ландыши не говорятъ:
„Вѣдь гирляндами мы обернемъ,
Зацѣлуемъ твой бѣлый нарядъ
Яснымъ днемъ?“

Колокольчикъ журчитъ подѣ дугой...
Ахъ, не сталъ ли тебѣ онъ знакомъ?
—Пріѣзжаетъ, милуетъ другой
Вечеркомъ!...

Не любовь—а цыганскій романсъ.
Огневымъ не повѣришь очамъ.
Неокончиваемый пасьянсъ
По ночамъ.

БЬЮТЪ ЧАСЫ.

Бьютъ часы половину чего-то
Ну, не все ли равно чего,
Развѣ зори на стекла кивота
Бросать золота намъ своего?

Хоть и бросать.—Ну, развѣ не схожи
Зори вечера, зори утра?—
Это сестры, и обѣ пригожи
Не узнаешь—какая сестра.

ХОЛОСТАЯ ПѢСЕНКА.

Георгію Иванову.

Я слышу—выше
Меня—поютъ.
Подъ самой крышей
Нашла пріютъ.

Бѣдно одѣта;
Спускаясь внизъ,
Не ждетъ букета
Отъ *Fleurs de-Nice*.

И въ ночь, и въ слякоть
Идетъ пѣшкомъ.—
Но ей ли плакать?—
Всегда съ дружкой.

И утромъ—солнце
И пѣснь вдвоемъ
Въ ея оконцѣ,
Но не въ моемъ.

ДАВНО ТЫ НЕ ПИСАЛА.

Давно ты не писала—очень,
И снѣгомъ сѣверной зимы
Мой плащъ Ромео отороченъ
И губъ не сложишь въ слово „мы“.

А губы знали, губы пѣли
Ночную пѣсню камыша,
И пили, водъ не колыша,
Изъ вешней, тающей купели,

Но скоро ль ты меня найдешь,
Мнѣ принесешь вина и хлѣба
Теперь—когда больное небо
Сентябрскій смываетъ дождь?

СОПРАНО ЗА СТѢНОЙ.

Она въ дверяхъ не спроситъ: „можно?“
Не надо ждать ея въ бреду:
Она пройдетъ, и я пройду,
Направясь противоположно.
Пройду—шатаясь; ей во слѣдъ,
Какъ прежде, броситься желая.
Теперь моя пѣвунья—злая,
Предпочитаетъ эполетъ.
Кто я, она уже не помнитъ,

И почему знакомъ уютъ
Одной изъ съ ней несмежныхъ комнатъ,
Вотъ той, гдѣ больше не поютъ—
Моей... и только утромъ рано
Не знаю право, что со мной:
Я снова слышу за стѣной
Колоратурное сопрано.

КОНЕЦЪ.

Но не легко сказать уже „конецъ“
Не знавъ твои глаза какого цвѣта,
Повѣрить—мой воркующій гонецъ
Не перешлетъ уже отвѣта.

Ни подъ однимъ крестомъ мнѣ не зарыть
Воспоминаній о любви недавней.
Останьтесь! Навсегда могу закрыть
Еще распахнутыя ставни.

ЭСТЕТКѢ.

Не будетъ съ сердцемъ сладу—
Ему пылать на сотнѣ вертеловъ,
Если забудетъ переулочъ Эртелевъ
И...

(Пудренное Сердце).

У тебя губы флейтиста,
Ты знаешь наизусть поэтовъ,
Въ ирисы вонзаешь аметисты,
И даже шарфъ твой фиолетовъ!
И у меня всѣ другіе цвѣты въ опалъ—
Такъ отчего же мы ропщемъ,
Словно наши жизни не совпали
И не стали чѣмъ то общимъ?
Я открою тебѣ причины,
И ты выслушай мою исповѣдь:
Только въ зеркалѣ витрины
Я люблюсь аметистами;
Всѣ мои ирисы
Останутся вянуть въ теплицѣ,
Никогда ими не вырисую
Своей петлицы.
Изъ поэтовъ—помню имя
Ромео и Верону.
Люблю твои губы, но своими—
Ихъ не трону.

НИ РАЗУ.

Пьетъ синій ирисъ воду вазы,
Ей оставляя горькій вкусъ.
Мы поцѣлуями ни разу
Не закрѣпили нашъ союзъ.
Я все твой мальчикъ синеглазый,
И ты укутана въ бурнусъ;
Но ирисъ выпьетъ воду вазы.

Парижъ въ изображеніи французскихъ рисовальщиковъ.

М. М. Симоновичъ.

„Вотъ создалъ міръ, Наполеонъ основалъ орденъ почетнаго легіона, я сдѣлалъ Монмартръ“. (Изрѣченіе Саласа).

Городъ радости, городъ свѣта—ville de joie, ville de lumière—любовно зовутъ Парижъ французы. И Парижъ, подлинно, городъ очарованій. Все въ немъ чаруетъ и пьянитъ — задорная жизнерадостность толпы и напряженность духовныхъ исканій, бѣшеный темпъ жизни и величавое спокойствіе памятниковъ старины, пестрая суетою бульваровъ и аристократическое спокойствіе предмѣстій.

Одни устремляются къ нему, какъ къ высшему свѣтоточу знаній, другіе лишь въ поискахъ наслажденія. И тѣ и другіе возвращаются на вѣки плѣненные. Ибо въ своей огневой кипучести Парижъ довелъ до предѣльнаго выраженія и божественное, и дьявольское начало, и сатанинскій смѣхъ чудовища, вѣчающаго Notre Dame—какъ-бы символъ этого союза. „Адъ и рай вселенной, Парижъ—начало и конецъ, мракъ и свѣтильникъ“,—съ какимъ-то мистическимъ трепетомъ опредѣляетъ его Альфредъ де Виньи.

Необходимо побывать въ Парижѣ, чтобы вполне понять французское искусство, впитать его въ себя, выѣсть съ атмосферой этого плѣнительнаго, этого единственнаго города.

Ибо французское искусство—прежде всего искусство Парижа.

Провинція дѣловита и серьезна, цѣлко держится за старину, какъ губительной заразы боится всего, что ново. Только Парижъ, въ своей кипучей и алчной жизненности, широко приѣлъ въ себя всю современность, растворилъ въ себѣ, претворилъ все вліянія въ новыя эстетическія цѣнности.

Двѣ вещи сдѣлали Парижъ тѣмъ, что онъ есть: любовь къ искусству и связь искусства съ жизнью.

Парижанинъ съ дѣтства впитываетъ въ себя атмосферу прекраснаго. Дивные памятники старины непрестанно говорятъ ему о величіи прошлаго, отзывками пышной королевской сказки полны дворцы и перспективы улицъ. Позади него—непрерывно развивающаяся эстетическая традиція. Каждый властелинъ внесъ въ нее свое званіе, запечатлѣлъ своимъ стилемъ. Величавый жестъ Людовика XIV, изощренная грація рококо живутъ въ душѣ каждаго француза. Нити невидимы, но цѣпки, связываютъ этотъ самый демократическій народъ съ его царственнымъ, аристократическимъ прошлымъ.

Нѣтъ числа поэтамъ и художникамъ, воспѣвшимъ Парижъ. Многоликий и замѣчательный, подчасъ губительный и зловѣщій, но неотразимо маяющій, рисуетъ онъ въ современной поэзи. Звучными и торжественными ритмами славить Викторъ Гюго его памятники-свидѣтели героической эпохи.

— O vaste amoncellement ciselé par l'histoire,
Monceau de pierres sur un monceau de gloire.

Другіе воспѣваютъ идиллическую прелесть его садовъ, феерическое зрѣлище кафе.

И даже ультра-современный Парижъ, Парижъ фабрикъ и машинъ, нашелъ восторженныхъ апологетовъ, превозносящихъ „конструктивную мощь“ его крытыхъ рынковъ, „патетизмъ“ его вокзаловъ.

Самый воздухъ Парижа способствуетъ тому, чтобы создать изъ этого города законченное художественное произведеніе. Во влажной дымкѣ тумана теряется грузная вещественность гранитныхъ гигантовъ, особенно мистическими и торжественными встаютъ силуэты церквей.

И надъ всемъ этимъ стелется серебристо-сѣрое небо, съ перламутровыми переливами розоваго и лазури—„чудо свѣта послѣ неба Аенизъ“—писалъ о немъ поэтъ Моргэас. Эта мягкая и улыбочивая атмосфера объемлетъ, сглаживаетъ и смягчаетъ все контрасты,—прошлое и настоящее, смѣшное и величавое, фривольное и святое мирно уживаются рядомъ, создаютъ особый насыщенный стиль. И стиль глубоко-художественный.

Искусство не является здѣсь чѣмъ-то извнѣ привнесеннымъ, а выражаетъ волю и особенности народа. Оно не привилегія избранныхъ, а насущная потребность всехъ. Оно озаряетъ своей улыбкой все проявленія, все мелочи жизни, вошло въ плоть и кровь націи. Оно въ ритмѣ походки, въ интонаціи голоса, въ жестѣ. Камло, выкрикивающей рекламу какого-нибудь шарлатанскаго средства, чувствуетъ себя акте-

Леандръ.

Рисунокъ.

ромъ, и какъ актера судить его собравшаяся вокругъ него толпа.

Чувство стыда, любовь къ красивому такъ сильны въ этомъ народѣ, что являются своего рода этическимъ началомъ.

Цѣлая политическая система зависитъ подчасъ отъ удачнаго каламбура. Паденіе министра, а иногда и цѣлаго кабинета, можетъ быть предотвращено звучной фразой. Нѣтъ народа, который былъ бы такъ дѣтски-падоки на прекрасныя слова. Благо эта восторженность умѣряется легкой улыбкой скептика, сдерживается непогрѣшимымъ чувствомъ мѣры. Это своеобразное сочетаніе импульсивности и провіи и создаетъ то вѣчно элементарное, неуловимое и стойкое, что свойственно всякому парижанину, будь то министръ, отпрыскъ знатнѣйшаго рода или простой угольщикъ предмѣстья.

Необходимо учесть эти національныя особенности, подходя къ французскому искусству, ибо въ нихъ одна изъ причинъ его формальнаго совершенства.

Невыразимо-чуткіе ко всему красивому, французы крайне импульсивно реагируютъ и на все смѣшное, какъ противорѣчащее прекрасному.

Le ridicule tne—смѣшное убиваетъ—у нихъ аксіома, категорическій императивъ почти. Въ этихъ двухъ словахъ вся сущность французской сатиры.

Даровитый, темпераментный, живо интересующійся всѣмъ, что происходитъ на его глазахъ, французъ

создалъ въ пѣснѣ и сатирѣ художественный откликъ на всѣ событія дня.

Памфлетъ и карриатура—сужденіе народа, и горетому, кого осудить этотъ народный трибуналъ, заклеймить печатью смѣшного.

Отсюда огромное политическое и общественное значеніе французскаго юмора, огромное значеніе рисовальщиковъ, этихъ юмористовъ карандаша. Въ ихъ произведеніяхъ мы находимъ особенно яркое изображеніе Парижа со всѣми контрастами свѣта и тѣни.

Графическое искусство развилось сравнительно недавно, и только съ усовершенствованіемъ литографіи достигло своего пышнаго расцвѣта. Раньше рисунки гравировались на мѣди и обходились очень дорого. Литографія—гравюра на камнѣ—печатается мгновенно, какъ газетная статья, и вполне общедоступна по цѣнѣ. Въ этомъ изобрѣтеніи одинъ изъ художественныхъ триумфовъ XIX вѣка. Совершенно новыя перспективы и возможности открылись передъ графическимъ искусствомъ. Оно стало въ короткое время однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудіи политической борьбы, однимъ изъ наиболее чуткихъ выразителей чувствъ и настроеній, волнующихъ зыбкую и многогранную душу нашихъ дней.

Живопись славитъ красоту Парижа, величавость его архитектурныхъ ансамблей, ласкающіе переливы свѣта. Но только быстрый и нервный штрихъ карандаша можетъ запечатлѣть бурную стихію современнаго города, наркозъ ночныхъ кафе, подойти вплотную къ бѣшенному темпу жизни, уловить самый ритмъ ея. Живопись и рисунокъ взаимно дополняютъ другъ друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень отличны по цѣлямъ, задачамъ, по своему художественному языку.

Рисунокъ несравненно подвижнѣе, эластичнѣе живописи, по самой сущности своей.

Живописецъ воспроизводитъ дѣйствительность во всей ея многогранности, рисовальщикъ выхватываетъ изъ нея только тѣ или нныя поразившія его черты. Живопись создаетъ впечатлѣніе длительное, рисунокъ выражаетъ быстрыя и мгновенныя смѣны настроеній и чувствъ.

Живопись, воспроизводя окраску вещей, тѣмъ самымъ подчинена природѣ, замыкаетъ нашу фантазію въ опредѣленныя рамки.

Въ рисунокѣ же самая условность сочетанія червараго и бѣлаго открываетъ возможность вполне субъективной интерпретаціи дѣйствительности, даетъ и намъ возможность по своему дополнить недосказанное.

Изолируя предметы или явленія, рассматривая ихъ въ обычнаго сдѣвленія, рисовальщикъ можетъ дать сущенное выраженіе той или иной страсти, того или иного дефекта,—свое сужденіе о мѣрѣ.

Вотъ почему мы находимъ въ графикѣ несравненно болѣе темпераментный откликъ на дѣйствитель-

Гюисъ.

Акварель.

ность, и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя фантастическія порожденія кошмара и мечты.

Какъ непосредственное, мгновенное отраженіе жизни, графика даетъ наиболѣе яркій синтезъ эпохи, въ самыхъ прихотливыхъ изгибахъ ея психологіи, ея міроощущенія.

Чтобы понять всю пропасть, отдѣляющую Парижъ Третьей Республики отъ Парижа 30-хъ годовъ, даже Второй Имперіи, достаточно сравнить фдкую характеристику нашихъ дней и добродушную сатиру рисовальщиковъ начала прошлаго столѣтія. Чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ рѣзче и патетичнѣе голосъ осужденія и протеста. И не потому только, что въ вихревомъ устремленіи „вѣка желѣза и машины“ безпощаднѣе размываются существованія, обострились контрасты, болѣе грандіозной и жестокой стала жизнь. А потому, что болѣе воспримчивой стала чувствительность, болѣе чуткой общественная совѣсть.

Не въ предѣлахъ небольшой статьи дать исчерпывающее изслѣдованіе Парижа, какимъ онъ открывается въ произведеніяхъ рисовальщиковъ; изъ этой сложной картины мы постараемся только намѣтить самыя яркіе пункты, уловить настроенія, наиболѣе характерныя для французской психики. Начнемъ

съ того, кого Водлеръ называетъ „художникомъ современной жизни“,—съ рисовальщика Второй Имперіи Константина Гюиса. Въ данномъ случаѣ, современность Водлера—и наша современность. И не потому только, что отъ Гюиса идутъ лучшіе мастера XIX-го вѣка. Геніальной интуиціей онъ уловилъ и почувствовалъ въ упительномъ вихрѣ Второй Имперіи лихорадочную неясность, предвидѣніе надвигающейся смѣны, въ призрачности его веселыхъ фигуринокъ какъ-бы сознаніе недолговѣчности и эфемерности ихъ существованія, сквозь сногсшибательный дзидизмъ пробивается усталый жестъ декадента.

Страстный любитель толпы и движенія, неутомимый и вѣчный путешественникъ, исколесившій весь міръ, Гюисъ обладаетъ изумительной способностью уловить лишь самое характерное, запечатлѣть его двумя-тремя быстрыми штрихами. Онъ совершенно не вникаетъ въ нравственную сторону изображаемыхъ явленій, фиксируетъ лишь плѣнительную вѣщность.

Парижъ Второй Имперіи оживаетъ въ его изображеніи сказкой вѣчнаго веселья, нескончаемаго праздника.

Пронесутся веселыя кавалькады, шикарныя коляски, запряженные кровавыми рысаками, вывозятъ въ Булонскій лѣсъ небрежно раскинувшіеся на ихъ подушкахъ красавицы. Все пышно, торжественно, преисполнено монументальнаго стиля, даже въ развлеченіяхъ, даже въ порокахъ.

Сказочность изображенія сочетается у него съ точностью самого провинченнаго реализма. Въ движенія его лошадей, признаки породы, стиль упряжи, посадка наѣздниковъ, обличаютъ спеціальныя знанія, которымъ могъ-бы позавидовать подлинный спортсменъ, переданы съ шикомъ и изяществомъ, способными свергнуть въ изумленіе любого сноба.

И въ то же время иная миниатюрная, точно игрушечная коляска, запряженная нервными порывистыми рысаками, кажется вотъ-вотъ взлетѣетъ на воздухъ, чтобъ унести принцессу Сандрильону въ волшебное царство грезы.

Онъ какъ будто видитъ и зарисовываетъ предметы, отраженные на поверхности озера: колеблемыя зыбью, смытыя рѣзкія очертанія и мелкія подробности—только широкія воздушныя плоскости, какъ-бы отраженный жестъ.

Есть какая-то невыразимая прелесть въ его рисункахъ, по большей части одноцвѣтныхъ, писанныхъ въ коричневатыхъ тонахъ сепіей или серебрястой гуашью, лишь изрѣдка тронутыхъ цвѣтной акварелью. Импрессионистъ до импрессионизма, онъ въ совершенствѣ постигъ секретъ воздушной атмосферы, умѣетъ однимъ соотношеніемъ тоновъ, усиленіемъ или ослабленіемъ тѣни, создать любое представленіе пространства.

Все въ его искусствѣ, какъ техника, такъ и со-

держаніе, построено на нюансахъ, едва замѣтное нѣчто отдѣляетъ его свѣтскихъ дамъ отъ мѣщанокъ съ одной стороны, отъ *demi-mond'a* съ другой. А между тѣмъ тутъ цѣлая философія нравовъ, рассказанная въ едва уловимыхъ жестахъ. Онъ умѣетъ тонко выявить изящный силуэтъ свѣтской женщины, полной сознанія своего обаянія и своего ранга, дискретную и чуть-чуть вкрадчивую повадку мѣщанки, открытый, энергичный типъ женщины изъ народа, кокетливый и arrogantный обликъ куртизанки.

И все это безъ всякой морали, въ вѣ всякой морали, въ вѣрѣй. Порокъ и добродѣтель, роскошь придворныхъ празнествъ и лубочная аляповатость народныхъ баловъ отличаются у него только характеромъ линий, сочетаніемъ плоскостей, всѣ проявленія человеческой жизни существуютъ только съ точки зрѣнія ихъ живописности, ихъ декоративности.

Никто, какъ онъ, не умѣетъ такъ, нѣсколькими штрихами, намѣтить антуражъ, въ которомъ возникаютъ его женщины—существа таинственные и сказочныя въ своихъ широкихъ кринолинахъ, съ облаками газа вокругъ обнаженной шеи и рукъ. Все широко и монументально въ ихъ туалетахъ, такъ же широко и преисполненъ достоинства ихъ жесты, ихъ величавая поступь.

Гюисъ былъ поистинѣ предтечей современнаго искусства. Онъ указалъ путь Мане; всѣ наиболее знаменитые рисовальщики, какъ Дегазъ, Тулузъ-Лотрекъ, Ронсъ возвели въ систему тѣ принципы, которые онъ тутъ намѣтилъ, упорно добивались тѣхъ приемовъ, которые онъ постигъ какъ-бы интуиціей.

Бодлэръ мечталъ объ его иллюстраціяхъ къ своимъ „Цвѣтамъ Зла“. Гонкуръ стремился достигнуть въ романѣ *Fille Elisa* остроты видѣнія Гюиса. Онъ принадлежитъ современности, т. е. его міръ объясняетъ и дополняетъ міръ Бодлэра, Золя, Гюисманса.

Полной противоположностью Гюису является Форея, еще поминѣ живущій художникъ.

Насколько у Гюиса все легко, воздушно, прозрачно-изящно, настолько у Форена все грузно, вещественно, какъ бы явлено при ослѣпительномъ свѣтѣ дня, беспощадно разоблачающемъ всѣ дефекты—уплотненные очертанія тѣлъ, тяжелые и обрывистые жесты, грубыя, какъ-бы высѣченные изъ дерева лица.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ его приемами—и его міросозерцаніе, преисполненное глубокаго пессимизма, остротой язвительной ироніи.

За обманчивымъ покровомъ радости и веселья онъ вскрываетъ весь механизмъ грубаго, безчеловѣчнаго эгоизма въ изступленной погонѣ за деньгами. Деньги это тотъ реактивъ, которымъ выявляется все низменное и жестокое въ человѣкѣ, возвращаются всѣ человѣческія чувства.

Нѣтъ ничего, что бы не покупалось и не продавалось за деньги: любовь, честь, положеніе. На нихъ

Тулузъ-Лотрекъ.

„Moulin rouge“.

завидея политическая карьера, они обезпечиваютъ успѣхъ въ обществѣ, успѣхъ у женщинъ.

Чиновники, врачи, дѣлцы, депутаты, всѣ заражены, всѣ подъ наводженіемъ. Но ожесточеніе всего Форенъ обрушивается на банкировъ: въ нихъ какъ-бы средоточіе, излученіе зла.

Нѣтъ предѣла ихъ пошлomu самодовольству, упоенію своей властью.

„Мы даемъ взаймы по 80%, и мы оказываемъ большое одолженіе“—говоритъ одинъ изъ нихъ.

Всѣ цѣнности котируются, какъ на биржѣ. „У васъ прекрасный Ватто“—восхищается гостья банкира.—„Да, но это мертвый капиталъ!“

Какъ далеки эти тупые буржуа отъ тонкихъ снобовъ Гюиса,—тѣ, по крайней мѣрѣ, умѣютъ изысканно наслаждаться, знаютъ толкъ въ роскоши.

Цѣлая пропасть отдѣляетъ также граціозно-безсознательныхъ куртизанокъ Гюиса отъ дѣловитой жестокости женщинъ Форена. Ему одинаково чужды и безразличны эстетизмъ Гюиса, и сатанинская эротика Ронса.

Фламандецъ Ронсъ, словно изъ глубинъ средневѣковья взираетъ на женщину, какъ на нѣкій дьявольскій сосудъ зла, изображаетъ ее на фонѣ сатанинской вакханаліи. Форенъ холодно и методично отмѣчаетъ дѣловитые будничные пороки, лишаетъ его всякаго романтическаго ореола. Съ меланхоличной

ироніей ставить онъ въ заголовкѣ: *Les affaires*, — дѣла. И этимъ все сказано.

Есть какая-то неприятная холодность и жесткость, какъ въ рисункѣ, такъ и въ самой манерѣ Форена: въ той строгой графической схемѣ, въ которую онъ, какъ въ деревянный футляръ, замыкаетъ свои типы.

Со свойственной ему симпатіей къ униженнымъ, онъ смягчается только при изображеніи рабочихъ, и тутъ даже впадаетъ порою въ сантиментальность. И вполне раскрѣтается только тогда, когда показываетъ одуряченными столь ненавистныхъ ему буржуа.

Сквозь застывшую маску моралиста проглядываютъ тогда подлинно-парижскій *Gauguin*, любящій забавную шутку, острый и нѣсколько вольный жестъ. И эта улыбка *boulevardier* — какъ бы выходъ изъ тупика безнадежности и пессимизма.

Отъ мрачнаго Форена приятно перейти къ художникамъ Монмартра творчеству яркому неожиданнымъ, пронесшему вилоть до нашихъ дней славныя традиціи Богемы.

То, чѣмъ былъ нѣкогда латинскій кварталъ, сталъ въ 80-хъ годахъ Монмартръ — мѣстомъ, гдѣ зарождаются самыя дикія фантазіи и самыя прекрасныя произведенія, гдѣ возникаютъ новыя литературныя школы и призывно раздаются новыя лозунги.

Высоко надъ Парижемъ, гдѣ тѣснымъ кольцомъ замыкають его вѣщныя будвары, лежитъ эта земля обфтованная художниковъ и поэтовъ, единственное мѣсто, гдѣ имъ дана возможность непосредственно воздѣйствовать на жизнь, расцвѣтить ее своей прихотливой фантастикой.

Живописное мѣстечко, съ узкими и гористыми улицами, упирающимися въ гигантскія вѣтряныя мельницы, Монмартръ издавна сталъ резиденціей художниковъ, оцѣнившихъ это колоритное сочетание деревни и столичнаго предместья.

Послѣ разрушенія значительной части латинскаго квартала, туда хлынули дѣлныя полчища художественной Богемы. Эти пришельцы, несомнѣнно, внесли новый тонъ въ нестройный хоръ его обитателей, самыхъ различныхъ слоевъ и категорій.

Но нуженъ былъ новый ключъ, яркій художественной синтезъ, чтобы выявить все своеобразие этого сочетанія. Монмартръ, какъ направление, стиль, движеніе сталъ существовать только съ открытіемъ знаменатаго художественнаго кабаре *Chat-Noir* (въ 1881 г.).

Его создатель, художникъ Рудольфъ Салисъ, упоенный своимъ твореніемъ, какъ-будто предвидѣлъ всю его будущую славу, все его значеніе, и самъ обезсмертилъ себя, занеся въ „Альбомъ французской жизни“ гордыя слова, выгравированныя впоследствии на его могилѣ:

„Богъ создалъ міръ, Наполеонъ основалъ орденъ почетнаго легіона, я сдѣлалъ Монмартръ“. И Салисъ былъ, несо-

Леандръ.

„Рудольфъ Салисъ“.

мнѣнно, вдохновителемъ этого теченія, выдвинувшаго совершенно особый родъ искусства.

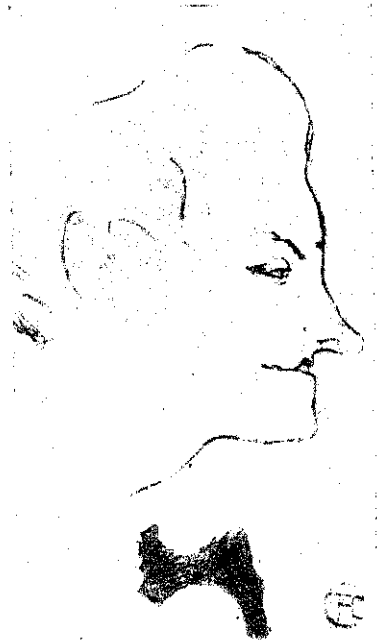
Ибо художественный *cabaret* — это своеобразный синтезъ музыки, поэзіи, драматическаго искусства. Самое фантастичное выраженіе того, что зовется французскимъ *esprit*, квинтъ-эссенція того, что слыветъ подъ именемъ французской *blague* — „смѣсь фривольнаго скептицизма и бунтъ разочарованности, чуть-чуть мальчишеское кощунство и сумбурное выраженіе всемірнаго сомнѣнія“ — опредѣляетъ ее Гонкуръ.

Поэты и художники были воспреемниками этого новаго Олимпа; они-же внесли въ ново-созданный *cabaret* подлинное, большое искусство.

На стѣнахъ зала красовались картины и эскизы, составляющіе нынѣ достояніе музеевъ и коллекцій миллионеровъ.

На маленькой эстрадѣ выдающіеся поэты и пѣсенники исполняли свои произведенія, вполне парижскія по совершенству фактуры, вполне монмартрскія по духу — сантиментальныя и ироническія.

Все здѣсь было пикантной сенсаціей и почти все художественно. Самый фантастическій вздоръ преподносился въ формѣ невозмутимо-серьезной академической рѣчи, однимъ щелчкомъ легкой и язвительной шутки низвергались осященные авторитеты. Впервые были введены тонкіе пародіи и шаржи на музыкальныя и театральныя событія дня, былъ возрожденъ въ художественныхъ формахъ старинный театръ тѣней и т. д. и т. д. Словомъ была проявлена бездна

Тулузъ-Лотрекъ. „Иветта Гильберъ“.

неистощимой выдумки, неизсякаемаго веселья и остроумія.

Сались сумѣлъ сплотить вокругъ себя цѣлую плеяду молодыхъ и оригинальныхъ талантовъ, заразить ихъ любовью къ своему Монмартру, почувствовать фививный Монмартръ, Монмартръ романтики и мечты. Его кабацекъ сталъ подлинной академіей этого новаго монмартрскаго искусства—музеемъ, театромъ, народной трибуной, наконецъ.

Ибо онъ обогатилъ поэзію новымъ трепетомъ, и въ этомъ его большая заслуга. А, быть можетъ, только заслуга феи Монмартра. Въмѣстѣ съ са-багетъ сама улица вошла въ искусство.

И улица не припомаженная, не вышколенная подъ оперу или оперетку, а самая подлинная улица предместья, со всеми особенностями ея сочнаго діалекта, съ своеобразно-выразительнымъ жестомъ, съ ея вульгарной повадкой, наивными и сильными страстями.

Ари стидъ Брюанъ, подлинный народный трибуна, бросалъ толпѣ разряженныхъ парижанъ проклятья ихъ сытому существованью, выливалъ въ яростныхъ вопляхъ всю ненависть пролетарія къ богатству.

А изумительная Иветта Гильберъ—уродливая и обаятельная, отважилась ввести въ свой репертуаръ пѣсенки апашей и *piégeuses*,*) преобразить ихъ огнемъ своего творческаго вдохновенія.

*) Такъ называются сообщницы апашей, заманивающія своихъ кліентовъ въ отдаленные кварталы и трущобы, гдѣ ихъ грабятъ, а въ случаѣ сопротивленія, нерѣдко и убиваютъ.

Въ самой вульгарной шансонеткѣ она умудряется дать экстрактъ человѣческой жизни, воплотить всѣ градаціи чувствъ, отъ самого грубого комизма, вплоть до потрясающаго трагическаго паоса.

Всѣ эти особенности и настроенія новаго Олимпа нашли свое графическое выраженіе въ журналѣ *Chat Noir*, который появился на свѣтъ почти одновременно съ открытіемъ кабаре.

Глашатай идеи Монмартра, журналъ этотъ внесъ новую струю во французское изобразительное искусство. Каждый изъ участвовавшихъ въ немъ художниковъ по своему зачертилъ одну изъ сторонъ физиономіи Монмартра и прихотливой жизни его кабацекъ. Мы начнемъ съ Вилета, имя котораго наиболѣе тѣсно связано съ первымъ періодомъ этого журнала.

Есть что-то вѣчно карнавальное въ этомъ своеобразномъ уголкѣ Парижа. Какъ въ провинціи, здѣсь люди живутъ на улицѣ. Художники и ихъ модели, клоуны и этюали цирковъ и *Variété* интимно соприкасаются съ кореннымъ населеніемъ Монмартра—съ рабочими и прѣзжими провинціалами. Въ самое будничное проявленіе жизни врывается нѣчто отъ пестрой мишуры кулисъ, подлинныя драмы разыгрываются какъ-бы на фовѣ декорацій.

Этотъ элементъ фантастики и неправдоподобности, очевидно, натолкнулъ Вилета на мысль воскресить старый образъ Пьеро, чтобы воплотить въ немъ всѣ человѣческія страсти.

Блѣдный Пьеро, въ широкомъ бѣломъ балаховѣ, Пьеро, тожно наигрывающій мелодіи, при свѣтѣ обманчивой луны, съ улыбкой умирающій отъ любви, является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ всѣхъ его лирическихъ интермеццо. Легкимъ и граціознымъ роємъ окружаютъ его лекомысленныя Пьеретты, бойкія и насмѣшливыя Коломбины. Въ этой сказочной символикѣ разворачивается вся пестрая трагедія бытія—всѣ чаянія, надежды, устремленія,—быстрое и головокружительное шествіе туда, гдѣ подстерегаетъ Смерть въ одеждѣ Арлекина.

Совершенно особое очарованіе Вилета въ сочетаніи манерной граціи рококо и остро-современныхъ настроеній.

По легкости рисунка, по своей сказочности, по неистощимости выдумки въ группировкѣ и комбинаціи тѣлъ, онъ очень близко подходитъ къ Ватто, но и безконечно далекъ отъ него. Въ противоположность солнечному Ватто, Вилетъ любитъ томный свѣтъ луны, сообщающій предметамъ очертанія призранныя и зыбкія. Въ этой влюбленности въ луну есть сладостное томленіе по несбыточному, вводящее въ этотъ беззаботный хороводъ почти бодлеровское настроеніе („И ты будешь любить страну, гдѣ тебя никогда не будетъ, возлюбленнаго, котораго ты никогда не увидишь“).

Но Вилетъ слишкомъ безраздѣльно принадлежитъ Монмартру, а Монмартръ—это прежде всего бодрость,

устремленіе впередъ, чтобы предаться этой звервирующей меланхоли. Во второй періодъ своей дѣятельности онъ совершенно отрѣшается отъ карнавальной фееріи, чтобы присоединить свой голосъ къ хору тѣхъ, что славятъ прекрасную Францію, оружіемъ сарказма сокрушаютъ ея враговъ. Но самымъ страшнымъ врагомъ рисуется ему самодовольствующая и ограниченная глупость, грубо попарающая все нѣжные и прекрасные ростки поэзіи.

„Я пишу трауръ по розѣ“, говоритъ осебѣ Вилетъ. Этотъ трауръ по розѣ очаровательно символизированъ въ крошечной пантомимѣ, поставленной въ мюмартрскомъ театрѣ тѣней.

Подымается занавѣсъ. Пьеро вноситъ на сцену кустъ розъ. Входитъ дама, срываетъ розу и бросаетъ ее свинѣ. Юный шпюль сбиваетъ своей тросточкой послѣдній бутонъ. И наконецъ, крестьянинъ съ тачкой въ конецъ раздавливаетъ подъ колесомъ искалѣченный цвѣтокъ. Пьеро видитъ это тройное покушеніе фривольности, глупости и грубости, и горько плачетъ о погибшей красотѣ.

Въ этой непритязательной философской вѣсѣ къ вѣ—тонкая поэзія Мюмартра, вновь возродившаго, вытѣсенную было натурализмомъ, романтику.

Но есть и другой Мюмартръ. Марныя улицы, съ бѣлыми зелеными стѣнами и садиками, веселые, залитые огнями бульвары пересѣкаются узкими зловонными переулками, подозрительные отели чередуются тамъ со зловѣщими кабаками—прифонами апашей, въ многоэтажныхъ скученныхъ домахъ ютятся бѣднота предмѣстій, а радомъ съ ними и все человѣческіе отбросы столицы.

Этотъ обликъ Мюмартра изображаетъ Стейнленъ. И среди этихъ людей живётъ еще своеобразная романтика—въ ихъ пѣсняхъ и танцахъ, въ ихъ разнузданныхъ празднествахъ, въ ихъ изступленныхъ мечтахъ. Но къ ней примѣшивается острая ненависть противъ тѣхъ, кто захватилъ все блага, протестъ противъ несправедливости.

Этотъ душевный бунтъ провизываетъ лучшія созданія Стейнлена. Самъ испытавшій все мытарства пролетарскаго существованія, онъ какъ никто понимаетъ всю жизнь рабочаго, стужалъ воплотить ее въ образахъ рельефныхъ и трещащихъ жизнью.

Вся сила его изображенія въ необычайной остротѣ видѣнія, ихъ убѣдительность въ крайней правдоподобности передачи.

Онъ какъ то вплотную подходит къ вещамъ, ухватываетъ горячее дыханіе улицы, колоритную выразительность жеста.

Ставъ художникомъ улицы, Стейнленъ тѣмъ самымъ дѣлается какъ бы социальнымъ изслѣдователемъ ея различныхъ слоевъ и категорій.

Стейнленъ.

Рисунокъ.

Какъ упорное навожденіе проходитъ сквозь все его творчество тинь безпріютнаго жителя города, съ глазами, расширенными безконечнымъ ужасомъ одиночества. Образъ призрачный и жуткій на фонѣ ненастныхъ сумерекъ или въ зловѣщемъ мерцаніи уличнаго фонаря.

Иными красками зарисовываетъ онъ бытъ рабочаго люда. Наряду со всеми бѣдствіями и страданіями ихъ существованія, онъ выдвигаетъ всю мощную и угрюмую красоту напряженнаго труда.

Въ этой реальной стихіи вѣчнаго созиданія—импонирующая грандіозность жизни нашихъ дней—пусть безпощадной и жестокой, но таящей въ себѣ неистощимыя возможности.

Въ его персонажахъ нѣтъ приниженности, нѣтъ апатія. Въ узорной четкости ихъ фигуръ, въ массивныхъ очертаніяхъ тѣла—мощная твердь земли.

Взгляните на группу людей, захваченныхъ бурнымъ порывомъ веселья, на его праздникѣ 14 июля,—по ихъ увѣреннымъ движеніямъ чувствуется—имъ принадлежитъ улица, въ нихъ залогъ грядущаго.

„И каждый, какъ великій властелинъ
„Бросаетъ въ толпу стихи и каламбуры“.*)

Въ этихъ строкахъ поэтъ какъ бы вскрывается сокровенный смыслъ народнаго праздника. Изъ этой толпы, изъ среды этого народа ежегодно въ день Карнавала избирается прекрасѣйшая дѣвушка.

*) А. Бискъ. „Mi—Carême“.

Видеть. „Мими-Заблукъ, ты будешь въ раю“.

нарекаемая королева Парижа, и всѣ нотабли города отдають ей поистинѣ королевскія почести. И въ этомъ равенствѣ въ веселіи, равенствѣ остроумія и красоты, та великая связующая сила, сила красоты и искусства, которая превращаетъ нестройныя толпища въ единый народъ, дѣлаетъ его національностью.

Иной обликъ города, со всей чудовищной искусственностью увеселеній, со всей его порочной мутью, отразился въ созданіяхъ Тулузъ-Лотрека, ѣдкаго аналитика ночного Парижа.

Захватъ его творчества выходитъ далеко за предѣлы Монматра, резюмируетъ съ гениальной сюжетивностью — лихорадочность современной жизни, острую погоню за наслажденіемъ.

Графъ Тулузъ де Лотрекъ, отпрыскъ знатнѣйшаго рода, потомокъ крестоносцевъ, долженъ былъ бы по своему рожденію, уму, таланту занять одно изъ самыхъ блестящихъ мѣстъ въ рядахъ французской аристократіи. И всѣ вкусы влекли его къ пышности свѣтской жизни. Нѣтъ равнаго ему въ пониманіи всѣхъ изощренностей роскоши и спорта. Только Гюисъ можетъ сравниться съ нимъ въ умѣніи зачертить первный силуэтъ лошади, передать англійскій пошибъ жокея.

Но этотъ прирожденный утонченникъ и спортсменъ былъ физическимъ уродомъ, калѣжкой, горбуномъ.

Жестокая пронія его судьбы отиѣтила раздражающимъ контрастомъ его творчество: — смѣсь изступленной влюбленности и бѣшеннаго сарказма.

Только созерцателемъ вошелъ Лотрекъ въ жизнь, — онъ, призванный быть однимъ изъ властелиновъ ея. И онъ, по своему, своимъ карандашомъ овладѣлъ жизнью, подчинилъ ее своему вѣднью.

Какъ безумные кошмары Апокалипсиса развертываются картины ночного Парижа, преисполненная дьявольски-обольстительной красоты и мертвящаго ужаса.

Для изображенія этого міра онъ создалъ изумительную и понынѣ непревзойденную технику, используя всѣ ресурсы, явленные ему японскимъ искусствомъ. Отъ японцевъ — его линія, воздушная и широко обобщающая, умѣніе усиливать эффекты законченностью мотивовъ, передать самый ароматъ предмета при помощи нѣсколькихъ штриховъ, та таинственная, нѣсколько даже мистичная нотка, которая такъ захватываетъ и пѣтнаетъ въ немъ.

Міръ сабэ, цирковъ, маленькихъ театровъ, съ ихъ эгуальми, клоунами и танцовщицами, съ ихъ пресыщенными журами и великолѣпными кокотками, оживаетъ подъ его вибрирующимъ и нервнымъ карандашомъ, во всей насыщенной атмосферѣ, въ алчномъ устремленіи къ чувственному забвенію. И въ этомъ пьяномъ угарѣ, онъ какъ бы обрѣтаетъ свой искусственный рай.

Подлинный сладострастникъ краски, онъ разбрасываетъ на своихъ литографіяхъ и плакатахъ цѣлые снопы знойныхъ пятновъ; — какъ пышныя ядовитыя растенія возникаютъ на этомъ фонѣ его женщины — живые организмы изъ шелковъ, тюля, развивающихся

Тулузъ-Лотрекъ.

Въ барѣ.

перьевъ, безконечно-декоративныя со своими ярко-накрашенными лицами, съ художественно-упитанными эффектами нарядовъ.

Лотрекъ не расчленяетъ двуликость ихъ бытія, сливаетъ во едино контрасты вѣшняго и внутренняго—словно опрозрачиваетъ покровы, и за радужными переливками огня, за сверканіями шелковъ и каменьевъ, за всей феерической пышностью зрѣлища даетъ неуловимыми, но сюжетивными черточками почувствовать подстерегающій ужасъ—пропасть душевной пустоты и отчаянія, надвигающійся кошмаръ болѣзни и смерти.

Символизмъ Лотрека возникаетъ изъ самыхъ красочныхъ сочетаній—въ радостныя ликующія гаммы вдругъ вкрадываются тусклые зелено-синіе тона, отвѣчивающіе разложеніемъ, и какъ будто грозятъ окутать и поглотить ту сверкающую яркость. И, быть можетъ, въ самомъ этомъ сближеніи смерти и наслажденія особый пикантный привкусъ, рѣзко-быющій по нервамъ эффектъ.

Съ жуткой, почти безумной пытливостью вематривается онъ въ сокровенныя тайны ночного бытія, скрытыя подъ обнаженнымъ покровомъ веселья. И гипнотизируетъ насъ страшной фантастической сказкой о злыхъ чарахъ желтыхъ фонарей, гдѣ, словно порожденія недвижнаго сна, бродятъ странныя существа, съ механически заученными жестами, съ темными провалами какъ будто неяркихъ глазъ.

Отъ него идетъ новая оріентація современныхъ искателей, сугубый культъ экспрессивнаго уродства, смѣнившій любованіе банальной красотой (*).

Среди этихъ значительныхъ именъ, отрицавшихъ возникшее въ Монмартрѣ искусство, только одинъ Леандръ не обогатилъ его новой нотой, новымъ настроеніемъ. Все его творчество—возрожденіе старинной каррикатуры, построенной на утрировкѣ вѣшныхъ формъ вплоть до фантастики, вплоть до гротеска.

И въ этомъ жанрѣ онъ несомнѣнно достигъ большого мастерства. Онъ интересенъ еще и тѣмъ, что залечалъ въ своей картинной галлерей портреты всѣхъ видныхъ современниковъ, сохранялъ въ отраженіи кривого зеркала всѣ типы знаменитаго Chat-Noir, отошедшаго нынѣ въ область прекраснаго преданія. Ибо всѣ безчисленные кабачки, создавшіеся по его образу и подобию, только жалкое отраженіе былого величія, расплывленіе большой идеи.

Но возникшее тамъ направленіе не прошло безслѣдно, и еще и нынѣ оплодотворяетъ французское

*.) Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что машинный обликъ города, со всѣмъ механическимъ укладомъ его жизни, такъ рельефно отобразившійся въ словестномъ искусствѣ, почти не затронулъ изобразительнаго искусства. Только въ самое послѣднее время футуризмомъ и кубизмомъ были сдѣланы опыты въ этомъ направленіи. Но теченія эти, какъ занесенныя изъ Испаніи и Италіи, не могутъ считаться выраженіемъ чисто-французской идеи и психики.

Леандръ.

Автошаржъ.

искусство—изъ тѣсныхъ стѣнъ кабачка оно вышло на улицу, раскинулось пыльными плакатами.

Исторія плаката повторяетъ путь, пройденный Монмартромъ, отъ сантиментальной романтики къ острому реализму. Шере, этотъ король плакатовъ, перенесъ на афишу ослѣпительную оперную феерію, въ сверканіяхъ и переливкахъ красокъ, въ чарующихъ извивахъ линий шлетаются хорорды игривыхъ амуровъ и порхающихъ балеринъ, какъ веселый и нарядный карнавалъ встаетъ на нихъ ночной Парижъ.

Плакаты Стейнлена, Тулузъ-Лотрека, Форена вносятъ реалистическіе куски жизни. Форенъ подчеркиваетъ тѣневые стороны роскоши и разврата, Стейнленъ, нарочито пренебрегающій изяществомъ, рѣзко сталкиваетъ разслабленныхъ денди и грубыхъ, мощныхъ простолудякъ.

Наибольшее художественное достиженіе—въ плакатахъ Тулуза-Лотрека, импонирующихъ новизной фактуры, широкимъ синтетическимъ характеромъ.—Грандіозныя картины правевъ, брошенныя на стѣны, въ сочетаніяхъ пронзительныхъ и острыхъ.

Словно огромные пестрые цвѣты, эти безчисленные плакаты вносятъ ликующую красочность, радостную улыбку искусству въ сѣрую однотонность гранита и асфальта.

И въ нихъ только первая ступень къ обновленію эстетики улицы, и, быть можетъ, одна изъ ступеней къ мощному народному искусству будущаго.

Мы разумѣемъ здѣсь не ту макулатуру, которая преподносится обычно подъ этимъ флагомъ, а тотъ блаженный періодъ, когда прекрасныя произведенія выйдутъ изъ затхлыхъ музеевъ и непосредственно войдутъ въ жизнь, украсивъ здания, дома, улицы, и станутъ всенароднымъ общимъ достояніемъ. И этотъ грядущій переворотъ несомнѣнно произойдетъ, и долженъ произойти во Франціи, гдѣ такъ сильно взаимодѣйствіе между жизнью и творчествомъ, гдѣ чувство прекраснаго вошло въ плоть и кровь націи, проникло во всѣ мелочи, во всѣ пустяки жизни. А вѣдь до чего цѣнны и важны именно эти очаровательные пустяки! И въ пониманіи этого—большая жизненная мудрость французовъ—въ ихъ умѣнн облечь жизнь въ праздничныя одежды, подчинить ее своей грезѣ.

Въ веселой безпечности французовъ, въ ихъ любви къ прекрасному таится великая созидательная сила.

Смѣхомъ и шуткой реагируетъ французъ на все происходящее, и въ этомъ смѣхѣ какъ-бы заклятіе противъ трагедіи, освобожденіе отъ ужаса жизни, тамъ, гдѣ она встаетъ грозной и губительной силой. А въ яркости и интенсивности грезы о прекрасномъ уже намѣчается путь къ дѣйственному ея осуществленію.

Смѣхомъ и шуткой борется искусство противъ трагедіи жизни, творческой грезой пролагаетъ путь въ сѣтлому грядущему. И теперь, болѣе чѣмъ когда-либо нужна намъ вѣра въ то, что если „старая греза мертва“, то „новая греза уже кустея!“¹⁾

М. М. Симоновичъ.

1) Верхарнъ. Дума города.

Земство и Народные Дома.

(Опытъ анкеты).

Когда, въ цѣляхъ мобилизаціи, запрещена была торговля всѣми видами крѣпкихъ напитковъ, мѣра эта разсматривалась лишь какъ временная. Даже отчаянные оптимисты не рѣшались вѣрить въ то, чтобы подобный запретъ могъ положить прочное основаніе народному отрезвленію. Дѣйствительность однако превзошла всѣ ожиданія. Благодаря ряду ходатайствъ самого населенія и общественныхъ организацій, мѣра временная продлена была на весь періодъ военныхъ дѣйствій, и за короткій сравнительно срокъ такъ ярко и убѣдительно успѣли сказаться плоды трезвости, что теперь отовсюду поступаютъ новыя ходатайства уже о совершенномъ прекращеніи торговли спиртными напитками.

Какъ не использовать создавшееся положеніе? И кто же, какъ не земства, ближе всего стояція къ народной средѣ, могли первыми его учесть и озаботиться тѣмъ, какъ же рациональнѣе всего закрѣпить пробудившееся трезвенное настроеніе. И земства первыми откликнулись и единодушно выдвинули идею „Народнаго Дома“, какъ такого рода учрежденія, которое, сочетая въ себѣ и преслѣдованіе культурно-просвѣтительныхъ цѣлей, и доставленіе народу разумныхъ развлеченій, можетъ наиболѣе рационально заполнить досугъ деревни и, поднявъ ея нравственный и культурный уровень, пробудить въ населеніи самосознаніе и самостоятельность на пути къ лучшему будущему.

Дѣло въ томъ, что для земскихъ организацій вопросъ о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ уже давно обратился въ вопросъ о привитіи населенію образованія, навыка къ культурной самостоятельности и потребности въ культурныхъ развлеченіяхъ. Уже на общеземскомъ съѣздѣ по народному образованію въ

Москвѣ, въ 1911 году, въ постановленіяхъ 3-ей секціи (по вѣшкольному образованію) вынесена была резолюція, гдѣ пунктъ первый гласилъ слѣдующее:

Различные виды вѣшкольнаго образованія должны быть сгруппированы по районамъ; въ центрѣ района (одна или нѣсколько волостей) долженъ стоять, какъ мѣстная ячейка вѣшкольнаго образованія, Народный Домъ (курсивъ нашъ), включающей районную бібліотеку-читальню, сцену и залъ для театра, синемаатографа и чтеній, и помѣщеніе для прочихъ видовъ вѣшкольнаго образованія.

Начинаніе, не получившее въ свое время развитія, казавшееся дѣломъ второстепеннымъ, настоящей исключительный по серьезности моментъ выдвинулъ сразу на первый планъ. Выйти изъ тяжелаго экономического потрясенія, вызваннаго войной, возможно только при общемъ повышеніи культурнаго уровня страны. Вотъ почему, несмотря на всю затруднительность осуществленія въ настоящей моментъ, въ виду напряженности средствъ земскаго бюджета, подобной мѣры, земства единодушно выдвинули на очередь вопросъ о созданіи сельскихъ народныхъ домовъ.

Насколько настоятельна потребность въ народныхъ домахъ и какъ остро сознается она, видно изъ того, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ вошелъ въ Совѣтъ Министровъ съ представленіемъ, въ которомъ указываетъ на дѣятельность земствъ и городскихъ учрежденій по устройству народныхъ домовъ и ставитъ на видъ необходимость оказать этому важному, имѣющему общегосударственное значеніе, дѣлу вспомошествованье за счетъ средствъ казны.

Желая возможно полнѣе выяснитъ, что же слѣдуетъ земствами въ цѣляхъ насажденія сельскихъ на-

родныхъ домовъ, и какой планъ работы намѣченъ ими, редакція „Н. Журнала для всѣхъ“ обратилась ко всѣмъ Губернскимъ Земскимъ Управамъ съ просьбой прислать ей доклады по вопросу объ учрежденіи народныхъ домовъ въ губерніи, внесенные въ очередную сессію 1914 г. Въ редакцію поступили отвѣты отъ 27 земствъ. Въ двѣдцати изъ нихъ доклады объ учрежденіи сельскихъ народныхъ домовъ не были представлены Губернскому земскому собранію (Астраханское, Владимирское, Екатеринославское, Курское, Новгородское, Оренбургское, Орловское, Подольское, Псковское, Рязанское, Таврическое и Херсонское). Докладъ Воронежской управы переданъ на предварительное разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній. Олонекская управа еще разрабатываетъ вопросъ. Черниговская вноситъ докладъ на разсмотрѣніе экстреннаго собранія. Изъ остальныхъ двѣнадцати отвѣтовъ видно, что внесены были доклады о мѣропріятіяхъ по вѣтшкольному образованію въ слѣдующія губернска земскія собранія: Витебское, Вятское, Кіевское, Московское, Нижегородское, Пензенское, Пермское, Полтавское, Ставропольское, Тверское, Харьковское и Ярославское. На просьбу редакція, губернскими земскими управами поименованныхъ земствъ были любезно высланы и самыя вносимыя доклады. Въ виду большого общаго интереса ихъ, считаемъ уместнымъ остановитъ на нихъ вниманіе читателей. Особенный интересъ представляютъ доклады Тверской, Московской и Кіевской управъ, гдѣ непосредственнымъ практическимъ желаніямъ предпосланы обстоятельныя теоретическія соображенія, иногда, какъ въ Тверскомъ докладѣ, принимающія характеръ стройнаго научно обставленнаго реферата. Докладъ Тверского земства начинается какъ бы съ анализа внутренняго состоянія страны, развитія ея производительныхъ силъ. Констатирующа неблагополучіе сельскаго хозяйства, этой основной базы нашего экономическаго благосостоянія, докладъ выясняетъ и самыя причины этого неблагополучія, сводя ихъ въ конечномъ счетѣ къ культурной отсталости населенія. Вытекающая изъ культурной отсталости низкая производительность труда обнаруживается одинаково и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ кустарныхъ промыслахъ, и въ нашей фабрично-заводской промышленности. И вопросъ о повышеіи производительности труда, въ послѣдніе годы рѣзко вставшій передъ государствомъ и мѣстнымъ самоуправленіемъ, особенно обострился въ связи съ настоящею грозной войной, въ которой участвуетъ Россія. Въдѣ только культурная Россія можетъ стать экономически сильной и независимой, перестанетъ быть данникомъ другихъ, болѣе счастливыхъ странъ, и выйдетъ на арену международнаго обмѣна въ качествѣ экономически равноправной страны.

Мы видимъ, что докладъ Тверскаго земства приходятъ къ идеѣ „Народнаго Дома“, какъ объединяющему центру всѣхъ видовъ и формъ вѣтшколь-

наго образованія изъ предпосылокъ широкаго теоретическаго характера. Докладъ, предложенный Московской Губ. Зем. Управой, беретъ вопросъ о Народныхъ домахъ, главнымъ образомъ, въ связи съ прекращеніемъ продажи спиртныхъ напитковъ, какъ мѣропріятіе, способствующее народному отрезвленію. Докладъ останавливается на послѣдствіяхъ, вызванныхъ прекращеніемъ продажи вина и констатируетъ цѣлый рядъ экономическихъ выгодъ, протекающихъ для населенія отъ этого мѣропріятія. (Напримѣръ, статистика горимости необычайно ярко доказываетъ, что повсюду съ уничтоженіемъ пьянства наблюдается уменьшеніе пожаровъ. Въ Московской губерніи за 3 осеннихъ мѣсяца въ 1913 году число пожаровъ равнялось 699, число горѣвшихъ зданій—1.168; за это же время въ 1914 году число пожаровъ уменьшилось до 322, число же горѣвшихъ зданій—до 449). Но не только матеріальныя выгоды повлекло за собой изъятіе изъ народнаго обращенія водки. Гораздо болѣе значеніе имѣютъ наступившія моральныя послѣдствія. Вотъ этогъ то начавшійся сдвигъ къ смягченію нравовъ, къ пробужденію умственныхъ интересовъ и культурныхъ потребностей, и учитываетъ земство, выдвигая вопросъ объ организаціи такихъ мѣропріятій, которыя закрѣпили бы трезвость, направили бы отрезвленный умъ и чувства народныя, волну духовнаго и экономическаго егo подъема, въ русло истиннаго культивированія личности, а съ ней и общественной жизни.

Въ сущности выше приведенныя мотивировки въ тѣхъ или иныхъ вариантахъ будутъ встрѣчаться намъ во всѣхъ остальныхъ докладахъ. Съ рѣдкимъ единодушіемъ, проведенная въ рядѣ независимыхъ другъ отъ друга, несогласованныхъ предварительнымъ образомъ докладовъ, идея широкихъ мѣропріятій по вѣтшкольному образованію, въ данномъ случаѣ вытекала изъ столь же единодушнаго толкованія себѣ вызывающихъ ее причинъ.

„Общее повышеніе культурнаго уровня страны, экономическій ростъ ея, возможное поднятіе ея промышленности, какъ для болѣе полнаго удовлетворенія народныхъ нуждъ, такъ и для скорѣйшаго утраченія всѣхъ вызванныхъ войной экономическихъ потрясеній—все это требуетъ высокаго напряженія духовныхъ силъ народа, а слѣдовательно и усиленія общественной просвѣтительной дѣятельности (Докладъ Харьковской Г. З. У. ст. 58).“

„Долгъ земства сказать свое авторитетное слово, что въ дѣлѣ духовнаго возрожденія населенія медлить нельзя, что нужно заполнить ту пустоту, которая образовалась послѣ воздержанія отъ употребленія водки, нужно дать населенію разумную пищу, нужно, наконецъ, направить всю его эяергію въ такое русло, которое представляется въ настоящее время наиболѣе надежнымъ и цѣлесообразнымъ (докладъ Полт. Г. З. У., ст. 13).“

Совпаденіе въ исходныхъ теоретическихъ отправ-

ныхъ пунктахъ даетъ надежду, что и практическое осуществленіе идеи будетъ проходить по нѣкоему согласованному и единообразному плану. Сознаніе невыполнимости, одними лишь мѣстными силами и средствами, вопроса, приобретающаго по своей сложности и связи со столькими различными сторонами народнаго быта, уже значеніе общаго вопроса государственной важности оказалось не чуждымъ дѣятелямъ земства и нашко откликъ хотя бы въ слѣдующемъ предложеніи въ докладѣ Харьковской Губ. Управы:

„Губернская управа считала бы необходимымъ, въ интересахъ объединенія земской дѣятельности по вышкельному образованію и въ интересахъ постановки ея, соответствующей объему и значенію предстоящихъ задачъ, созывъ общеземскаго съѣзда по вопросу объ организаціи вышкельно-просвѣдительныхъ и другихъ мѣръ, направленныхъ къ духовному и физическому развитію населенія“.

И въ общей печати появились голоса, высказывающіеся за то, чтобы вопросъ, одновременно возникшій въ различныхъ земствахъ, разрабатывался не изолированно въ каждой губерніи, а соединенными силами. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя земства уже съ 1911 года осуществляютъ практически идею сельскаго народнаго дома, и опытъ, уже имѣвшій мѣсто въ жизни, крайне важенъ. въ виду того, что нѣтъ оного безспорно приемлемаго плана интересующей насъ организаціи.

Быть ли народному дому не просто просвѣдительнымъ учрежденіемъ, а въ известной степени земскимъ районно-административнымъ центромъ, или надо требовать свободной инициативы, и въ народномъ домѣ видѣть центръ мѣстной общественной самодѣятельности?

„Всякое учрежденіе, всякая организація, читаемъ мы въ докладѣ Пермской Г. З. У., навязанная населенію извнѣ и не вызванная потребностью самого населенія, не можетъ рассчитывать на долгое процвѣтаніе. Такое учрежденіе будетъ влечить жалкое существованіе до тѣхъ поръ, пока для его поддержки притекають средства извнѣ. Но лишь только эти средства иссякнутъ—искусственно созданная организація неминуемо заглохнетъ. Наоборотъ, организація, призванная къ жизни самимъ населеніемъ, его свободной инициативой и его средствами, всегда можетъ рассчитывать на дальнѣйшее развитіе и процвѣтаніе. Прямая задача земства придти на помощь такой организаціи, если она носитъ въ себѣ начала воспитательно-просвѣдительнаго характера“.

Жизненная практика выдвинула, такимъ образомъ, двѣ формы Народныхъ Домовъ—районные и мѣстные и, хотя эти учрежденія пока развиваются, главнымъ образомъ, въ видѣ учреждений районныхъ, по видимому, въ ближайшемъ будущемъ, развитіе этихъ двухъ формъ народныхъ домовъ пойдетъ двумя параллельными теченіями: съ одной стороны, главнымъ

образомъ, по инициативѣ земствъ, будутъ создаваться народные дома уѣднаго и районнаго типа, играющіе роль земскихъ просвѣдительно-административныхъ центровъ, съ другой стороны, по инициативѣ передовыхъ культурныхъ селеній, будутъ расти сельскіе народные дома мѣстнаго типа. Въ настоящее время уже вполне выяснилось, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи выдающуюся роль будутъ играть различныя мѣстныя и общественныя организаціи и, въ особенности, кооперативы.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на проектахъ народныхъ домовъ, выдвинутыхъ отдѣльными земствами, и вообще на томъ, что фактически осуществлено изъ интересующихъ насъ мѣропріятій.

По проекту Нижегородскаго губернскаго земства, центромъ работы въ уѣздѣ будетъ уѣздный музей-библіотека. Въ связи съ этимъ уѣзднымъ музеемъ должны находиться районныя бібліотеки-читальни (народные дома). Каждая такая бібліотека-читальня, помимо своихъ непосредственныхъ задачъ, будетъ служить районнымъ центромъ губернскаго земства по выполненію вообще задачъ вышкельнаго образованія. Она будетъ снабжать всѣ входящія въ районъ пункты народныхъ чтеній и вечернихъ занятій со взрослыми—фонарями, свѣтовыми картинками и другими наглядными пособиями. Тѣмъ же учрежденіемъ будетъ удовлетворяться потребность въ подходящей аудиторіи, какъ для систематическихъ общеобразовательныхъ лекцій, такъ и для народныхъ курсовъ по сельскому хозяйству, по кустарной промышленности, медицинѣ, ветеринаріи и, наконецъ, для сельскихъ передвижныхъ выставокъ по разнымъ отраслямъ земской дѣятельности. Постройка каменнаго зданія для районнаго народнаго дома, по предположеніямъ Нижегородской управы взыщетъ расходъ въ 6.277 рублей, а ежегодные расходы выразятся въ суммѣ 600 р., изъ которыхъ 360 р. пойдутъ на содержание завѣдующаго.

На устройство уѣздныхъ музеевъ-библіотекъ, Нижегородское губернское земство поставило обратитъ суммы прежняго школьнаго строительнаго фонда (70 тысячъ руб.) и ежегодно пополнять ассигнованіями до требующихся размѣровъ. Но подъ влияніемъ нѣкоторыхъ новыхъ обстоятельствъ, въ губернск. земское собраніе было внесено управой дополнительное предложеніе въ томъ смыслѣ, чтобы изъ строительнаго фонда по вышкельному образованію выдавались пособия на устройство народныхъ домовъ одновременно, въ размѣрѣ 1.500 р. на районъ, тѣмъ уѣзднымъ земствамъ, кредитнымъ и инымъ кооперативнымъ товариществамъ, сельско-хозяйственнымъ, образовательнымъ, бібліотечнымъ и инымъ частнымъ обществамъ, которыя пожелаютъ устроить такіе дома въ населенныхъ пунктахъ, предназначенныхъ губернскимъ земствомъ для районныхъ центровъ и вышкельному образованію, при соблюденіи извѣстныхъ условій, обеспечивающихъ просвѣдитель-

ное значеніе ихъ, какъ районныхъ центровъ вѣшкольнаго образованія.

Нижегородскимъ земствомъ въ настоящее время переведенъ рядъ Алексѣевскихъ народныхъ библиотекъ-читаленъ въ зданія, которыя выполняютъ функціи районныхъ народныхъ домовъ и предоставлены просвѣтительными и кредитными товариществами.

Въ проектѣ Нижегородскаго земства мы знакомимся съ районнымъ типомъ народныхъ домовъ—уѣздный народный домъ, въ которомъ должны быть сосредоточены всѣ земскія учрежденія вѣшкольнаго образованія, имѣющія общеуѣздное значеніе, съ одной стороны—районные (волостные) народные дома съ другой.

Иными принципами проникнуть планъ устройства народныхъ домовъ, принятый Пермскимъ губернскимъ земствомъ. Мы уже приводили выше принципиально важное указаніе Пермской управы, что только организація, призванная къ жизни самимъ населеніемъ, его свободной инициативой и его средствами, можетъ разсчитывать на дальнѣйшее развитіе и процвѣтаніе.

„Констатируя, что за послѣдніе годы кооперативныя и общественныя учрежденія деревни стремятся къ сооруженію собственныхъ зданій, причемъ непремѣнной принадлежностью такого общественнаго зданія является залъ для народныхъ развлеченій и культурныхъ цѣлей, и что деревня, такимъ образомъ, въ видахъ экономіи стремится объединить въ одномъ зданіи учрежденія экономическаго характера и культурно-просвѣтительнаго, управа предлагала матеріально помогать при постройкѣ такихъ общественныхъ зданій, значительная часть которыхъ отводится для нуждъ народнаго дома или же которыя всецѣло предназначаются для этой цѣли. Губернское земское собраніе одобрило эти принципы и утвердило уставъ, которому должны удовлетворять народные дома, субсидируемые земствомъ со стороны ихъ цѣли и порядка управленія и завѣдыванія. Послѣднее поручается по этому уставу особому совѣту, избираемому организаціями, принимавшими матеріальное участіе въ постройкѣ зданія, а также и другими мѣстными просвѣтительными обществами. Непремѣннымъ членомъ совѣта является представитель губернскаго земства. Органомъ, ревизующимъ и направляющимъ дѣятельность совѣта и всего учрежденія, является лицо, избранное уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Затѣмъ губернское собраніе установило правила выдачи пособій за счетъ спеціальнаго фонда губернскаго земства на постройку народныхъ домовъ. По этимъ правиламъ размѣръ пособія въ сельскихъ мѣстностяхъ не можетъ превышать $\frac{1}{3}$ стоимости зданія, выстроеннаго согласно утвержденнаго губернскимъ земствомъ проекта и смѣты. Указанный фондъ въ теченіе 10 лѣтъ по составленію губернскаго собранія будетъ доведенъ до 1 милліона рублей“.

Отъ Нижегородскаго и Пермскаго проекта интересно перейти къ проекту, выдвинутому въ докладѣ Кіевской губернск. земск. управы.

Онъ построенъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) Каждый районный народный домъ является первоначальной ячейкой вѣшкольнаго образованія, сосредоточивающей въ себѣ систему различныхъ видовъ послѣдняго. Въ силу этого народный домъ получаетъ въ извѣстной мѣрѣ значеніе земскаго районно-административнаго центра, и долженъ, какъ таковой, находиться въ завѣдываніи особаго лица, на которое земствомъ возлагается организація всѣхъ мѣропріятій по вѣшкольному образованію въ данномъ районѣ. 2) Задача народнаго дома служить центромъ мѣстной общественной и культурной жизни. Вокругъ него должны объединяться по возможности всѣ мѣстныя культурныя и экономическія организаціи. Желательно поэтому учрежденіе при каждомъ районномъ народномъ домѣ нѣкотораго коллектива, въ видѣ, напримеръ, совѣта, построеннаго на началахъ представительства отъ отдѣльных мѣстныхъ просвѣтительныхъ и экономическихъ организацій. 3) Правильная постановка земскихъ мѣропріятій по вѣшкольному образованію предполагаетъ планомѣрное обслуживаніе всѣхъ населенныхъ пунктовъ губерніи соответствующими учрежденіями. Изъ этого вытекаетъ, что народные дома не должны быть оазисами, а должны покрывать территорію губерніи въ видѣ сѣти.

Губернское земство разрабатываетъ опредѣленный планъ устройства народныхъ домовъ, правильной сѣтью покрывающихъ всю территорію губерніи и затѣмъ приступаетъ къ осуществленію этой сѣти.

Планомѣрное выполненіе сѣти земствомъ отнюдь не должно исключать необходимости поощренія мѣстной инициативы.

Въ цѣляхъ этого поощренія, земство вырабатываетъ правило субсидированія районныхъ народныхъ домовъ, учрежденныхъ по мѣстной инициативѣ, причемъ въ видахъ планомѣрности, эти субсидіи должны выдаваться только народнымъ домамъ, учреждаемымъ въ согласіи съ извѣстными условіями земства. Первый шагъ къ практическому осуществленію, разработаннаго докладомъ грандіознаго плана, сдѣланъ Кіевскимъ земствомъ внесеніемъ въ смѣту расходовъ на 1915 г. 30 тыс. р. въ цѣляхъ постройки первыхъ 12-ти народныхъ домовъ въ память 50-лѣтія земскаго юбилея.

Другое земство, Вятское—на постройку народныхъ домовъ въ память 50-лѣтія юбилея введенія земскихъ учреждений—ассигновало 110 тысячъ рублей, и уже приступило къ постройкѣ народныхъ домовъ въ Вятскомъ и Орловскомъ уѣздахъ.

Интересную сводку объ участіи земствъ въ постройкѣ народныхъ домовъ находимъ въ докладѣ Тверской губернской управы.

„По даннымъ земскаго „Календаря-Справочника“ на 1915 г. и другихъ источниковъ, уже имѣютъ „Народные Дома“ слѣдующія земства: Александрійское—1, Валашевское—3, Вельегонское—2, Красноуфимское—1, Малмыжское—1, Пермское—1, въ По-

Губ. Земства.	Внесены ли на рассмотрение итеклей очередной сессии Г. З. Собранія 1914 г. докладъ объ учрежденіи Нар. Дом. въ губерніи?	Разсмотрѣны ли и приняты ли докладъ Г. З. Собр.?	Докладъ переданъ на дальнѣйшее разсмотрѣніе специальныхъ сѣздовъ или уѣздныхъ Зем. Собраній.	Практически осуществляютъ мѣропріятія по внѣшкольн. образованию.	Приступлено къ немедленному осуществленію нѣкоторыхъ вышеуказанныхъ мѣропріятіи въ 1915 г.
1. Астраханское	—	—	—	—	—
2. Витебское . .	внесень.	принять полностью.	Переданъ на разсмотр. въ ближайшія уѣздн. земск. собранія.	—	—
3. Владимірское	—	—	—	—	—
4. Воронежское.	внесень.	переданъ предварительно на разм. уѣздн. земск. собр.	—	—	—
5. Вятское . . .	внесень.	принять.	—	Вятское.	Ассигновано по смѣтѣ 1915 г. на постройку народн. домовъ 110.000 руб.
6. Екатериносл.	—	—	—	—	—
7. Кіевское . . .	внесень.	принять.	Переданъ на разсмотрѣніе уѣздн. земск. собраній.	—	Внесено въ смѣту 1915 г. 30 тыс. руб. на постройку 12 народн. домовъ.
8. Курское . . .	—	—	—	—	—
9. Московское .	внесень.	принять съ исправлен.	Переданъ на разсмотрѣніе специальн. совѣщ. предсѣд. управъ совместно съ комиссіей по нар. образ.	—	Внесено въ смѣту 1915 г. 100.000 руб. на осуществл. вышеуказан. мѣропріятіи.
10. Нижегородск.	внесень.	—	Докладъ о порайонной организ. внѣшкольн. образ. переданъ предварительно на разм. уѣздн. зем. собр.	Нижегород.	—
11. Новгородское	—	—	—	—	—
12. Олонецкое . .	—	—	—	—	—
13. Оренбургское	—	—	—	—	—
14. Орловское . .	—	—	—	—	—
15. Пензенское .	внесень.	принять съ измѣнен.	Поруч. управѣ созв. спец. совѣщ. по этому вопросу и выработ. совѣщ. полож. перед. на обсужд. у. з. собр.	Пермское.	Ассигновано на 1915 г. на постройку народн. домовъ 25.000 руб.
16. Пермское . .	внесень.	принять	—	—	—
17. Подольское .	—	—	—	—	—
18. Полтавское .	внесень.	принять.	Переданъ на разсмотрѣніе уѣздн. земск. собр.	—	Внесено въ смѣту 1915 г. 1.500 руб. по 1.000 руб. на уѣздѣ.
19. Псковское . .	—	—	—	—	—
20. Рязанское . .	—	—	—	—	—
21. Ставропольск.	внесень.	принять.	—	Ставроп.	Согласно доклада ассигновано на внѣшкольн. образование 23.385 руб.
22. Таврическое .	—	—	—	—	—
23. Тверское . . .	внесень.	принять.	Переданъ на дальнѣйшее разсмотр. спец. сѣзда.	—	—
24. Харьковское.	внесень.	принять.	Передать на спец. совѣщ. сѣзда дѣятелей по внѣшкольн. образ. въ Харьковѣ	—	—
25. Херсонское .	—	—	—	—	—
26. Черниговское	внесень.	остался не разсмотр.	—	—	—
27. Ярославское .	внесень.	принять.	Переданъ на разсмотрѣніе уѣздн. земск. собр.	—	Ассигн. 20.000 р. и поручено управѣ приступить къ немедленному осуществл. нѣкот. мѣропр.

дольской губ.—1, Елецкое—1, Кологривское—1, Новомосковское—1, Пензенское—1, Пирятинское—1, Оханское—4 (строятся)“.

О томъ, что намѣчаютъ сдѣлать въ этой области само Тверское земство, докладъ говоритъ такъ: губернскае земство должно взять на себя инициативу и руководство въ дѣлѣ распространения „Народныхъ Домовъ“. По соглашенію съ уѣздными земствами должна быть выработана сѣть для постройки домовъ.

Мѣстные культурно-экономическія организаціи, ослабившіяся принять выработанный губернскимъ земствомъ уставъ „Народнаго Дома“ и примѣрный планъ постройки, пользуются пособіемъ отъ губернскаго земства въ размѣрѣ известной доли смѣты.

Къ матеріальному содѣйствію мѣстными организаціямъ желательно было бы привлечь уѣздныя земства и правительство.

Г. Земское собраніе согласилось съ тезисами доклада и поручило управѣ созвать для подробнаго обсужденія этого вопроса совѣщаніе председателей уѣздныхъ управъ Тверской губерніи, пригласивъ къ участию въ немъ и представителей, дѣйствующихъ въ губерніи сельско-хозяйственныхъ обществъ и кооперативныхъ учреждений и завѣдующихъ отдѣлами народнаго образованія въ уѣздныхъ управахъ.

Полтавское губ. земское собраніе установило нормы своего участія въ постройкѣ народныхъ домовъ (не свыше 5,000 руб. на каждый народный домъ), ассигновало для начала дѣла 15,000 руб. по 1,000 р. на уѣздъ, для выдачи пособія сельскимъ обществамъ и кооперативамъ на наемъ помѣщеній для народныхъ домовъ въ наступившемъ 1915 году, и поручило управѣ заняться разработкой программы вѣтшкольнаго обученія въ губерніи.

Разработать въ ближайшемъ будущемъ вопросъ о широкій постановкѣ вѣтшкольнаго образованія и въ частности о народныхъ домахъ губернскимъ управамъ было поручено Московскимъ, Харьковскимъ, Пензенскимъ губернскими собраніями.

Московское губернское земство ассигновало 100 т. р. на принятіе въ 1915 г. экстренныхъ мѣръ, способствующихъ народному отрезвленію (п. 5). Поручить губ. Управѣ совместно съ комиссіей по народному образованію и совѣщаніемъ председателей управъ выработать временныя правила по выдачѣ пособій на просвѣтительныя и культурныя мѣропріятія на предстоящій 1915 г. уѣзднымъ земствамъ, кооперативамъ, попечительствамъ и другимъ общественнымъ организаціямъ (п. 6). На осуществленіе вышеуказанныхъ мѣропріятій внести въ смѣту 1915 г. 50 т. р. и разрѣшить губ. Управѣ на тотъ же предметъ кредитъ до 50.000 р. изъ особаго фонда на нужды народнаго образованія (п. 7)... Поручить губ. Управѣ совместно съ комиссіей по нар. образованію и совѣщаніемъ председателей управъ разработать вопросъ о введеніи въ Московской губ. всеобщаго начальнаго

обученія и намѣтить мѣры къ ускоренію этого введенія.

Упомянемъ еще о постановленіи Ставропольскаго губернскаго собранія.—Ассигновать на вѣтшкольное образованіе 23.385 руб. Предоставить управѣ открывать учрежденія по вѣтшкольному образованію, сообразуясь съ условіями и не въ намѣченныхъ пунктахъ. Поручить управѣ къ будущему собранію выработать типовые проекты на постройку помѣщеній для народныхъ домовъ и библиотекъ, а также на постройку зданій народныхъ училищъ разныхъ типовъ.

Разсмотрѣвъ отдѣльно рядъ полученныхъ редакціей журнала докладовъ, попробуемъ теперь сдѣлать краткую сводку всего имѣющагося матеріала. (См. на стр. 50).

Изъ приведенной сводки становится яснымъ, какъ не далеко еще продвинутъ вопросъ, такъ рѣзко выдвинутый на первый планъ событіями нашего „сегодня“. Въ дѣлѣ практическаго проведенія въ жизнь мѣропріятій, необходимость которыхъ такъ единодушно осознана, сдѣлано еще крайне мало. Вопросъ о развитіи земскихъ просвѣтительныхъ учреждений въ связи съ прекращеніемъ пьянства все еще не выходитъ изъ стадіи подготовительныхъ обсужденій и только нѣкоторыя земства пробуютъ вступить на путь его пракческаго разрѣшенія.

Россія переживаетъ дни великаго потрясенія. Теперь каждое явленіе народной жизни принимаетъ особенную остроту, привлекаетъ къ себѣ особенно напряженное вниманіе. Мы видѣли, что серьезность и важность вопроса, послужившаго темой для нашей краткой статьи, сознано, какъ въ высшихъ правительственныхъ кругахъ, (Проектъ устройства сельскихъ народныхъ домовъ принципиально одобренъ совѣтомъ министровъ и порученъ для детальной разработки министру внутреннихъ дѣлъ), такъ и въ цѣломъ рядѣ представительныхъ органовъ земской и городской Россіи. Съ немалымъ единодушіемъ отнеслась къ дѣлу и печать, какъ специальная, такъ и общая, безъ различія направленій.—„Нужно отвлечь населеніе отъ водки, прививъ ему вкусъ къ другому заполненію своего досуга, и притомъ свободно, безъ всякой опеки, и безъ принужденія“,—писало „Новое время“, а „Московскія вѣдомости“ вспоминали, какъ о достойныхъ подражанія образцахъ, о „Хрустальныхъ Дворцахъ“ Европы.

Пускай же это единодушіе послужитъ ручательствомъ, что начинаніе, необходимое и разумное, получить своевременное, быстрое и правильное развитіе, не будетъ заторможено и остановлено.

Мы живемъ въ дни горькихъ и трудныхъ испытаний. Но народъ показалъ себя такимъ стойкимъ, такимъ духовно сильнымъ, настолько выросшимъ и созрѣвшимъ, что заслужилъ великаго довѣрія къ своей несокрушимой жизнеспособности. Врагъ будетъ сокрушенъ, и Россія, выйдя побѣдительницей изъ желѣзнаго и стальнаго вихря Войны, построитъ „Хрустальные Дома“ своего благополучія и мира.

Александровъ.

Къ моменту.

„Врагъ долженъ быть сломленъ.
До того не можетъ быть мира“.
(Изъ Высочайшаго рескрипта, даннаго 14 июня 1915 г. на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ).

„Съ твердой вѣрой въ неизсякаемыя силы Россіи Я ожидаю отъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений, отъ русской промышленности и отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Родины, безъ различія взглядовъ и положеній, сплоченной, дружной работы для нужды доблестной Нашей арміи. На этой, единой отнынѣ, всенародной задачѣ должны быть сосредоточены все помыслы объединенной и неодолимой въ своемъ единствѣ Россіи“.

Этотъ призывъ Державнаго Монарха къ русскому народу знаменуетъ собой новую стадію въ переживаемой нами міровой борьбѣ.

Если до сихъ поръ приходилось взывать о необходимости привлечь къ дѣлу обороны страны общественныя организаціи, земскіе и городскіе союзы, провозглашать, какъ лозунгъ: „Vnius unitis“, „единеніе всѣхъ“, то теперь, послѣ пламеннаго выступленія Рябушинскаго на торгово-промышленномъ съѣздѣ, послѣ исторической рѣчи главноуполномоченнаго земскаго союза кн. Львова, послѣ ряда резолюцій, выразившихъ стремленіе самыхъ равнородныхъ слоевъ населенія отдать все силы свои на благо родины—нынѣ излишни дальнѣйшія слова. Съ высоты Престола объявлено о необходимости „сплоченной, дружной работы“.

Насталъ моментъ перехода отъ словъ къ дѣлу.

Содѣянаго по-сейчасъ недостаточно. Надлежитъ развить энергію въ десятки, въ сотни кратъ большіе принасами и всякаго рода довольствіемъ—сложная и отвѣтственная задача „глубокаго тыла“, переходить въ руки народа. Ибо теперь, послѣ призыва Монарха, неумѣстны болѣе никакія разграниченія на организаціи общественныя и правительственныя. Гдѣ призвана къ работѣ вся страна, тамъ голосъ страны, сплотившейся возлѣ Престола, пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе.

Отсюда ясна огромная роль, выпадающая на долю народныхъ представителей, на нашу Государственную Думу. Она единственное русло, могущее вмѣстить въ себя бурный потокъ народныхъ чаяній, воодушевленія и страстной любви къ родинѣ.

Отъ такта, стойкости и способности народныхъ представителей развить должную организаторскую энергію, завянуть рѣшеніе вопроса, будутъ ли въ полней мѣрѣ использованы неисчерпаемыя силы Россіи.

Черняевъ.

На зарубежныя темы.

I.

Трудно говорить теперь о рубежахъ, когда перемѣшались границы между народами и государствами, и кровавыми чертами пролагаетъ новые рубежи непреклонная логика исторіи.

Одиннадцатый мѣсяцъ войны засталъ насъ на новомъ ея переломѣ, связанномъ со вторымъ Галлиційскимъ сраженіемъ и появленіемъ итальянскаго южнаго фронта.

Со вступленіемъ Италіи въ ряды тройственнаго согласія, рубежи перемѣстились, и наши интересы связались незримой нитью съ интересами тѣхъ, кто еще вчера стоялъ „на томъ берегу“ и чья жизнь казалась намъ или чужой, или враждебной. Что же заставило завязать этотъ узелъ общихъ интересовъ, и гдѣ причины, разрушившія грозное зданіе тройственнаго союза именно въ тотъ моментъ, ради котораго, казалось, только и возводилось оно.

Истоки тяготѣнія Италіи къ ея бывшимъ „друзьямъ“ берутъ начало въ нецелѣсовѣтельной политикѣ Наполеона III-го, созданіемъ независимой Италіи стремившагося поколебать мѣшь Австріи, но въ то же время стоявшаго на стражѣ интересовъ свѣтской власти папъ, такъ какъ его имперія своимъ существованіемъ была обязана клерикальнымъ католическимъ кругамъ Франціи. Такая политика мѣшала завершенію національнаго единства Италіи, ибо Римъ и Церковная область, охраняемая французскими отрядами, дѣлали молодую Италію трупомъ безъ живого

сердца. 1870 годъ, подъ обломками Седана и Меца, похоронившій военный цезаризмъ Франціи, далъ возможность Италіи перенести въ Римъ свою столицу и считать законченнымъ первый, и самый важный этапъ государственнаго объединенія. Той-же ошибочной политики вражды къ свѣтской королевской Италіи и тяготѣнія къ Ватиканскому престолу держалась и третья республика, руководимая консерваторами-католиками въ первую двадцать лѣтъ своего существованія.

Кромѣ политическаго антогонизма, вызваннаго борьбой за свѣтскую власть папъ, Италію отъ Франціи отдаляло еще продвиженіе послѣдней по сѣверному побережью Африки, закончившееся занятіемъ Туниса, на который претендовала Италія, видѣвшая въ послѣднемъ рынокъ для промышленности своихъ сѣверныхъ провинцій и кланъ для эмиграціи избытка своего населенія.

Эта вражда съ Франціей и стремленіе опереться въ соперничествѣ съ ней на сильнаго союзника, толкала Италію въ объятья Бисмарка и вѣвской дипломатіи. На этотъ выборъ вліяла и традиционная дружба съ Англіей, въ то время ведшей борьбу съ Франціей во внутренней Африкѣ и на Дальнемъ Востокѣ. Въ восьмидесятихъ годахъ объ экономической борьбѣ Германіи и Англіи не было и помину, а потому дружба Италіи съ имперіей Гогенцоллерновъ разсматривалась въ Лондонѣ, какъ актъ доброжелательства Италіи.

Вотъ въ общихъ чертахъ вѣвнія политическія

условія, въ силу которыхъ Италия была пририта къ берегамъ тройственнаго союза. Кажущееся на первый взглядъ противорѣчіе между интересами Австріи и Италии, связанное съ обладаніемъ Габсбургской монархіи итальянскими провинціями (Трентино и Триестъ), было въ то время несущественнымъ, ибо о немедленномъ завладѣніи этихъ провинцій могли мечтать лишь люди съ воспаленными мозгами.

Но въ народившемся союзѣ жилъ болѣзнетворный, разрушительный микробъ, изъ года въ годъ подтачивавшій здоровый ростъ новорожденнаго.

Если дружбѣ итальянцевъ съ австріяцами мѣшали историческія причины, инстинктивная вражда людей, не забывшихъ вчерашняго господства завоевателей, а также борьба итальянцевъ за свой языкъ и политическую автономію въ Далмаціи, Триестѣ и Тироли, то Германія съ Италией не могли ужиться потому, что оба государства были молоды, оба шли въ поискахъ колоній и рынковъ въ одномъ и томъ же направленіи.

Италія, во время Криспи, углубилась въ восточную Африку, но неудачи въ Абисиніи заставили ее возвратиться на старые балканскіе пути, на которыхъ нѣкогда господствовали ихъ предки генуэзцы и венеціанцы, въ своихъ рукахъ державшіе торговлю Леванта. Но въ балканскихъ государствахъ итальянцы наткнулись на таможенные рогадки, разставленныя Австріей, монополизировавшей этотъ рынокъ, а въ Малой Азіи ихъ встрѣчало непреклонное *non possumus* германцевъ. На обоихъ берегахъ Восточнаго Средиземноморья прочно стояли бастионы прусскаго кирасира, защищавшаго прилавокъ берлинскихъ коммивояжеровъ. Турція отказывала Италиі въ выгодныхъ для первой желѣзнодорожныхъ концессіяхъ, арендахъ копей и чинила препятствія итальянскому капиталу, пытавшемуся вѣдриться въ османскую почву. Римъ ясно видѣлъ, что дряхлой рукой Гаида водить воля его друга и сочлена по союзу. Турецкій вопросъ былъ камнемъ, на который сильнѣе всего споткнулись союзники, и недаромъ занятіе Ливіи Италией считалось въ Берлинѣ нарушеніемъ союзной вѣрности.

Въ то же время дружескія отношенія съ Австріей начинаютъ окончательно рваться, благодаря стремленіямъ Австріи уничтожить слѣды итальянской культуры въ своихъ юго-западныхъ провинціяхъ, гдѣ на итальянцевъ были выпущены словинцы и, на борьбѣ двухъ національностей, дѣльцы изъ Вѣны укрѣпляли прочность двуединой монархіи.

Развалъ тройственнаго союза былъ ускоренъ еще перемѣной позицій Франціи и Англіи. Французы и британцы уладили спорные вопросы и изъ враговъ сдѣлались друзьями, направивъ острие своего союза противъ Германіи. Ватиканъ пересталъ быть яблокомъ раздора между двумя латинскими сестрами, ибо судьбы французской республики перешли въ руки радикаловъ и социалистовъ, установившихъ отдѣленіе церкви отъ государства.

Когда наступилъ моментъ европейской катастрофы, и взоры всѣхъ обратились на Италію, дипломатія послѣдней хладнокровно вынула изъ портфеля союзный договоръ и указала на соответствующіе параграфы, гдѣ было предусмотрено, что въ наступательной войнѣ Италия принимать участіе не обязана, а при вмѣшательствѣ въ войну Англіи, итальянскому королевству предо-

ставлялось право оставаться нейтральнымъ. Форма политики совпала съ сущностью національных чаяній Италиі, и въ рѣшительный часъ потомки Цезаря перешли своей Рубиконъ.

II.

Частные успѣхи нѣмцевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего фронта совпадаютъ съ ихъ пораженіемъ въ общественномъ мнѣніи другихъ странъ. Италия бросила свой мечъ на вѣсы войны въ то время, когда въ Берлинѣ кричали о „разгромѣ“ русскихъ на Дунайцѣ, а появленіе Макензена у Городокскихъ позицій, совпало съ пораженіемъ министерства Гунариса на общихъ парламентскихъ выборахъ въ Греціи и побѣдой Венизелоса, сторонника выступленія послѣдней въ рядахъ четвертнаго согласія.

Изъ 316 парламентскихъ мѣстъ на долю оппозиціи приходится 193, а стоявшее у власти правительство провело всего 100 своихъ кандидатуръ. Вообще, нужно сказать, что „личный режимъ“ на Балканахъ, очевидно, приходитъ къ концу, и министерство, призванное монархомъ къ власти, уже не собираетъ обязательнаго большинства. Впервые за послѣдніе два года мы встрѣтились съ такимъ фактомъ въ Болгаріи, гдѣ на первыхъ выборахъ Радославовъ не собралъ большинства, и принужденъ былъ распустить народное собраніе, а теперь это повторяется въ Греціи. Новыя времена—новыя пѣсни!

Вернемся къ очереднымъ вопросамъ... Невзирая на болѣзнь короля, Венизелосъ, вѣроятно, получитъ власть, хотя тяжелое недомоганіе короля Константина кое-кого соблазняетъ на нѣкоторую отсрочку отставки Гунариса. Но выступленіе Венизелоса въ управленіе страной врядли выведетъ скоро Грецію изъ состоянія нейтралитета. Вѣдь теперь ясно, что съ выступленіемъ Италиі „цѣна“ греческой поддержки значительно понижилась, да и союзники, собравшіе на Галлипольскомъ полуостровѣ сильную армію, болѣе нуждаются въ ударѣ на Турцію съ тыла, что можетъ сдѣлать лишь Болгарія, переговоры съ которой исходятъ изъ возможности широкихъ компенсацій за счетъ Греціи, гораздо большихъ чѣмъ тѣ, о которыхъ въ февралѣ думалъ самъ Венизелосъ. На что безспорно можетъ рассчитывать Греція—это присоединеніе южной Албаніи, спорныхъ острововъ, нынѣ занятыхъ союзниками, и на компенсаціи въ области Смирны. Но кто знаетъ психозъ мегаломанства, охватившій общественное мнѣніе Греціи, ея мечты о Византіи и Царьградѣ, тотъ съ тревогой будетъ смотрѣть на судьбу потомковъ Перикла и Демосфена. Конечно, поведеніе Греціи рѣшающаго значенія имѣть не можетъ, а ея страхъ передъ Англіей совершенно исключаетъ всякую попытку послухаться берлинскихъ оракуловъ, но трагическая возможность остаться одинокой въ рѣшительной борьбѣ народовъ за свою національную будущность, готовить будущее, чреватое бѣдами, тѣмъ, кто въ тяжкую годину не сумѣлъ подняться до высоты государственнаго пониманія своихъ обязанностей, кто забылъ, что политическое воцѣлство народами не есть способъ для украшенія своего чела архаическими коронами, а часто тяжкій подвигъ и великое страстотерпчество во имя будущаго тѣхъ, кто вѣрилъ имъ свою государственную и національную судьбу.

П. Черкасскій.

† Памяти Великаго Князя
Константина Константиновича.

К. Р.

Въ литературной генеалогіи К. Р. ставятъ однимъ изъ преемниковъ Пушкинской школы на ряду съ Фетомъ, Полонскимъ, Майковымъ. И дѣйствительно, есть неразрывная связь между почившимъ поэтомъ и группой чистыхъ лириковъ конца прошлаго столѣтія. „Художества завѣты и тайны вѣчныя вѣщаль“ въ своихъ простыхъ и свѣтлыхъ пѣсняхъ этотъ истинный поэтъ милостью Божіей,—вѣчную красоту поэзіи, вѣчное обаяніе ея.

Язычески страстный, опьяненный хмѣльной радостью бытія, Пушкинъ въ молодые годы горѣлъ, но и перегорѣлъ, и послѣдній періодъ его творчества отмѣченъ печатью кристалльной чистоты устоявшагося вина и половъ строгимъ спокойствіемъ мудрости. К. Р. принялъ это послѣднее состояніе, точно великій учитель прошелъ и за него искусъ молодости. Высокимъ спокойствіемъ—даже въ любовной лиричѣ, такой исключительно цѣломудренной у него,—ясностью, безбурнымъ пріятіемъ міра, отмѣчено творчество поэта. Его высокое и независимое положеніе освобождало его отъ труда для чего-либо посторонняго, и въ литературѣ, которую онъ такъ любилъ, онъ былъ литераторомъ меньше всего. Онъ не писалъ, даже не пѣлъ, онъ—молился міру. И молился о любви къ этому міру, къ жизни, со всѣмъ ея многообразіемъ, къ людямъ.

„Всѣхъ, которыхъ пришелъ искупить
Ты своею пречистою кровью,—
Безкорытной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить“.

Только съ этой жаждой любви и можно принять жизнь, и вѣрить, какъ вѣрилъ поэтъ, въ ея добрыя начала,—почти великую ея гармонію. Для насъ—жизнь часто мучительная свѣтотѣнь. Для подлиннаго

поэта—она гармонія, въ которой все свято и нужно.

„Счастье не полно безъ слезъ, лебо синій изъ-за тучъ,—
Лили бы блесталъ среди розъ солнышка радостный лучъ“.

„Солнышка радостный лучъ“, оправдывающій и смягчающій тучи—искалъ поэтъ въ жизни. И христианство—эта религія идеалистовъ—было для него такамъ лучемъ, принято было поэтомъ свѣтло и съ безбурной радостью. Отъ патетическаго „Севастіана мученика“ черезъ „Возрожденнаго Манфреда“—апофеозъ вѣры—благоговѣно подошелъ онъ къ „Царю Іудейскому“. По самому складу своей поэтической природы, по избранному религіозному пути въ творчествѣ, онъ неминуемо долженъ былъ подойти къ Нему, какъ къ точкѣ, гармонически завершающей зданіе его творчества. Эта пьеса исполнена, какъ музыка, въ мягкихъ и сильныхъ тонахъ высокаго внутренняго успокоенія передъ искомымъ и найденнымъ алтаремъ—цѣлью пути. Это—твореніе подлиннаго поэта, постигшаго „тайны вѣчныя“; оно говоритъ о вѣчномъ, и затрагиваетъ лучшія струны человѣческаго сердца. Этимъ, кстати сказать, объясняются и внутренняя сила пьесы, и рѣдкій успѣхъ ея.

Въ 1882 г. въ № 8 „Вѣстника Европы“ появилось первое стихотвореніе подписанное инициалами К. Р.

За періодъ 1885—1915 г. муза К. Р. сохранила свои основныя, трогательныя черты. Мягкій лиризмъ, подошедшій къ жизни души и къ истолкованію природы съ религіознымъ благоговѣіемъ, вѣрный пѣвецъ чистой любви, онъ горѣлъ въ поэзіи почти тридцать пять лѣтъ, какъ спокойный и свѣтлый огонь, освѣщающій темную стезю нашу. И, уходящій истоками въ прошлое, онъ духомъ своимъ—духомъ идеалиста и поэта, въ вѣчномъ съ нами, и близокъ намъ.

Антонъ Амнуэль.

19-е іюня. День перевезенія тѣла Великаго Князя Константина Константиновича изъ Павловска въ Петроградъ.

Съ равныхъ дѣтскихъ лѣтъ въ сердцѣ моемъ безотчетная, умиленная любовь ко всей семьѣ Константиновичей. Едва помню себя, помню въ домѣ особое отношеніе, проникнутое многообразными чувствами—и почитанія, и уваженія, и сѣняки, и любви къ „Великому Князю“.

Отецъ мой служилъ у Великаго Князя Констан-

тина Николаевича,—инженеръ, онъ кажется, завѣдывалъ всей водяною частью Павловскаго парка.

Конечно, тогда я не сознавала—я только чувствовала изъ многообразныхъ впечатлѣній, изъ словъ, которыми обмѣнивались взрослые—отецъ, мать, знакомые, прислуга—изъ самыхъ отѣнковъ голоса, это особое, царящее въ домѣ отношеніе къ Великому Князю, оставшееся навсегда въ моей душѣ.

Когда умеръ отецъ,—матери въ видѣ пособія предоставили съ семьей прожить два лѣта въ за-

пасномъ Константиновскомъ дворцѣ. Нижній этажъ занималъ адмиралъ Зеленый, воспитатель тогда молодыхъ князей Константина, Дмитрія и Вячеслава.

Они часто посѣщали адмирала и я помню, какъ жадно смотрѣла изъ окна верхняго этажа, какъ тонкіе юноши въ матросскихъ костюмахъ на площадке передъ дворцомъ учились кататься верхомъ.

Служитель гонялъ на кордѣ некрупную сытую лошадь, а великіе князья поочередно ѣздили—шагомъ, рысью, и, наконецъ, галопомъ!

Меня несказанно занимало иногда встрѣтить молодыхъ князей на дорожкѣ сада у дворца и присѣсть имъ тѣмъ вычурнымъ реверансомъ, которому только что выучилась на урокѣ танцевъ...

Какъ много утѣкло воды! Великаго Князя Вячеслава давно не стало. А вотъ и второй изъ тѣхъ стройныхъ юношей въ морскомъ костюмѣ — холодное, бездыханное тѣло, покидающее сегодня свой любимый Павловскъ, свой родной дворецъ, чтобы никогда болѣе сюда уже не вернуться.

Весь Павловскъ опечаленъ кончиною своего князя! На дворцѣ флагъ приспущенъ, всѣ лавки заперты, городъ опустѣлъ—все высыпало къ вокзалу, печально затаенному трауромъ, проводить тѣло.

Въ Павловскѣ нѣтъ ни одного человѣка—отъ лица, стоящихъ близко къ великокняжеской семьѣ, до послѣдняго сторожа или хромой старухи-сторожихи, кто бы ни сказалъ съ искренней грустью:

— Да. Скончался. Какъ жалко!.. Хорошій былъ. Ужъ такой то хорошій, простой, ласковый—такихъ и не бываетъ!

Иду поклониться послѣдній разъ праху Великаго Князя и большого человѣка.

Не хочется идти въ толпу, хочу одна отдать усопшему послѣдній долгъ.

Стою въ паркѣ на перекресткѣ Ферменской дороги и дороги, ведущей къ „Круглому залу“, откуда видно полотно желѣзнодорожнаго пути.

Вижу, какъ подають поѣздъ, какъ маневрируетъ паровозъ.

Половина третьяго. Стою, жду, слушаю.

Вотъ издали, сначала чуть слышно, потомъ все громче и громче доносится изъ-за деревьевъ погребальный маршъ.

На колокольняхъ печально переключнулись колокола. Удары одинокіе, низкіе скорбные, и высокіе плачущіе...

Звуки эти хватаютъ за сердце, наполняютъ болью.

Маршъ все ближе и ближе смутно звучитъ за деревьями. Вотъ—смолокъ. Теперь словно пѣніе доносится—или только кажется?..

Тихій свистокъ,—гудокъ,—и паровозъ осторожно, почитательно, точно чувствуя важность похи, которую несетъ, двигается съ мѣста.

Вагоны — одинъ, другой, третій... вотъ и онъ—суровый, черный вагонъ съ яркимъ бѣлымъ крестомъ...

Быстро иду по дорогѣ къ „Круглому залу“—сейчасъ поѣздъ еще разъ мелькнетъ передо мной.

Вотъ онъ... Еще разъ черный вагонъ... Крещусь, повторяю умленнымъ сердцемъ:—Добрый путь, послѣдній твой путь изъ твоего Павловска!..

Вѣчная память!..

А. Б.

Живое дѣло.

(По поводу новыхъ книгъ Д. С. Мережковского).

Когда читаешь книги Д. С. Мережковского, всегда непобѣдимо кажется, что онъ органически не можетъ писать некрологовъ, что никто съ большей проникновенностью, чѣмъ онъ, не можетъ повторить слова Христа: „Предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ.“ Уже въ одной изъ раннихъ своихъ книгъ,—въ „Вѣчныхъ спутникахъ,“—Мережковский точно опредѣлилъ свое отношеніе къ писателямъ прошлаго, сказавъ, что „для каждаго времени они современники и даже предвѣстники будущаго.“ Выявленію этой живой связи великихъ писателей съ новѣйшими поколѣніями, предугадыванію того дѣйствительнаго значенія, какое эти писатели получаютъ въ будущемъ,—посвящены всѣ работы Мережковского, сопрягающіяся съ областью литературной критики. Назвать ихъ критическими статьями или историко-литературными изслѣдованіями, назвать его послѣднія книги—только книгами, было бы несправедливо. Въ нихъ чувствуется и въ нихъ вложено нѣчто, несрав-

ненно большее, чѣмъ „литература,“ хотя бы даже и первоклассная.

Говоря о поэзіи Некрасова, Мережковский замѣчаетъ, что „высшая цѣнность ея—дѣльность.“ Съ точно такимъ же правомъ этотъ отзывъ можно примѣнять и къ творчеству самого Мережковского. Начиная съ первой своей книги, изданной еще въ 1893 году и посвященной литературѣ, *) Мережковский заговорилъ „о дѣлѣ.“ „Отъ ликующихъ, праздно-болтающихъ“ его всегда отдѣляла непроходимая пропасть, и самая серьезная его заслуга именно въ томъ и состоитъ, что онъ неуклонно работаетъ надъ соединеніемъ и даже надъ слияніемъ слова и дѣйствія, литературы и жазпеннаго дѣла.

Мережковскому одинаково чужды—путь В. Брюсова, съ геловой ушедшаго въ „чистую“ литературу, и

*) О причинахъ упадка и новыхъ теченіяхъ современной русской литературы. Спб. 1893.

путь А. Добролюбова, совсѣмъ ушедшаго отъ литературы. Не бездѣйственное эстетическое любованіе міромъ и не столь же бездѣйственное аскетическое отверженіе его, а дѣйственное пріятіе, пріятіе, связанное съ непрерывнымъ преображеніемъ даннаго— вотъ путь Мережковскаго. Къ сожалѣнію, размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ остановиться на отдѣльныхъ этапахъ этого пути, напомнить подробнѣе о томъ, какъ неуклонно, никогда не отступая, ни разу не измѣнивъ своей основной задачѣ, шелъ и идетъ Мережковскій къ достиженію истинно-религіознаго міросознания, какъ онъ захватываетъ въ сферу своего—всегда творческаго—вниманія все новыя и новыя явленія, все новыя и новыя „вѣчные спутняки“... Ни къ чему и ни къ кому не подходилъ онъ съ поверхностнымъ умственнымъ любопытствомъ, но ко всему и ко всѣмъ въ силу назрѣвшей духовной потребности. Вотъ почему его исканія никогда не оставались безплодными, а его подхожденія всегда были значительны не только для него самого, но и для тѣхъ, къ кому онъ подходилъ...

Нынѣ, вниманіе Мережковскаго привлекли Некрасовъ и Тютчевъ; имъ посвящена недавно вышедшая въ свѣтъ небольшая по размѣрамъ книга его—„Двѣ тайны русской поэзіи“^{*}).

„Сквозь книгу увидѣтъ лицо человѣка, въ этомъ вся задача критики,“—говоритъ Мережковскій въ другой своей недавней книгѣ,^{**}—) Самъ онъ выполняетъ эту задачу блестяще.

Не стихи Некрасова и Тютчева, которые и безъ того у всѣхъ на устахъ, а самихъ Некрасова и Тютчева снова приближаетъ къ намъ Мережковскій. Стихи ихъ дѣлаются уже не только стихами, не объектомъ эстетическаго наслажденія или школьнаго ученія, передъ нами открывается дѣйственная сила этихъ стиховъ, дѣйственное значеніе ихъ не только для прошлаго, но и для нашего времени и для грядущаго. Мережковскій убѣждаетъ насъ, что вліяніе Некрасова и Тютчева не прошло, что оно еще растетъ, еще можетъ принести русскому обществу и крупную пользу, и серьезный вредъ. Отсюда страстность Мережковскаго, и порою—несправедливость. „Къ Некрасову мы были неправы въ нашемъ декадентствѣ вчерашнемъ; будемъ же неправы и къ Тютчеву въ нашей сегодняшней общественности, чтобы возстановить правоту послѣднюю, понять и соединить обонихъ“ (Стр. 119). Изъ приведенныхъ словъ ясно видны—какъ цѣль Мережковскаго, такъ и его отношеніе къ обонихъ нашимъ поэтамъ. Здѣсь умѣстно замѣтить, что Мережковскому не удалось „возстановить правоту послѣднюю“ съ такою же силой, съ какой устанавливаетъ онъ „правоту“ Некрасова и „неправоту“ Тютчева.

Въ своихъ исканіяхъ Мережковскій постепенно подошелъ вплотную къ общественности, къ проблемѣ освободительнаго движенія. Тѣ, какъ онъ рѣшилъ эту проблему, его симпатія и антипатія, обозначились теперь достаточно ясно. Трудно согласиться всецѣло съ его рѣшеніемъ, уже хотя бы по одному тому, что, утверждая революцію, какъ нѣчто безусловно-положительное, Мережковскій идетъ чуть-ли не одинъ противъ цѣлой арміи мировыхъ мыслителей и художниковъ слова. На стр. 18—20-й своей книги Мережковскій касается отношенія крупнѣйшихъ русскихъ писателей къ освободительному движенію и—въ концѣ концовъ—признаетъ, что они „все уходятъ отъ свободы“ (стр. 21), что „освобожденіе наше стихійно, бессознательно; сознаніе наше, слово, литература—неосвободительны“ (стр. 22). Здѣсь Мережковскій подошелъ къ одному изъ самыхъ важныхъ и самыхъ сложныхъ общечеловѣческихъ вопросовъ. Какъ-же онъ рѣшаетъ его?

Въ другой своей книгѣ онъ заявляетъ прямо: „Освобожденіе Россіи дороже русской литературы. Если бы оказалось, что она противъ освобожденія, то не только можно, но и должно ея пожертвовать“ („Было и будетъ“, стр. 272). Оказывается, что она дѣйствительно „противъ“; самъ Мережковскій долженъ признать это:—„Сознаніе наше, слово, литература—неосвободительны“. Этотъ вопросъ дѣлается еще больше трагическимъ, если мы припомнимъ, что и литература всего міра, что вся культура—неосвободительны. При свѣтѣ безчисленныхъ историко-литературныхъ фактовъ непрекаемою правдой звучитъ утвержденіе Руссо:—„Въ то время, какъ правительство и законы охраняютъ общественную безопасность и благосостояніе гражданъ, науки, литература и искусства,—менѣе деспотичны, но, быть можетъ, болѣе могущественны,—обвиваютъ гирляндами цвѣтовъ сковывающія людей желѣзные цѣпи, сдерживаютъ въ нихъ естественное чувство свободы, для которой они, казалось бы, рождены, заставляютъ ихъ любить свое рабство и создаютъ то, что называется просвѣщеннымъ народомъ. Необходимость воздвигла троны,—науки и искусства ихъ утвердили“. („О вліяніи наукъ на нравы“).

Такое положеніе вещей уже нельзя объяснить какими либо мѣстными условіями или національными особенностями того или иного народа, уже нельзя сказать, подобно Мережковскому, что русская литература неосвободительна, потому что „крѣпостное право—колыбель ея“ (стр. 18). Вопросъ углубляется и,—углубляясь,—все обостряется. Возникаетъ мысль о необходимости жертвы: „Если бы оказалось, что литература противъ освобожденія, то не только можно, но и должно ея пожертвовать“,—рѣшаетъ Мережковскій. При этихъ словахъ,—по закону контраста,—невольно вспоминаются слова Карлейля: „Останутся ли у насъ индійскія владѣнія, или не останутся, но мы безъ Шекспира жить не можемъ!“

^{*}) Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1916 г., стр. 123-я.

^{**}) „Было и будетъ“, изд. т-ва Сытина, Петроградъ, 1159 г., стр. 359-я.

Сначала можетъ показаться, будто вся правда на сторонѣ Карлейля, будто онъ со Христомъ, сказавшимъ: „Ищите же прежде Царствія Божія и правды Его“,—а Мережковскій противъ Христа. Но это не такъ. Слова Карлейля внушены, конечно, подлиннымъ религіознымъ духомъ, но и слова Мережковского внушены подлинной религіозной жаждой. То, что говорить Мережковскій во всѣхъ послѣднихъ книгахъ о Некрасовѣ и о русскихъ революціонерахъ, въ гораздо большей степени приложимо къ нему самому. Онъ дѣйствительно совмѣщаетъ въ себѣ „любовь къ народу съ любовью къ свободѣ“, „революціонное и религіозное вмѣстѣ, во имя Божье освобождающее“...

Мы глубоко вѣримъ въ то, что Мережковскому чужды всякіе „гедоническіе“ идеалы, что онъ хочетъ освобожденія народнаго лишь потому, что чаетъ отъ этого освобожденія плоды добрыхъ и богоугодныхъ. Но Мережковскій—одно, Некрасовъ—другое, а русскіе и вообще политическіе революціонеры—третье...

Мережковскій приблизилъ къ намъ Некрасова и Тютчева, многое выяснилъ въ нихъ, во многомъ оказался правъ, но чуть ли не въ большемъ онъ ошибается. Главная его ошибка, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что онъ слишкомъ поспѣшно поставилъ знакъ равенства между духомъ свободы и духомъ революціи. („Двѣ тайны“, стр. 106). Пусть литература неосвободительна въ политическомъ смыслѣ,

но освободительна ли политическая революція? До сихъ поръ всѣми политическими революціями двигала не только жажда свободы, но и жажда власти, всѣ онѣ, начинаясь съ жажды правды, кончались жаждой мести.

„Литература неосвободительна“,—говоритъ Мережковскій.

„Революція неосвободительна“,—возражаютъ Левъ Толстой, Достоевскій, Гете, Шиллеръ и сотни другихъ великихъ умовъ, вплоть до греческихъ лириковъ и христіанскихъ апостоловъ...

Не къ обостренію этого противорѣчія призываетъ насъ Мережковскій, не для углубленія этого разрыва привлекаетъ онъ Некрасова и Тютчева,—чувствуется, что онъ глубоко желаетъ примирить правду религіозную съ правдой революціонной.

Но справедливость заставляетъ признать, что этого примиренія еще нѣтъ въ его послѣднихъ книгахъ, какъ не было его въ должной мѣрѣ и у Некрасова. Однако важно и цѣнно, то, что мысль о необходимости такого примиренія овладѣла умомъ Мережковского. Пусть его послѣднія книги не утешаютъ и не успокаиваютъ насъ, онѣ дѣлаютъ дѣло болѣе нужное и живое, онѣ зовутъ насъ къ трудной созидательной работѣ и онѣ пророчатъ о возможности новой, небывалой народной активности, въ которой любовь ненавидящая не заглушитъ любви всепрощающей.

Александръ Тиняковъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

при конторѣ журнала

„НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ“

Петроградъ, Эртелевъ пер., 3. Телефонъ 107-88.

Книжный складъ выполняетъ заказы на всевозможныя книги по различнымъ отраслямъ. Пересылка по стоимости почтоваго тарифа за счетъ заказчика. При заказахъ, превышающихъ 10 руб., слѣдуетъ переводить или полностью всю причитающуюся сумму, или задатокъ въ размѣрѣ 1/3 стоимости.

При высылкѣ книгъ наложеннымъ платежомъ взимается 20 коп. дополнительныхъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Трагедія одного цѣломудрія.

Августъ Серментъ. Вай. Исторія одного честолюбія. Петроградъ. 1915 г. ц. 1 р. 50 к.

... Вай замѣтила, что у Труды косы никогда не были завязаны, и это не нравилось Кеферъ...

... Линдэнъ ушла, я боялась, что войдетъ отецъ, но Джэнь сказала, что онъ въ клубъ...

... Вай спросила Кору, правда Кампишъ была шикъ...

Лулу и Джэнь, Вейнъ и Риндъ... можетъ быть, вы думаете, что дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ, въ норвежскихъ шхерахъ, на французской Ривьерѣ. Нѣтъ, и Лулу, и Клэръ, и Джэнь, всѣ онѣ бродятъ по Фонтанкѣ, скучаютъ въ Лѣтнемъ саду и назначаютъ свои маленькія свиданія въ кинематографѣ, гдѣ-нибудь на Гороховой. Если вслѣдъ за заинтересованной Корой, читатель спроситъ, напавъ на такую фразу:—За все это время я разговаривала лишь разъ охотно—это съ Марро Карраффо Корбуть—откуда ты такую выкопала,—авторъ отвѣтитъ устами Вай—все изъ того же Петербурга.

Читаешь этотъ романъ, написанный на скверномъ русскомъ языкѣ, и сначала не понимаешь, что это, оригинальная вещь или переводъ съ иностраннаго. Впрочемъ, можно ли назвать романомъ эту странную книгу—смѣсь дневниковъ Маріи Башкирцевой съ легкомысленными страницами какого-нибудь томика „Клодины“ Вилли. Вѣдь самъ авторъ не сдѣлалъ этого, и на неряшливой сѣрватой обложкѣ поставилъ только три черныя строчки: Августъ Серментъ. Вай. Исторія одного честолюбія.

Хочется зачеркнуть, выскоблить ножомъ, стереть эту послѣднюю строчку. Неужели даже у автора нѣтъ милосердія къ своему бѣдному ребенку, и нужно прибавить и эту надпись надъ тѣмъ, кто уже стоитъ у столба такого нечеловѣческаго несчастья?

— Ахъ, какъ Богъ поступилъ со мной, какъ Онъ поступилъ со мной,—такъ, зажимая ротъ платкомъ, рыдаетъ дѣвочка Вай на площадкѣ вагона, смотря на бѣгущія мимо поля.

И ея отчаянный крикъ проходитъ черезъ всю книгу и звучитъ въ встревоженномъ и смущенномъ сердцѣ читателя долго еще послѣ того, какъ онъ перевернетъ послѣднюю страницу.

Судьба, почему ты бываешь такъ несправедлива, и природа, почему ты бываешь такъ жестока?

Ее звали Вай, точно ея неженская душа и не сумѣла бы откликаться на другое, обычное имя съ женскимъ окончаніемъ. У нея была плотная фигура, широкія мальчишескія плечи, твердый подбородокъ и безполая улыбка—улыбка Джюконды и гамена.

Ея душа съ дѣтскихъ лѣтъ точно сжала по мальчишески кулаки и вызывающе посмотрѣла на жизнь и на судьбу. Вай маленькой дѣвочкой уже „разлюбила Бога“—вѣдь Онъ зналъ, какъ ей будетъ тяжело, и не могъ сотворить ее мужчиной. Позднѣе она прямо поставитъ ультиматумъ Богу: „Или Ты дашь мнѣ Творчество или я умру“. Она была болѣе чѣмъ увѣрена, что Богъ испугается—вѣдь ему угрожала она, его лучшая жизнерадостница.

— Какъ это можно не любить себя? Я поглощена собою, я растворяюсь въ себѣ. Ахъ, какъ я люблю себя, какъ я люблю себя (ст. 31).

— Я гений (52, 60).

— Я влюблена въ свой почеркъ (182).

— Я войду въ міръ желаннаго, Славы и Маги (256).

Она мечтаетъ проснуться съ рубиновыми глазами, стать Наполеономъ, быть первой и послѣдней женщиной, избранной въ члены Государственной Думы.

— Каждая моя слезинка стоитъ сотни вѣковъ.

Забывать бы о существованіи отца и матери, одинаково не цѣнящихъ ее, Вай...

— Грубыя животныя, я убѣгу, а потомъ пускай они режутъ, будетъ уже поздно.

Тройныя проклятія посылаетъ она родителямъ, — „какъ я ихъ тяжело ненавижу“.

Поневолѣ, читатель, о существѣ, съ такимъ злымъ и черствымъ сердцемъ, надо написать книгу и озаглавить: „Исторія одного порока“.

Но что это? Вотъ здѣсь же она, Вай, посылаетъ письмо „въ которомъ хотѣлось сказать“—„милая, милая мамочка“—и повторять это безъ конца (стр. 208).

Вотъ Вай часами мечтаетъ, какъ она прѣдетъ домой, и ей хочется, чтобы счастливыми были всѣ, и Кора, и Нянька, и Петербургъ.

Услышавъ, что въ Россіи можетъ быть война, она безумно рыдала, прося Господа, если можно, послать ей какое-нибудь несчастье, ну хоть чахотку, только Боже, милый, милый, пусть войны не будетъ...

— Грусть моя, грусть моя, что мнѣ дѣлать съ тобой?

Одинокая, она останавливается отъ отчаянія въ чужихъ подъѣздахъ, гдѣ-то на пристани, она плачетъ одна, подъ дождемъ, моля Бога объ успокоеніи мятежной души своей.

— Я смуглая интеллигенточка, уставшая безъ будущаго.

— Я ломанная линія въ жизненной геометріи.

Веселое простое счастье, было ли оно?

А вѣдь гдѣ-то и „нянька родная, и утреннее причастіе, и темное утро“.

Ахъ, маленькой птичкой сжаться въ теплое дѣтствѣ, чтобы старая нянька приносила жаворонковъ изъ тѣста и колокола звонили про праздникъ Благовѣщенія.

Что же заставило разлетѣться этихъ сладкихъ жаворонковъ и стерло всю красную радость со всѣхъ праздниковъ?

Что же заставило эту дѣвочку плакать до тѣхъ поръ, пока не поняла она, что Богъ „не уступаетъ“?

Что поставило ангела унынія у ея подушки, которую она искусила, задыхаясь въ отчаяніи?

Что помѣшало ей войти въ „міръ желаннаго, Славы и Маги“?

Въ чемъ трагедія этой несчастной дѣвочки, съ головкой юнаго флорентинца?

Трагедія Вай—въ ея отрицаніи своего пола, въ ея мечтѣ о совершенномъ цѣломудріи. Исторія Вай—это трагедія одного цѣломудрія.

— Проклятіе мое началось уже съ того дня, какъ меня родили женщиной, когда во мнѣ столько мужского—такъ сказала себѣ она, еще бѣгавшая въ короткихъ платьяхъ и только что оставившая надежду стать Наполеономъ.

Подросткомъ, „три года ища чистаго мужчину“, она „принимаетъ міръ“, прочтя въ Энциклопедіи Края статью о скопцахъ.

Божій міръ освободился отъ послѣдней туманности. Въ сердцѣ Вай распустился цвѣтокъ-мечта о Прекрасномъ Цѣломудріи.

— Мое отвращеніе къ половой любви появилось съ десятилѣтняго возраста, и полно и неприкосновенно сохранилось до настоящаго времени—пишетъ въ дневникѣ уже взрослая дѣвушка.

„Выйти замужъ—доказать мужчине, что она, она только женщина“...

И Вай въ отчаяніи, что дѣвушки становятся женщинами, „только женщинами“, и умираетъ ея прекрасная мечта.

„Какъ женщины не умѣютъ себя цѣнить!“

А рядомъ сестры и подруги, одна за другой, влюбляются и выходятъ замужъ, всѣ, всѣ, всѣ...

Но что же дѣлать?

Нельзя уже, какъ въ дѣтствѣ, топтать ногами и кричать:

— Я не женщина, не женщина, не женщина!

Ищущая мысль и опытъ сдѣлали свое, пришло поиниманіе и потерялась дѣтская наивность.

Она готова уже только просить базъ задора и вызова—вѣдь я никогда не напоминаю, что у меня есть поль, пусть и другіе не напоминаютъ мнѣ объ этомъ.

Она идетъ еще дальше въ сознаніи своего безсилія.

— О, Вейнтъ, восклицаетъ она, я полюбила бы какъ другіе, но у меня атрафировано чувство любви.

Она знаетъ уже, что женщина—сексуальность, но какъ можетъ быть только женщиной она, лишенная сексуальности, она, увѣровавшая въ правоту скопчества, примирившаяся съ міромъ, только узнавъ о возможности существованія мужчины безъ мужскаго.

— Почему не хотятъ во мнѣ видѣть человѣка—тоскуеть она.

— Я человѣкъ, а не женщина, а никто этого упорно не желаетъ замѣчать, хотя во мнѣ казалось бы нельзя этого не замѣтить.

— Но мужчины не виноваты, что у нихъ мужской взглядъ.

— Болѣе виноваты, чѣмъ я, что у меня женское тѣло: мужскому взгляду можно еще придать человѣчность; женскому же тѣлу—никогда.

— Богъ милосердный, Милый Боже, давь мнѣ одно непоправимое несчастье—мой поль—Ты по своей благодати, постарался смягчить его, давь мнѣ талантъ.

Талантъ! Вотъ путь которымъ еще можно выйти изъ „только женскаго“. Она убѣждаетъ себя, что онъ у нея есть. Она хочетъ взять его крикомъ, задоромъ, самогипнозомъ.

— Я геній.

— Я иду къ триумфу.

— Я войду въ міръ желаннаго, Славы и Магн.

И тѣмъ отчаяннѣе потому плачетъ она, гдѣ-нибудь въ чужомъ подвѣздѣ, у уличнаго фонаря, эта бѣдная дѣвочка, съ глазами такими чистыми и ясными, что смотрясь въ нихъ подруги поправляли криво надѣтую шляпу.

— Творчества! о только творчества!

— Дай мнѣ чахотку, сифились, слѣпоту и Творчество.

И желаннаго не было. Она же понимала, сознавала это.

Быть можетъ, она прогнѣвала Бога своимъ непоколебимымъ цѣломудріемъ, но милосердный, милый Боже, не я сама откопала это чувство, а Ты мнѣ его далъ. Всѣмъ пожертвую я: жизнью своею, глазами, аваятюрами, но цѣломудріемъ никогда. Я боюсь стать женщиной.

Она попала въ мертвый кругъ.

Если она не станетъ больше, чѣмъ женщиной, если ее покинетъ Творчество, она останется „только женщиной“ и это будетъ отрицаніемъ ея существованія, потому что какъ можетъ быть только женщиной, она, безсексуальная Вай.

И когда она увидѣла, что кругъ замкнулся, что вырваться изъ него нельзя, она вспомнила, что поставила Богу ультиматумъ, и если Богъ не уступаетъ, остается одно—исполнить свою угрозу.

И уже принявъ коканъ, уже умирающая, она собираетъ брошенные безъ воды цвѣты и бережно ставитъ ихъ въ стаканъ, пусть хоть они живутъ, разъ мнѣ не удастся.

О, какія проклятія хочется посылать безсердечной жестокой Природѣ, которая время отъ времени точно нарочно рождаетъ изъ себя исключительное, не естественное, чтобы на его жестокомъ уничтоженіи торжествовать свои естественные законы.

А. Тришатовъ.

„Въ тылу“. Литературно-художественный альманахъ кассы „Взаимопомощь“ студентовъ Рижск. политехн. института. Книгоизд. М. В. Попова. Петроградъ, 1915, Стр. 228, п. 2 р.

Въ ряду сборниковъ, доходъ съ которыхъ предназначается въ пользу жертвъ войны, альманахъ „Въ тылу“ займетъ далеко не послѣднее мѣсто. Хотя произведенія, составляющія названный сборникъ, уже были напечатаны въ различныхъ изданіяхъ, тѣмъ не менѣе, будучи собраны въ одной книгѣ, они производятъ новое и весьма благоприятное впечатлѣніе. Особенно богато представленъ публицистическій отдѣлъ, въ который вошли статьи Д. С. Мережковскаго, В. Э. Зѣлинскаго, Э. Д. Ватюшкова, большая статья Д. Койгена („Трагедія германизма“) и мн. др.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ мы должны отмѣтить глубокой по мысли и прекрасно-написанный рассказъ З. Н. Гиппіусъ „Странный законъ“ и великолѣпную сказку А. М. Ремизова „Солдатъ“. Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщены получившіе широкую извѣстность стихи Игоря Сѣверянина („Поэза о Бельгн“ и др.), „Пѣсня брусельскихъ кружевницъ“ Т. Л. Шепкиной-Куперникъ, стихи Э. Сологуба, Н. Гумилева и другихъ извѣстныхъ поэтовъ. Но лучшимъ и по-истинѣ драгоценнымъ украшеніемъ сборника, является стихотвореніе З. Н. Гиппіусъ „Веснѣ“, помѣщенное въ началѣ

книги. Это—уже не просто стихи, а молитва, столь пламенная и чистая, что,—вникая въ нее,—несомнѣнно и непоколебимо вѣришь въ душевную мощь нашего народа. Народъ, лучшіе представители котораго умѣютъ такъ крѣпко вѣровать, такъ глубоко любить и такъ сладостно молиться,—всякое горе перенесетъ, всякую бурю выдержать и всякую силу недобрую, въ концѣ концовъ, сломить!

Александръ Тиняковъ.

Въ годъ войны. Сборникъ. Артистъ — солдату. Подъ ред. Л. Ю. Рахмановой и А. В. Руманова. 1915. Мѣсто изданія не указано. Цѣна 1 р. 50 к.

Подобнаго рода сборники, вызванные желаніемъ оказать помощь жертвамъ войны, не претендуютъ обыкновенно на цѣльность художественнаго впечатлѣнія. Указанный сборникъ не представляетъ собою въ этомъ отношеніи исключенія.

Отдѣлъ „Стихи“ составленъ изъ 16 пьесъ Э. Сологуба, И. Бунина, А. Влока, З. Гиппіусъ, Т. Шепкиной-Куперникъ, А. Ахматовой, В. Пяста и девяти другихъ поэтовъ, менѣе извѣстныхъ. Нѣкоторые стихи помѣчены датами, предшествующими войнѣ, и не имѣютъ къ ней отношенія, но большинство говоритъ о войнѣ. Стихотвореніе В. Гиппіусъ содержитъ сатиру на „военные стихи“ и еще болѣе на ихъ авторовъ. Авторъ жалуется, что поэты не сумѣли помолчать въ началѣ

войны, „чтобъ пережить хоть первыя печали могли мы въ тишинѣ“, а затѣмъ они „изнемогли отъ всякихъ кличей, отъ собственныхъ словесъ“.

„И, юное безвременно состарѣвъ,—
Идутъ, бѣгутъ назадъ,
Чтобы запѣть, въ туманѣ прежнихъ маревъ,
На прежній ладъ“...

Кстати, обращаемъ вниманіе на грамматическую сомнительность выраженія „юное безвременно состарѣвъ“...

„Проза“ въ сборникѣ представлена 13 авторами. А. Купринъ далъ главу изъ „Ямы“, Л. Добронравовъ— главу изъ романа „Черноризецъ“, прочіе авторы— небольшие цѣльныя произведенія. Огромное впечатлѣніе производитъ рассказъ Метерлинка „Избѣненіе младенцевъ“ въ переводѣ Н. Минскаго (кстати сказать, это единственный иностранный авторъ во всемъ сборникѣ). Изъ другихъ произведений обращаютъ на себя вниманіе по оригинальному замыслу драма Г. Чулкова „Темное сердце“ и фантастическій рассказъ В. Свѣтлова „Въ странѣ недожитыхъ жизней“. Слабы въ художественномъ отношеніи рассказы И. Потапенко „Веселый капиталъ“ и Н. Киселева „Шапка“.

А. Кратовъ.

А. Рославлевъ. Покойникъ Посудевскій и др. разск. Изд. Попова. ц. 1 р. 25 к.

„Потомъ снова очутился на положеніи босняка, но выбился и изъ этого положенія, благодаря силѣ характера и дарованію“—такъ говоритъ самъ о себѣ Рославлевъ (энц. сл. бр. Гранатъ, стр. 693). Двѣ трети разбираемой книги слѣдуетъ отнести къ силѣ характера, но осталшая треть несомнѣнно принадлежитъ дарованію, и подлинному, искреннему и истинному. Это ничего, что и самые удачные рассказы скомпонованы не совсѣмъ гладко, не совсѣмъ сгармонизованы отдѣльными частями. Не въ недостаткахъ тутъ дѣло. Даже самое слово ихъ заслоняется тѣмъ, къ чему оно обращено. А обращено оно на то, что Рославлевъ умѣетъ хорошо видѣть, понимать и, главное, чувствовать, тонко и точно. „У председателя управы носъ такъ неловко посаженъ, словно росъ отдѣльно отъ лица, а потомъ очутился, по странной игрѣ случая, на подобающемъ мѣстѣ“. (Расстрата). „Голова у Савелія Власовича была вытянута, какъ дыня, съ ухабинкой по серединѣ. За ухабинку прозвали его Желобкомъ“ (тамъ же). „Тугой пуčekъ черныхъ, съ сѣрой сѣдиной волосъ и дряблый широкий вадъ были ему всего омерзительнѣе въ старухѣ“. (Туманъ). „Въ праздники пьяный угаръ бросалъ въ пыль погрузнѣвшія и расхлябавшія тѣла“ (тамъ же). И все дальше и дальше вы видите всѣ эти носы, лбы, угловатые виски, нелѣпыя движенія, все то непріятное, несносное, „человѣческое, слишкомъ человѣческое“, что дѣлается истиннымъ бичемъ для увидѣвшаго, отъ чего не спасаетъ ни умъ, ни благородство, ни тонкость и изящество душевныхъ движеній. Спасаетъ разве только то, что отдается вдругъ человѣкъ беззаветно и сумасбродно мечтѣ о томъ, у кого нѣтъ ни линий, ни угловъ, а кто весь нереальность и обаяніе (Баронъ Курасовъ, Покойникъ Посудевскій),—отдается и перестаетъ замѣчать все на свѣтѣ, вплоть до собственнаго убожества. А еще и то спасаетъ, что такой обезличенный, у котораго даже и фамилію то все время кто то стираетъ по ночамъ съ черной доски въ „меблирашкахъ“, вдругъ выйдетъ передъ лицо народное, поклонится на всѣ стороны и заявить громкогласно:

— Я геній! Я избрѣлъ геніотелефонъ! Жертвую вамъ его на всеобщее пользованіе! (Шутка) Это благодарно и царственно, но, увы, уже безумно! Къ несчастью у такого человѣка, по горькому слову нашего фи-

лософа-художника, только и есть два пути: либо вырасти до размѣровъ чудовищныхъ, либо уничтожиться въ песчинку.

Рославлевъ близко умѣетъ подойти къ психологіи такого человѣка—и жаль, что не всегда желаетъ.

Н. Киселевъ.

1) **М. А. Лятскій.** Великіе міра. Избранники исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Стр. 290, цѣна не обозначена.

2) **Викторъ Русаковъ.** Юные русскіе герои. Очерки и рассказы о военныхъ подвигахъ русскихъ мальчиковъ. Петроградъ и Москва. 1914. Стр. 124, цѣна въ переплетѣ 1 руб.

3) **Викторъ Русаковъ.** Русскія свѣтила науки. Биографическіе очерки и рассказы. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Стр. 160, цѣна въ переплетѣ 1 руб.

Изъ указанныхъ здѣсь трехъ книгъ для чтенія дѣтей и юношества самая лучшая—книга г. Лятскаго. Въ формѣ популярнаго рассказа, попутно рисуящаго бытъ и нравы страны и эпохи, авторъ очень искусно знакомитъ юныхъ читателей съ жизнью правителей народовъ, получившихъ въ исторіи названіе „великихъ“. Всего дано въ книгѣ 20 биографій изъ эпохи древняго міра, среднихъ вѣковъ и новаго времени—вплоть до Екатерины Великой. Многочисленные портреты, снимки съ картинъ, гравюръ, скульптурныхъ произведений и монетъ богато украшаютъ книгу. Появленіе ея необходимо привѣтствовать и пожелать ей широкаго распространенія.

Двѣ книжки г. Русакова полезны не меньше книги г. Лятскаго, но рассказы въ нихъ эпизодичны и напоминаютъ болѣе отрывочное газетное сообщеніе, чѣмъ законченное цѣлое. Въ „Юныхъ русскихъ герояхъ“ авторъ помѣстилъ краткія сообщенія и о мальчикахъ-добровольцахъ текущей войны, указавъ однако въ „заключеніи“ къ книгѣ, что приведенные имъ рассказы не должны вызывать преждевременнаго воинственнаго пыла. Въ книжкахъ г. Русакова тоже имѣются рисунки. Изданы онѣ изящно и въ изящныхъ переплеткахъ. Рекомендуемъ эти книжки для подарковъ юнымъ читателямъ.

Андрей Кратовъ.

Библиотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 301. На морѣ и на землѣ. Сборникъ географическихъ рассказовъ. Выпускъ IV. Стр. 126, цѣна 70 коп. № 308. С. Джеμισонъ. Пріемышь черной Туанетты. Повѣсть. Переводъ съ англ. С. Займовской. Стр. 176, цѣна 85 к. Москва. 1915.

Первая изъ этихъ книжекъ состоитъ изъ четырехъ очерковъ. Перу извѣстнаго популяризатора Н. Ульянова принадлежатъ два очерка „Въ царствѣ винтиковъ, пружинковъ и колесиковъ“ и „Великіе морскіе каналы Суэцкій и Панамскій“. Очень живо и наглядно, съ обильными иллюстраціями посредствомъ рисунковъ, изображены здѣсь исторія и техника производства часовъ и прорытія знаменитыхъ каналовъ. Очерки г. Воскресенскаго „Двѣ недѣли среди самоѣдовъ“ и г. Вазова „По болгарскимъ горамъ“ написаны незанимательно для юныхъ читателей и читаются съ трудомъ.

Несравненно удачнѣе повѣсть С. Джеμισонъ, прекрасно переведенная г-жей Займовской. Дѣйствие происходитъ въ Новомъ Орлеанѣ въ Америкѣ, среди бѣлыхъ и чернокожихъ, среди богатыхъ и бѣдныхъ людей, среди взрослыхъ и дѣтей.

Всякое лицо авторъ умѣетъ изобразить выпукло и ярко, не впадая въ шаржъ, при изображеніи порока и не преувеличивая достоинствъ положительныхъ типовъ. Фабула повѣсти очень занимательна, и можетъ породить въ юномъ читателѣ цѣлую гамму чувствъ, горестныхъ и радостныхъ, завершающихся вполне благополучнымъ концомъ. Книга прекрасно иллюстрирована. И. К.

П. Кудряшовъ. Идеинные горизонты мировой войны. Москва. 1915, цѣна 1 р. 25 к.

Книга эта не представляет собою самостоятельнаго произведенія автора, а только составленный имъ сборникъ отрывковъ изъ многочисленныхъ газетныхъ и журнальныхъ статей и книжекъ, посвященныхъ войнѣ. При этомъ авторъ останавливается лишь на болѣе яркихъ, по его мнѣнью, идеяхъ и распределяетъ ихъ по 4 рубрикамъ: 1) оцѣнка западной и, въ частности, германской культуры, 2) пути новой культуры, 3) миссія новой Россіи и проблема націонализма и 4) отношеніе къ войнѣ.

Большая часть приведенныхъ отрывковъ известна уже читателямъ по „Вюллетенямъ литературы и жизни“, въ составленіи которыхъ авторъ принималъ участіе.

Къ сожалѣнію, не всегда авторъ выбиралъ изъ цитируемыхъ статей все существенное; нѣкоторыя статьи онъ распредѣлил по разнымъ рубрикамъ, отчего теряется ихъ первоначальная цѣльность. Въ итогѣ читатель получаетъ лишь намеки на подлинныя идеи цитируемыхъ авторовъ. Но и въ такомъ видѣ, необходимо признать, книга интересна и наглядно показываетъ, что текущая война представляет собою явленіе исключительное, и послѣдствія ея для духовной культуры будутъ неисчислимы и громадны. А. Кр.

А. М. Май. СПб. 1914, Книг-во „Прометей“. Ц 10 к.

Это—брошюра о празднованіи 1-го мая, принадлежащая перу автора, известнаго петроградской интеллигенціи и рабочимъ по выступлениямъ въ религиозно-философскомъ обществѣ и по лекціямъ на религиозно-философскія темы въ народномъ университетѣ.

Глубоко проникнутый идеями свободы, авторъ не менѣе глубоко проникнуть религиознымъ духомъ. Въ первомайскомъ рабочемъ движеніи, выступающемъ полъ знаменемъ безрелигиозности, онъ видитъ религиозное содержаніе и доказываетъ свой взглядъ ссылкой на исторію культа мая у разныхъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Помимо основной идеи, проводимой авторомъ, брошюра интересна, какъ религиозно-историческій очеркъ. И. К.

А. Н. Анцыферовъ Очерки по кооперации ц. 1 р. 50 к. и **И. И. Ушаковъ** О проэктѣ общаго кооперативнаго закона ц. 20 к. Изд. Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ.

Обѣ книги довольно показательны для роста нашей кооперации и развитія идей послѣдней. Книга проф. А. Н. Анцыферова, выходящая вторымъ изданіемъ и проэктъ общаго кооперативнаго закона, наглядно рисуютъ, въ какой мѣрѣ русскіе мелкіе производители, и широкая потребительская масса проникнута стремленіемъ къ объединенію въ экономической борьбѣ. Несмотря на нѣкоторую отрывочность и случайность матеріала, характерныя для всякаго рода сборниковъ, книга проф. Анцыферова является необходимымъ настольнымъ пособиемъ для всякаго кооператора. Въ ней собраны не только матеріалы по теоріи и исторіи кооперации на Западѣ и въ Россіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рецензируемое изданіе представляет нѣкоторый интересъ злободневности, ибо въ этой книгѣ собрано много статей и очерковъ, посвященныхъ недавнимъ крупнымъ событіямъ кооперативной жизни, какъ, напримѣръ, Кіевскому съѣзду 1913 г., профессиональному образованію и т. д.

Что же касается брошюры И. И. Ушакова, то ея появленіе на книжномъ рынкѣ болѣе чѣмъ своевременное, ибо проэктъ кооперативнаго закона, хотя и выработанный рядомъ съѣздовъ и совѣщаній — до сихъ поръ былъ мало известенъ среди рядовыхъ работниковъ кооперации. Брошюра изобилуетъ полнотой юридическаго матеріала и издана тщательно, несмотря на крайнюю дешевизну. П.

„Знаніе для всѣхъ“, изд. П. П. Сойкина. 1) М. И. Сизовъ „Жизнь и смерть“, біологическій очеркъ, 1914 г., стр., 40; 2) Проф. А. М. Никольскій „Заботы о потомствѣ въ царствѣ животныхъ“, 1914 г., стр. 36; 3) А. Л. Погодинъ „Зарубежная Русь“, 1915 г., стр., 32; 4) Проф. В. Н. Меншуткинъ „Первый русский ученый“, 1915 г., стр. 36; ц. кажд. вып. 50 к.).

Каждая изъ поименованныхъ выше книгъ составлена специалистомъ и, будучи взята въ отдѣльности, представляет собою недурную популярную брошюру. Особенно удачнымъ кажется намъ очеркъ проф. Меншуткина о Ломоносовѣ; очеркъ проф. А. Л. Погодина о зарубежной Руси составленъ менѣе искусно и — пожалуй — чрезмерно для популярной брошюры загроможденъ деталями; тотъ-же упрекъ можно предъявить и къ біологическому очерку г. Сизова.

Однако, совсемъ иное отношеніе къ себѣ возбуждаетъ въ насъ вся эта „серія“, въ ея цѣломъ. Въ предпріятіи г. Сойкина поражаетъ полная бессистемность и пестрота отдѣловъ. „Первый царь изъ дома Романовыхъ“ и „Въ царствѣ грибовъ“, очерки по астрономіи и по искусству, по биологіи и по этнографіи являются одинъ за другимъ — (книги выходятъ ежемѣсячно начиная съ 1913 г.) — и нѣтъ въ ихъ появленіи никакой послѣдовательности, и нѣтъ между ними никакой внутренней связи. Вотъ почему, въ концѣ концовъ, невольно начинаешь думать, что и вся эта серія, въ сущности, серія — ненужная; специалистамъ и просто интеллигентнымъ людямъ такого рода брошюры, разумѣется, не дадутъ ничего новаго, а неподготовленному читателю онѣ не укажутъ пути...

Къ тому же всѣ эти „очерки“ непомерно дороги: платить за 32 страницы текста, разбавленнаго рисунками, полезность и красота которыхъ весьма „загадочны“, цѣлый полтинникъ — можетъ далеко не всякій, почему и всю серію слѣдовало бы назвать не „Знаніемъ для всѣхъ“, а „Приманкой для неопытныхъ“...

Александръ Тиняновъ.

Г. Гюнтеръ. Физика въ опытахъ и забавахъ. Часть 1-ая. Переводъ Г. и Л. Муляръ. 72 рис. въ текстѣ. Издательство „Образованіе“. Петроградъ. 1915.

Въ предисловіи отъ издательства, въ обращеніи къ юнымъ читателямъ сообщается о намѣреніи показать имъ „какъ много интереснаго, чудснаго въ этомъ, пока еще чуждомъ вамъ мірѣ науки, сколько нужнаго и полезнаго есть въ вашей повседневной жизни и сколько занимательнаго, увлекательнаго въ смыслѣ игры, развлечения, „забавы“.

Книжка ставитъ своей задачей знакомить дѣтей съ законами физики, стремится учить — шутя.

Стремленіе вполне разумное — помочь ребенку возможно раньше ознакомиться съ законами природы, получить интересъ къ изученію и пониманію ихъ, для развитія сознательнаго отношенія къ окружающимъ явленіямъ природы, каковое далеко не всегда встрѣчается и у взрослыхъ, получившихъ то или иное образованіе.

Задача поставлена, конечно, нелегкая, при наличіи стремленія автора не только иллюстрировать на опытахъ законы физики, но и объяснять ихъ.

Первое достигается достаточнымъ числомъ соответственныхъ рисунковъ, что же касается объясненій, то степень ихъ удовлетворительности и удобопонятности можетъ быть оцѣнена лишь примѣнительно къ тому дѣтскому возрасту, для котораго книжка предназначена, а о немъ какъ разъ не имѣется указаній, хотя по тону изложенія слѣдуетъ предположить дошкольный возрастъ.

Во всякомъ случаѣ задача сознательнаго усвоения законовъ физики и для младшаго возраста облегчается обдуманнѣмъ подборомъ и переходомъ отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ опытамъ и явленіямъ.

Опыты, конечно, подобраны такъ, что воспроизведе-

ніе ихъ не требуетъ никакихъ новыхъ приборовъ и все производится, главнымъ образомъ, ресурсами буфета въ столовой: вилками, ножами, пробками и проч.

Книжка переведена живымъ и яснымъ языкомъ и заслуживаетъ своего мѣста въ дѣтской библиотекѣ.

П. Я.

Списокъ книгъ присланныхъ въ редакцію для отзыва.

Въ Годъ Войны. Сборникъ, Артистъ—Солдату. Подъ редакціей Л. Ю. Рахмановой и А. В. Руманова. Ц. 1 р. 50 к.

Война и Жизнь. Литературно-публист. сбѣрн. Саратовъ. Ц. 50 к.

Жертвамъ Войны. Первый Омскій литературный сборникъ. Изд. М. А. Шавыкиной. Ц. 2 р.

И. С. Нинитинъ. Полное собраніе сочин. и писемъ. Т. III-й. Подъ редакціей А. Г. Фомина. Вступительная статья Ю. И. Айхенвальда. Петроградъ. Книгоизд. т-во „Просвѣщеніе“. Ц. 1 р. 15 к.

Семень Астровъ. Свѣтлый Путь. Лирика. Ц. 75 к. Книгоизд. „А. С. Пушкинъ“.

Борисъ Кушнеръ. Тавро вздохомъ. Поэма. Книгоизд. „Авентора“. Москва. 1915 г. Ц. 50 к.

Иванъ Рукавишниковъ. Стихотворенія 1909—1914 г.г. Ц. 1 р. 25 к. Московское книгоиздательство.

Книгоиздательство „Жизнь и Знаніе“. Петроградъ. 1914 г.

Максимъ Горькій. По Руси. Очерки. Ц. 1 р. 50 к.

С. Юшневичъ. Леонъ-Дрей. Часть 2-ая. Ц. 1 р.

С. Т. Семеновъ. Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. Ц. 2 р.

Родныя Пѣсни. Сборн. стихотвореній: Н. А. Некрасова, И. С. Никитина, Ю. В. Жадовской, И. З. Сурикова, С. Я. Надсона, С. Д. Дрожжина и друг. Состав. Влад. Бонъ-Бруевичъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к.

Влад. Бонъ-Бруевичъ. Знаменіе времени. (Убійство Андрея Ющинскаго и дѣло Вейлиса). Впечатлѣнія Киевскаго процесса. Ц. 1 р.

Библиотека Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества:

С. Джеμισонъ. Приемышъ Черной Туанеты. Повесть. Пер. съ англійскаго. Ц. 85 к., въ папкѣ 1 р. 15 к.

А. Штифтеръ. Ночь подъ Рождество. (Среди снѣга и дыла). Рассказъ, съ рис. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 коп. II-е изданіе.

Л. и Ж. Караваевы. Какъ сдѣлать самому простыя летательныя аппараты. (Птицы, аэропланы, парашюты, воздушные шары) съ многими рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к., XI-й выпускъ.

На морѣ и на землѣ. Сборникъ географическихъ рассказовъ. Выпускъ 4-й. Очерки: Ульянова, И. Вазова, А. Воскресенскаго. Съ рисунками. Ц. 70 к., въ папкѣ 90 к.

„Жизнь и Смерть“. Біологическій очеркъ, М. И. Сизова. Ц. 50 к. Изд. П. П. Сойкина.

Первый Русскій Ученый. Очеркъ проф. Петроградск. Политехн. Института Б. Н. Меншуткина. Ц. 50 к. Изд. Сойкина.

„Зарубежная Русь“. Очеркъ проф. Харьковскаго Университета А. Л. Погодина. Ц. 50 к. Изд. П. П. Сойкина.

„Заботы о потомствѣ у животныхъ“. Очеркъ проф. Харьковск. Универс. А. М. Никольскаго. Ц. 50 к. Изд. П. П. Сойкина.

„На Зарѣ Славянства“. Очеркъ Вл. П. Лебедева. Ц. 50 к. Изд. П. П. Сойкина.

С. Левитинъ. Педагогика и милитаризмъ въ Германіи. Книгоизд. М. В. Попова. Ц. 1 р.

Г. Гюнтеръ. Физика въ опытахъ и забавахъ. Ч. I-я, перев. Г. и Л. Муляръ. Съ 72 рисунками въ текстѣ. Изд. „Образованіе“. Петроградъ.

„Новыя идеи въ біологіи“. Непериодическое изд., выходящее подъ редакц. проф. В. А. Вагнера. № 8. Общіе вопросы эволюціи. Издательство „Образованіе“. Ц. 80 к. Петроградъ. 1915 г.

В. Кюнтцель. Учебникъ метеорологіи для учащихся въ средней школѣ. Ц. 60 к. Издат. „Образованіе“. Петроградъ. 1915 г.

Естествознаніе въ школѣ. Непериодическое изданіе, выходящее подъ общей редакц. проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова, сб. № 8-й. Общіе вопросы преподаванія естествознанія. Ц. 80 к. Изд. „Образованіе“.

Масловъ Семень. Крестьянское хозяйство. Очерки Эконом. Мелкаго Земледѣл. Второе переработанное и дополненное изданіе. Изд. за счетъ фонда А. О. Бончъ-Осмоловскаго, при Комитетѣ о сельск. ссудо-сберегат. и пром. товар. Ц. 80 к.

Ив. Ушаковъ. О проектѣ общаго Кооперативнаго закона. Ц. 20 к.

А. Н. Андциферовъ. Очерки по Кооперации. Лекціи и статьи. 2-е изд. Цѣна 1 руб. 50 коп. Москва. 1915 г.

П. Кудряшовъ. Идеинные горизонты мировой войны. Цѣна 1 руб. 25 коп. Изд. кн. маг. „Трудъ“.

Для чего нужна выставка сельскаго хозяйства и скотоводства. Состав, проф. И. П. Поповъ. Изд. „Деревенск. хозяйств.“ Горбунова-Посадова. Ц. 2 коп.

О пользѣ травосѣянія въ крестьянскомъ скотоводствѣ проф. И. П. Попова. Изд. „Дерев. хозяйств.“ Горбунова-Посадова. Цѣна 3 коп.

„Борьба съ пьянствомъ“ (алкоголизмъ) под. ред. И. Горбунова-Посадова. Д-ръ медиц. И. В. Сажинъ.

О вредѣ пива и виноградныхъ винъ. Цѣна 8 коп.

Н. Б. Петрова. I-е. Изъ дневника народной учительницы. II-е. Дѣти-сироты. Изд. „Библиот. новаго воспитан.“ под. ред. Горбунова-Посадова. Ц. 65 коп.

П. Дворниковъ и С. Соколовъ. Географическій справочникъ. Пособ. при прох. курса географ. Россіи и отечествов. въ ср. уч. завед. и учительск. сем. Ц. 45 к. Издан. „Сотрудникъ Школь“.

С. Соколовъ и Н. Бородинъ. 2 тетрад. для составл. диаграммъ и картогр. по географ. Россіи. Ц. 10 коп. и 25 коп. изд. „Сотрудникъ Школь“.

П. Дворниковъ и С. Соколовъ. Краткій курсъ географ. Россійской Имперіи. 3-е изд. исправл. и допол. иллюстр. Ц. 95 коп. изд. „Сотрудникъ Школь“.

Б. Игнатьевъ и С. Соколовъ. „Наблюдая природу“. Тетрадь для лѣтн. самост. работ. вып. 1-ый. Ц. 30 коп.

Репетиціон. карты. Составлен. препод. геогр. Б. Игнатьевымъ, С. Соколовымъ и П. Уваровымъ.

Б. А. Овсянниковъ. Кукуруза. брошюра. Ц. 10 коп. Изд. ред. журнала. „Хutorянинъ“. Его-же Кукуруза. Листки.

И. Якушинъ. О люцернѣ на огородахъ. изд. журнала „Хutorянинъ“ 3-е изд.

А. В. Цингеръ. Начальная физика. Вторая ступень. Механика. Изд. Т-во „В. В. Думновъ наслед. бр. Салаевыхъ“. Петроградъ. Ц. 1 р. 15 к.

Первая заграничная экскурсія Союза Сибирскихъ Маслодѣльн. Артелей. 1914 г. Составлено подъ редакціей руководителя экскурсіи Н. В. Чайковскаго.

Редакторъ-Издатель А. К. Яворовская (Боане).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ПЛЕМЕННОЕ ПТИЦЕВОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

(удостоенное двѣнадцати медалей)

Сергѣя Владимировича Зыкова

предлагаетъ:

куръ, породъ: Кахенивъ - полевыхъ, плмутрокъ - кукушчатыхъ, Брамъ - свѣтлая, минорка, Итальянскія - бѣлая Бентомки, орпингтопъ-полевая, Виадоты бѣлая, золотистые серебрястия и др. породы.

Яйца отъ всѣхъ породъ по 3 р. десятокъ.

Цѣны на птицу не дороги, крестьянамъ дѣлаю 10 коп. на рубль скидку.

Иллюстрированный прейсъ-курantzъ съ описаніемъ породъ, наставленіемъ по птицеводству и лечебникомъ высылается за 10 к. марку, на запросы тоже марку.

Адресъ: Дѣйствительному Члену Императорск. Росс. о-ва сельск. хов. птицеводства С. В. Зыкову, Часовенная ул., № 162, соб. д. Саратовъ.

ГОЛОСЪ МОСКВЫ

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ
ВЕСПАРТІЙНАЯ ПРОГРЕССИВНАЯ ГАЗЕТА.
(9-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

СО 2-ГО ДЕКАБРЯ 1914 Г. РЕДАКЦІЯ И СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ ОБНОВЛЕНЫ И ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕНЫ. — ВЪ ГАЗЕТѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ ВИДНѢЙШІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРОГРЕССИВНЫХЪ ТЕЧЕНІЙ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ГАЗЕТА ВСЮДУ ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ ИМѢЕТЪ СОБСТВЕННЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ; ВСѢ ИЗВѢСТІЯ ПОМѢЩАЮТСЯ РАНЫШЕ, ПОДРОБНѢЕ И ТОЧНѢЕ ДРУГИХЪ ГАЗЕТЪ.

— ВОЙНѢ УДѢЛЕНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВНИМАНІЕ. —
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 9 р., на 6 м. 4 р. 75 к., на 3 м. 2 р. 50 к., на 1 м. — 1 руб. ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА для лицъ духовнаго званія, военныхъ, учителей, фельдшеровъ, студентовъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, приказчиковъ и рабочихъ — въ годъ 6 р. 50 к., 6 м. — 3 р. 50 к., 3 м. — 1 р. 75 к., и 1 мѣс. — 75 коп.

ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХЪ ОЗНАКОМИТЬСЯ СЪ ГАЗЕТОЙ
УСТАНОВЛЕНА ПРОБНАЯ ПОДПИСКА:

на 1 мѣс. 50 н. и на 3 мѣс. — 1 р. 25 н.

АДРЕСЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „ГОЛОСА МОСКВЫ“ — МОСКВА,
ФЯЛИЦОВСКІЙ П., 11.

ВЪ ГОРОДАХЪ, ГДѢ НѢТЪ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ „ГОЛОСА МОСКВЫ“, ИЩУТЪ ДѢЯТЕЛЬНЫХЪ, ЭНЕРГИЧНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ РУССКАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

изданіе Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К-о Москва.

Журналъ ставить своей задачей отраженіе всего, что въ данный моментъ останавливаетъ вниманіе широкихъ круговъ русскаго общества.

Журналъ будетъ отмѣчать новыя явленія въ области науки, литературы, искусства и общественности краткими статьями, замѣтками, обзорами и беллетристическими очерками.

Въ каждомъ номерѣ 14—16 отдѣльныхъ страницъ будутъ заняты тщательно подобранными и художественно исполненными иллюстраціями.

Главное вниманіе журналъ обратитъ на русскую жизнь: народное хозяйство, бытъ и культуру различныхъ народностей, населяющихъ Россію, красоты и богатства ея природы, русскую старину, главныя явленія русской культуры, духовной и матеріальной и пр.

Событія великой войны займутъ въ журналѣ должное мѣсто и будутъ иллюстрированы фотографіями собственныхъ корреспондентовъ со всѣхъ театровъ военныхъ дѣйствій.

Въ ближайшихъ №№ „Русской Иллюстраціи“ будутъ напечатаны стихи, рассказы и статьи Л. Андрусона, А. Будишева, В. Бруснина, Б. Верхоустинскаго, Ал. Вознесенскаго, К. Грина, И. Джонсона, А. Журнина, А. Куприна, И. Касаткина, В. Кохановскаго, Н. А. Карпова, Кармень, Н. Киселева, Б. Лазаревскаго, Вл. Ленскаго, Вл. Лидина, М. Митяшева, И. Наживина, А. Окулова, Н. Олигера, А. Пякротова, А. Ремизова, А. Рославлева,

А. Свирскаго, А. Тарасевича, пр.-доц. В. Тотоміанца, Д. Цензора, Г. Чулкова, В. Шершеневича, Г. Яблочкова и др.

Подписная цѣна: на годъ 6 руб., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 1 р. 80 к., на 1 мѣсяць 65 коп. Подписной годъ считается съ 1 февраля.

Подписка принимается: въ Москвѣ: Пименовская, 16 и Николаевская, 8; въ Петроградѣ: Фонтанка, 117; Кіевѣ: Караванская, 5.

Редакція и контора: Москва, Пименовская, 16, тел. 3-71-63

Принимается подписка на журналъ

ЮЖНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

„Южный Музыкальный Вѣстникъ“ ставить себѣ цѣлью давать всестороннее освѣщеніе текущей музыкальной жизни.

„Южный Музыкальный Вѣстникъ“ является органомъ беспартійнымъ. Въ задачу его входитъ разсмотрѣніе вопросовъ музыкальнаго искусства, независимо отъ того или иного направленія.

„Южный Музыкальный Вѣстникъ“ будетъ помѣщать на своихъ страницахъ статьи, какъ спеціальнаго характера, такъ и популярныя.

„Южный Музыкальный Вѣстникъ“ будетъ давать гг. подписчикамъ также нотныя приложенія.

Подписная плата 3 р. въ годъ.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна отдѣльнаго номера 20 к.

Адресъ редакціи и конторы журнала: ул. Новосельскаго, 92, тел. 72-70.

Редакторъ-издатель своб. худ. Н. Ф. Марценко.

Открыта подписка на 1915 годъ (VI годъ изданія).
На двухнедѣльный иллюстрированный литературно-художественный и профессиональный экономическій журналъ

„СТОЛЯРЪ“

24 № журнала съ массой рисунковъ, чертежей и литературныхъ приложений.

24 № иллюстрированныхъ приложений на отдѣлн. листахъ съ рисунками, чертежами и композиціями мебели и строительно-столярныхъ работъ.

Программа журнала: 1) Экономическое и профессиональное положеніе ремесленниковъ. 2) Художественное и техническое образованіе ремесленниковъ. 3) Технические соображенія, совѣты и рецепты. 4) Рисунки и чертежи: а) внутренней отделки, б) строительно-столярныхъ работъ, в) убранство комнатъ, частныхъ и общественныхъ помѣщений, г) мебели во всевозможныхъ стиляхъ. 5) Систематическое руководство для технического самообразования. 6) Библиографія и критическіе отзывы. 7) Вопросы и отвѣты. 8) Литературный отдѣлъ: а) обзоръ важнѣйшихъ мировыхъ событій, б) внутрення дѣла, в) разныя извѣстія и г) рассказы, повѣсти и стихотворенія. 9) Иллюстрированные приложения на отдѣльныхъ листахъ: чертежи, рисунки и композиціи. 10) Общія свѣдѣнія о новостяхъ рынка; 11) объявленія.

Кромѣ текущаго матеріала, въ журналѣ за время его существованія напечатаны систематически изложенныя статьи, съ рисунками и чертежами, изъ которыхъ укажемъ: Стили (исторія искусства въ связи съ примѣненіемъ стилей въ художественной промышленности). 2) Технология дерева (описание разныхъ породъ дерева и приемовъ его обработки). 3) Курсы рисованія и черченія. 4) Механическое оборудованіе столярныхъ мастерскихъ. 5) Размѣры и пропорциональная величина мебели. 6) Ремесленное хозяйство, 7) отделка поверхности дерева: виды поверхностей и способы обработки каждой. 8) Затѣи, въ которыхъ приводились разныя остроумныя и полезныя выдумки и примѣненія въ области мебели. 9) Бесѣды о нуждахъ столяровъ, гдѣ освѣщались текущіе злободневные вопросы, причѣмъ особое вниманіе было уделено вопросу о дополнительномъ образованіи ремесленниковъ, приводилась программа вечернихъ ремесленныхъ классовъ.

Въ 1915 году журналъ „Столяръ“, кромѣ продолженія установленной программы, ставитъ себѣ въ обязанность знакомить читателей съ всевозможными открытіями, нововведеніями и усовершенствованіями художественной промышленности, въ особенности изъ области столярно-мебельнаго производства, а также давать общія свѣдѣнія о новостяхъ рынка съ указаніемъ мѣста пріобрѣтенія и спроса инструментовъ, приборовъ, украшеній и т. д.

Вообще, журналъ ставитъ своей цѣлью дать возможность ремесленнику-столяру, какъ столицы, такъ и глухой провинціи—быть въ курсѣ новостей—въ области столярно-мебельнаго дѣла, для чего Редакція слѣдитъ за развитіемъ технической промышленности на Западѣ, отмѣчая на страницахъ журнала все интересное и выдающееся, имѣющее отношеніе къ столярному и мебельному искусству.

Предположено увеличить число рисунковъ, чертежей по всѣмъ отраслямъ столярнаго ремесла съ пояснительными къ нимъ статьями.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ 5 р., на полгода 2 руб. 60 коп., на три мѣсяца 1 руб. 40 коп. Допускается разсрочка (для годовыхъ подписчиковъ): при подпискѣ 2 рубля и черезъ каждыя два мѣсяца по 1 руб. Пробный номеръ высылается немедленно за 4 семикоп. марки.

Въ Конторѣ редакціи журнала „Столяръ“ имѣется ограниченное количество полныхъ комплектовъ за 1910 г., высылаемыхъ за 2 р. 50 коп., полный комплектъ изъ 12 №№. Комплекты за 1911 г.—4 руб. 1912 г.—4 руб. и 1913 г.—4 р. 50 коп. 1914 г.—5 р. 1915 г. 5 р.

Адресъ Редакціи и Конторы: Петроградъ, Корпусная 28-б.

Редакторъ-издатель К. К. Мауринъ-Стіэбр.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.
(Девятый годъ изданія).

„НАША ОХОТА“

Двухнедѣльный журналъ.

24 книги въ годъ, посвященныхъ охотѣ ружейной, псовой и рыболовству.

Въ журналѣ принимаютъ участіе лучшія силы современной охотничьей литературы.

Всѣ годовые подписчики въ теченіе 1915 года получаютъ три **бесплатныхъ приложения:**

А. П. ИВАШЕНЦОВЪ, его жизни и дѣятельность.
Книга въ двухъ частяхъ, посвященная памяти покойнаго.

Второе бесплатное приложение:
Собраніе новыхъ, не появлявшихся въ печати, повѣстей и рассказовъ

А. П. ЦЕМЕНТЬЕВА.

Лѣто. Листопадъ. По чернотропу. На току, и мн. др.
Изящное изданіе на хорошей бумагѣ.

Третье бесплатное приложение:
СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ Владимира Виргинскаго (В. С.)
НАСТРОЕНІЯ.

Доплатное приложение 1915 г.

Приплативъ при подпискѣ на журналъ 1 р. 50 к., годовые подписчики получаютъ въ 1915 году цѣнный вкладъ въ охотничью литературу—книгу

Н. А. МЕЛЬНИЦКАГО
МЕДВѢДЬ И ОХОТА НА НЕГО.

Замѣтки и наблюденія охотника. Жизнь и повадки звѣря. Способы охоты на него. Оружіе. Собаки. Очерки медвѣжьихъ охотъ.

Въ 1909—1914 г.г. журналъ „НАША ОХОТА“, удостоенъ **11 золотыхъ медалей.**

24 КНИГИ въ годъ и 4 приложения—6 р. 50 к.

3 КНИГИ въ годъ и 3 приложения—5 р.

Приложеніе получаютъ только годовые подписчики.

На 1/2 года—2 р. 50 к.; 3 мѣс.—1 р. 25 к.; 1 мѣс.—60 к. съ пересылкой и доставкой. За границу на годъ 10 рублей.

Разсрочка: при подпискѣ 3 руб., остальная сумма—1 мая. По соглашенію съ редакціей допускается разсрочка на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ и оружейныхъ магазинахъ.

Редакція: Петроградъ. Б. Посадская, 18.

Редакторъ-издательница А. Н. Фокина.

Полтавскія Агрономическія Извѣстія.

Органъ Полтавской Агрономической Организациі, издаваемый Полтавской Губернской Земской Управой.

Программа: 1. Законоположенія, дѣйствія и распоряженія правительственныхъ органовъ, касающіяся агрономической помощи населенію. 2. Разработка вопросовъ, касающихся организациі агрономической помощи населенію Полтавской губерніи вообще и въ связи съ мѣрами землеустройства въ частности. 3. Агрономическая дѣятельность губернскаго и уѣздныхъ земствъ Полтавской губерніи. 4. Главнѣйшія агрономическія мѣропріятія другихъ земствъ. 5. Организациія опытнаго дѣла въ Полтавской губерніи. 6. Агрономическая работа мѣстныхъ кооперативовъ. 7. Библиографическій отдѣлъ. 8. Справочный отдѣлъ. Объявленія. Продолжается подписка на 1915 годъ, въ теченіе котораго выйдетъ 6 книжекъ журнала.

Подписная цѣна 2 рубля въ годъ съ пересылкой.

Подписка принимается въ Сельско-Хозяйственномъ Отдѣленіи Полтавской Губернской Земской Управы.

Адресъ: г. Полтава, Сельско-Хозяйст. Отдѣл. Губернской Управы, Редакція „Агрономическихъ Извѣстій“.

ОСНО
въ 18

Восемнадцать наградъ
на выставкахъ.

ВЪНА
73 г.

Петроградская Мастерская УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ и ИГРЪ

Осн. въ 1873 г. 9. ТРОИЦКАЯ УЛ., 9. Осн. въ 1873 г.

Поставщики учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Постоянной Комиссіи народн. чтеній и Московск. Комиссіи публичн. народн. чтеній.

ПРЕДЛАГАЕТЪ:

Рельефныя картинки животныхъ.

Текстъ подъ ред. докт. зоологіи О. А. Гримма и проф. Э. К. Брандта. Прекрасно исполненныя картины наклеиваются на соответствующія мѣста въ описаніи, а сжатая, умѣло составленная характеристика каждаго животнаго въ отдѣльности и подробное описаніе особенностей каждаго типа дѣлаютъ изданіе не только хорошимъ руководствомъ при первоначальномъ ознакомленіи дѣтей съ животнымъ міромъ, но и цѣннымъ дополненіемъ къ любому школьному зоологическому атласу.

Вып. I. МАЕНОПИТАЮЩІЯ—20 табл. съ 228 отд. карт. Ц. 2 р.

Вып. II. ПТИЦЫ—24 табл. съ 288 отд. карт. Ц. 2 р. 40 к.

Вып. III. БЕЗПОЗВОНОЧНЫЯ—30 табл. съ 360 отд. карт. Ц. 3 р.

НЯНИНА АРИѦМЕТИКА

книжка съ раскрашенными картинками, для изученія первыхъ ДЕСЯТИ чисель. Для дѣтей отъ 4 лѣтъ.

Текстъ составилъ А. Н. Канаевъ.

Изученіе чисель ведется рѣшеніемъ задачъ по картинкамъ, при чемъ полутно сообщаются свѣдѣнія изъ окружающей природы.

2-е изданіе, Ц. 60 к.

АРИѦМЕТИКА.

2-е изданіе посмертное, Ц. 80 к.

Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариѦметики цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чисель.

Составилъ А. Н. Канаевъ.

Съ 40 рис. въ текстъ, съ вопрос. и задач. для усвоенія пройденнаго. 1-е изд. Учен. Комитет. Мин. Народн. Просвѣщ. допущено, какъ учебное пособіе, для среднихъ и низшихъ учебн. завед. и включена въ каталоги книгъ для библиотекъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

1-е изд. Учебн. Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ допущено къ употребленію въ духовныхъ училищахъ, какъ учебное пособіе.

Таблица нумераціи:

Составилъ А. Н. КАНАЕВЪ.

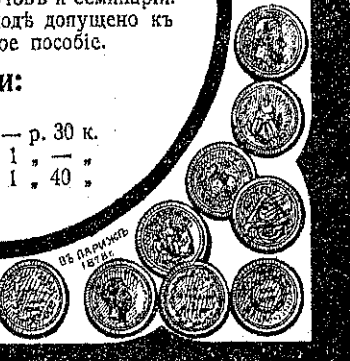
Въ листахъ — р. 30 к.

Наклеенная на папку съ подвижн. цифр. 1 „ — „

Складывающаяся для удобства при перес. 1 „ 40 „

Медаль Импер. Русск. Техн. 0-ва за САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ установку явот. водопров. фонзрен и къ ДОБРОНАЧЕВСТВЕННОСТИ. МЕДАЛИ на выставкахъ въ Филадельфи „за изобрѣтатель- ность, оригинальность и дешевизну“ въ Парижѣ, Москвѣ, Петроградѣ и др. мѣст.

ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ на выставкѣ проз. 2-мъ съездѣ педагогич. по техникуму и профес- сораальному образованію въ Москвѣ 1896 года на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ- Новгородѣ въ 1896 году.

1 р. 90 к.
ВЪ ГОДЪ
безъ доставки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1915-й годъ

2 р. 20 к.
ВЪ ГОДЪ
съ пересылкой.

на

Н О В Ы Й

ЖУРНАЛ ДЛѢ ВСѢХЪ

(VIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

(Подписной годъ съ января).

(VIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ восьмой годъ изданія, журналъ ставитъ своей задачей дать, при доступной для всѣхъ цѣнѣ, возможность самымъ широкимъ кругамъ читателей, имѣть серьезное ежемѣсячное изданіе одного характера съ дорогими, такъ называемыми „толстыми“ журналами.

Слѣдуя намѣченной программѣ, „Новый Журналъ для Всѣхъ“ будетъ заключать въ себѣ отдѣлы: изящной литературы, популярно-научный, общественно-политическій, критическій, художественный и др., отводя мѣсто только лучшимъ произведеніямъ, независимо отъ имени ихъ авторовъ.

Художественность, серьезность содержанія, прогрессивность мысли — таковы пути къ общенію журнала съ установившимся въ теченіи 7 лѣтъ кругомъ читателей.

Слѣдуя разѣ принятому курсу, журналъ будетъ стремиться освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни, чуждый какого либо пристрастія и партійности.

Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальными рисунками, фотографіями и вѣнзетками. Для каждаго номера будетъ даваться новая иллюстрированная обложка.

Вѣруя, что въ народной массѣ таится непочатый источникъ творческихъ силъ, журналъ будетъ стремиться дать подписчикамъ не только выдающіяся произведенія русской и иностранной литературы, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставить своей задачей идти на встрѣчу молодымъ талантамъ, съ особымъ вниманіемъ и радушіемъ предоставляя имъ страницы своего журнала, дабы облегчить первые, особо трудные шаги на литературномъ поприщѣ.

Въ отдѣлахъ художественной критики журналъ намѣренъ уделять большое вниманіе переживаемому въ настоящее время сдвигу въ сферѣ искусства и давать безпристрастное освѣщеніе всѣмъ явленіямъ, какъ русской, такъ и заграничной художественно-артистической жизни.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками въ 4—5 печ. листовъ (въ 130—140 столб.).

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 1 р. 90 к., съ перес.—2 р. 20 к., на 1/2 г.—1 р. 20 к., на 1 м.—33 к. За границу—3 р. 25 к., отдѣльн. книжки въ магаз. 25 к., пробн. № высылается за двѣ 10 коп. марки. Подписная плата марками не принимается.

Для сельскихъ учителей, учительницъ, сельскихъ священниковъ, рабочихъ и крестьянъ допускается рассрочка: 80 к.—при подпискѣ, 80 к.—1 марта и 60 к.—1 июля.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Эртелевъ пер., д. 3. Телеф. 107—88.

Редакторъ-издатель А. Боане-Яворовская.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Контора „НОВАГО ЖУРНАЛА ДЛѢ ВСѢХЪ“ проситъ г.г. подписчиковъ—при заявленіяхъ претензій на неполученіе номера—прилагать свой адресъ съ бандероли.

При перемѣнѣ адреса подписчики уплачиваютъ—40 коп.—ингородніе, и 20 коп.—петроградскіе.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорно проситъ г.г. сотрудниковъ при доставленіи рукописей въ редакцію четко писать адресъ и имя автора на самой рукописи.

Стихотворенія, не принятыя для напечатанія, въ редакціи не сохраняются.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 коп.

